

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

ИПК «ВЕСТИ»

GOVERNMENT OF LENINGRAD REGION
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SOCIETY OF RUSSIAN FEDERATION FOR PROTECTION
OF HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE
(LENINGRAD BRANCH)

CULTURAL HERITAGE OF THE RUSSIAN STATE

Vol. II

PAST AND PRESENT

**Scientist and Politicians about
Cultural Heritage of Russia**

St. Petersburg

«Vesti»

2000

ПРАВИТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ВСЕРОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
(ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ)

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Выпуск II

ПРОШЛОЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Ученые и политики об историческом
и культурном достоянии

Санкт-Петербург
ИПК «Вести»
2000

Издание финансируется Правительством Ленинградской области

В книге впервые приведен разнообразный материал, посвященный культурному, историческому, архитектурному и научному наследию и вкладу русских и других народов в создание, сохранение и осмысление памятников истории и культуры. Особое внимание уделено историческим объектам Ленинградской области. Представлены статьи о сбережении памятников, правах и значимости культуры, национальной идее, научном наследии, вещественных и документальных ценностях, исследовании древнерусских городов. Приведены неопубликованные ранее сведения, касающиеся духовных и материальных сокровищ России за более чем 1000-летний период ее истории.

Издание предназначено всем, кто интересуется прошлым и настоящим многонационального населения Российской Федерации.

Составитель А. Н. КИРПИЧНИКОВ

Ответственные редакторы:

А. Н. КИРПИЧНИКОВ, Е. Н. НОСОВ, В. С. ПОНОМАРЕВ

Editors:

A. N. KIRPICHNIKOV, E. N. NOSOV,
V. S. PONOMAREV

ЗАЛОГ БУДУЩЕГО – В ВЕКОВЫХ ТРАДИЦИЯХ

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ !

С особым удовольствием хочу представить вам новое издание, подготовленное издательством «Вести» совместно с Правительством Ленинградской области, Институтом истории материальной культуры Российской Академии наук и Ленинградским областным отделением Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры: «Культурное наследие Российского государства – прошлое и современность. Ученые и политики об историческом и культурном достоянии», посвященное богатейшему культурному, историческому и архитектурному наследию Ленинградской области и – шире – нашей великой России.

Ленинградская область обладает особо бесценными памятниками прошлого. Только поставленных на государственную охрану недвижимых исторических объектов у нас насчитывается свыше 4500! В большинстве они уникальны, подобных нигде больше не встретишь. Сохранившиеся здесь города, крепости, монастыри – одни из древнейших в Российском государстве.

Жемчужина края – Старая Ладога (бывший город Ладога) – в 2003 году отметит 1250 лет своего существования. Город возник на перекрестке международных торговых путей и играл когда-то столь значительную роль экономического, торгового и культурного центра, что по праву стал древней столицей Северной Руси. Расположившаяся на пути «из варяг в греки», соединившем Русь, Скандинавию, Центральную и Западную Европу

Безумие.

с Востоком, древняя Ладога была прообразом городов будущей единой Европы, ведь создавалась она усилиями многих народов: славян, скандинавов, финно-угров. Здесь же закладывались основы древнерусской государственности. В Ладогу в 862 году был приглашен княжить легендарный Рюрик. При преемнике Рюрика князе Олеге, прозванном Вещим, Ладожская крепость стала важным опорным пунктом единого Древнерусского государства с центром в Киеве.

Из века в век сохранялось и крепло назначение нашего края как защитника русских земель. Во времена Новгородской Республики, а затем Московского государства поднимались твердыни, охранявшие северные границы Руси. Города-крепости Ладога, Орешек, Корела, Тиверский Городок, Копорье, Ямгород, Ивангород наряду с Псковом и Новгородом были мощным оборонительным щитом, заслонявшим Русь от иноземных вторжений. Мы и сегодня можем восхищаться мощью и красотой сохранившихся почти полностью или частично крепостей Копорье (XIII–XVI вв.), Корелы (XIV–XVI вв.), Ямгорода (XIV в.), Орешка (XIV–XVI вв.), Ивангорода (XV–XVI вв.). Созданные руками умелых мастеров они являют собой бесценный источник любви к далекому славному прошлому для всех россиян.

Здесь, на невских берегах, на новгородских землях, произошли когда-то самые значительные сражения, защитившие Русь от иноземных захватчиков. Среди них – Невская битва 1240 года и Ледовое побоище на Чудском озере в 1242 году, где новгородским войском во главе с князем Александром Невским были одержаны решающие победы над шведскими и немецкими рыцарями. Именно на Балтике, «на Нерове ниже Ивана-города на устье на морском...» едва ли не впервые в 1557 году по приказу Ивана IV был построен государственный русский порт. Приневские земли всегда были стратегически важным пересечением международных торговых путей. Это прекрасно осознавал и великий российский реформатор Петр I, продолживший начатую его предшественниками практику утверждения России на этих землях. Отвоевав в ходе Северной войны старинную новгородскую крепость Орешек

(Шлиссельбург), затем шведскую крепость Ниеншанц на Охте, Петр I смог заложить новый форпост на Неве – Петропавловскую крепость, давшую начало великому Санкт-Петербургу. Понимая, сколь велика ценность сотрудничества, а не войны с соседями, Петр I, если так можно выразиться, прорубил здесь «окно в Европу», вернув приладожским и приневским землям бывшее значение первостепенного международного экономического, политического и торгового региона.

Удивительное совпадение юбилеев Санкт-Петербурга и Старой Ладogi, которые в 2003 году отмечают соответственно 300 и 1250 лет своей истории, не так уж случайно. Без древней столицы Северной Руси, утвердившей здесь русский дух, не было бы столичного Санкт-Петербурга, закрепившего навечно значение Невского края для жизни России. Ладога без преувеличения – исторический прообраз Санкт-Петербурга.

Приневско-Ладожский край – это еще и богатейшее культурное наследие, соединившее в себе традиции, культуру, обычаи самых разных народов, населявших эти земли в разные времена и оставивших свой след в судьбе Ленинградской области.

Особое место занимают бесценные архитектурные и художественные сокровища монастырей и храмов, большинство из которых требуют реставрации: Рождественно-Богородичный Коневецкий монастырь, Александрo-Свирский Троицкий и Преображенский, Введено-Оятский Островской, Троицкий Антоние-Дымский, Троицкий Зеленецкий, Никольский и Успенский Ладожские, Тихвинский Успенский; храмы Ивангорода, Шлиссельбурга, Новой Ладogi, Выборга, Кингисеппа, Дятлиц, Гатчины и других городов и поселков Ленинградской области.

Все эти богатства необходимо сохранить. Все требует бережного внимания: и фольклорные песни и костюм, и храм, и крепость. Правительство Ленинградской области заинтересовано в том, чтобы великое наследие предков смогли увидеть и оценить наши потомки. Мы хотим, чтобы для будущих поколений не утратились характер и значение Приневско-Ладожского края в истории России, его вклад в развитие мировой истории и культуры.

Самое важное сегодня, конечно, финансовая и законодательная поддержка работ по возрождению и сохранению культурного богатства Ленинградской области. С этой целью в Правительстве Ленинградской области приняты и действуют законы и постановления, охраняющие и поддерживающие не только культурное, историческое и архитектурное наследие, но и людей, подвижниками отдающих все свое время сохранению бесценных богатств края.

Одна из приоритетных задач Правительства области – помочь возрождению памятников истории и архитектуры. Среди них – музейный комплекс Старой Ладogi, историко-архитектурный комплекс Ивангорода, шедевр средневекового зодчества – Тихвинский Успенский Богородицкий монастырь. Большие надежды в этой связи мы возлагаем на Совет по культуре Ленинградской области, созданный для привлечения к сотрудничеству по сохранению культурных богатств края деятелей науки и культуры.

Правительством и Законодательным собранием области принимаются все меры, чтобы к 2003 году были восстановлены исторические, архитектурные и археологические объекты Староладогинского музея-заповедника. Мы заинтересованы в том, чтобы Старая Ладога возродилась как важный экскурсионный объект. С этой целью Координационный совет по туризму, в работе которого принимают участие представители администрации и муниципальных образований области, а также заинтересованные руководители туристических компаний, уже подготовил целый ряд предложений по вовлечению музейного комплекса Старой Ладogi в одно из самых посещаемых экскурсионных объектов Ленинградской области. Со своей стороны руководство области оказывает посильную финансовую помощь в восстановлении объектов древнего города (специальная статья финансирования Старой Ладogi есть в областном бюджете) и патронирует интересы музея на федеральном уровне. Мы надеемся, что день 1250-летия Старой Ладogi в 2003 году будет общенациональным праздником.

Одним из шагов по пропаганде и возрождению исторического, культурного и архитектурного наследия Ленинградской области

является выпуск книг, подобных той, что вы держите сейчас в руках. В 1998 г. издательство «Вести» выпустило небольшую книгу «Культурное наследие Российского государства». К сожалению, ее удалось напечатать очень маленьким тиражом. Заявки читателей остались неудовлетворенными. Дополнив и переработав книгу, издательство «Вести» выпускает ее в свет под тем же общим наименованием, как сборник статей, ставший серийным. Я надеюсь, что это издание не только раскроет перед вами интересные страницы истории, культуры и науки нашей страны, но и поможет полюбить ее так же, как любят ее те, кто живет и трудится в Ленинградской области.

*Губернатор Ленинградской области
Валерий СЕРДЮКОВ*

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ КУЛЬТУРЫ

Под культурными ценностями¹ подразумеваются не только отдельные объекты – памятники архитектуры, скульптуры, живописи, письма, печати, археологии, прикладного искусства, музыки, фольклора, которые могут быть отмечены в списках, каталогах и т. п., но и явления, такие, как традиции и навыки в области: искусства, науки, образования, поведения, обычаев, культурных индивидуальностей народов, групп населения, отдельных людей и т. д.

Живая культура не может быть исчерпана списками, каталогами, описаниями и т. д. Она составляет определенную ценность и целостность в своей совокупности, в которую входят как произведения и явления первого разряда, так и второстепенного свойства, кроме обычаев и навыков, явно вредных для окружающих.

Культура представляет главный смысл и главную ценность существования как отдельных народов и малых этносов, так и государств. Вне культуры самостоятельное существование их лишается смысла.

І. Права культуры и государства

Ответственность за сохранность культурных ценностей и культуры как таковой лежит на государстве. Государство, в частности, отвечает за самовозобновляемость культуры в стране, за образование, за свободу творчества при полном невмешательстве государства в творческую жизнь.

Культура во всех ее формах имеет право на финансовую поддержку со стороны государства: поддержку образования и охрану культурных ценностей в первую очередь и культуры всех этносов, проживающих на территории государства.

¹ Декларация печатается по тексту, предоставленному общественности для обсуждения на Дне знаний в Санкт-Петербургском гуманитарном университете профсоюзов 1 сентября 1995 г.

На государственных организациях (воспитательных, образовательных, информирующих и пр.) лежит обязанность воспитывать уважение к культуре в целом, к культурным памятникам, культурной деятельности интеллигенции, отдельным языкам малых и крупных этносов; не ущемлять права пользования любым языком на своей территории, учитывая, что язык является главной культурной ценностью любого народа, малого или большого, проживающего на любой территории.

Самоокупаемость культуры (или отдельной ее части) может быть декретирована в тех случаях, когда она не ведет к снижению качества произведений культуры.

«Самоокупаемая» культура является такой культурой, которая оказывается материально и духовно полезной в целом, воздействует положительно на общество, поднимая его нравственность и умственный потенциал людей.

II. Права культуры на сохранность

Культура всех стран любого уровня, если только она является подлинной культурой, а не псевдокультурой (что в случае необходимости устанавливается экспертами ЮНЕСКО), имеет право на сохранность, строго инспектируемую как местными организациями, так и единым для всех стран высшим учреждением при ЮНЕСКО. Этот орган со своим независимым штатом инспекторов, своими юридическими полномочиями по единым для всех стран статьям сможет привлекать к судебной ответственности виновников нарушений сохранности (уничтожения или искажения) произведений культуры или нанесения различного рода ущерба для учреждений культуры и ее положения в обществе.

Учитывая, что культура больше всего терпит ущерб от военных действий, мы вновь подтверждаем полную правомочность «Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта» от 14 мая 1954 года и настаиваем на неукоснительном соблюдении ее требований всеми государствами, в том числе и вновь образованными.

Ввиду того что памятникам культуры очень часто наносится ущерб при реставрационных работах, в дополнение к существующим правилам (в частности, так называемой «Венецианской хартии») считать необходимым постоянные совещания по основным вопросам реставрации и международные консультации реставраторов, особенно если памятник создан не в той стране, где он находится в настоящее время.

К реставрации особо значительных памятников (список которых должен быть серьезно расширен по сравнению с существующими) необходимо допускать лишь реставраторов, имеющих международные дипломы высшей категории, выданные соответствующей организацией при ЮНЕСКО.

Ансамбли памятников культуры, созданные как единое целое (алтари, деисусы, диптихи, триптихи, гарнитуры мебели, библиотеки и коллекции, представляющие собой эстетическое или историческое целое и имеющие общечеловеческое значение), не должны разъединяться при продажах и различных перемещениях.

Исторические города (список которых необходимо значительно расширить и утвердить ЮНЕСКО) должны иметь право на сохранение не только своего центра, но также окраин и окрестностей, которые зачастую представляют собой историческую ценность (для России это: Петербург с его окраинами, дворцовыми городами и селениями; Новгород с окружающими его монастырями и церквями; Москва с подмосковными усадьбами и т. п.).

Охраняемый исторический облик наиболее ценных городов определяется планировкой, высотой (не выше, скажем, Зимнего дворца в Петербурге) зданий, их средними габаритами, окраской фасадов, допустимостью того или иного стиля в городе и т. п.

Исторический облик наиболее ценных исторических городов определяется понятием «облик города», согласно с введенными в свое время в науку определениями в работах И. М. Гревса и Н. П. Анциферова.

Понятие ценного ландшафта определяется не только историческими событиями, произошедшими на этих местах (в России – битвы: Полтавская, Куликовская, Бородинская, Сталинградская, Курская, Севастопольская оборона), но и памятью художественной (Плес на Волге, связанный с именем Левитана, гора Св. Виктории, памятная работами Сезанна, и т. п.).

III. Права культуры на доступность

Доступ к ознакомлению и изучению произведений культуры должен быть открыт для каждого человека (кроме, разумеется, потенциальных злоумышленников, вопрос о которых должен быть рассмотрен соответствующими комиссиями).

Открытость («гласность») произведений должна касаться как находящихся в государственном, так и в частном владении. Невозможность обозрения тех или иных книг, акварелей, рисунков и пр. должна решаться компетентными комиссиями, и сами решения эти не должны быть тайными.

Все произведения культуры должны быть доступны для бесплатного обозрения в назначаемые владельцами дни, не реже двух раз в год. Особый статус для обозрения предоставляется учащимся, пенсионерам, ученым.

Особо ценным собраниям необходимы полные каталоги. Финансовая поддержка в их составлении и печатании осуществляется государством или благотворителями (с соответствующим сокращением налогов для последних).

Под полными каталогами понимаются научные описания произведений, находящихся как в экспозиции, так и в запасниках. Сведения о малых собраниях или отдельных произведениях, хранящихся в частных руках, могут печататься в прессе (научной или популярной).

Произведения культуры (археологические, живописные, прикладного искусства и т. д.) должны иметь стабильное местопребывание и только по особым причинам, исключительно культурного характера, могут менять его; причины должны быть рассмотрены ЮНЕСКО.

Вместе с тем необходимо усилить права жертвователей произведений культуры. Их воля относительно местонахождения пожертвованных предметов, имеющих общечеловеческую ценность, должна полностью выполняться прижизненно и посмертно, о чем в случае прижизненного пожертвования необходима полная договоренность между прежним и новым хранителями.

В случае невозможности выполнения условий жертвователя (или в некоторых случаях продавца) разрешение на перемену условия хранения общечеловеческих ценностей должно выдаваться ЮНЕСКО.

Настоящая «Декларация прав культур» является сугубо предварительной. Государства, принявшие положение данной Декларации, обязуются организовать учреждение при ЮНЕСКО, которое вырабатывает окончательный текст, создав действенные меры по охране и доступности культуры, и станет в дальнейшем пристально следить по общим для всех государств правилам и законам за выполнением всех прав культуры.

А. Н. КИРПИЧНИКОВ

◆
**РАЗМЫШЛЕНИЯ
О НАЦИОНАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ
И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕЕ РОССИИ**

«Для будущего нам полезно
иметь о себе представление».

И. П. Павлов.
«Об уме вообще и русском
в частности». 1928 г.

Особый склад характера русского народа стал формироваться в далеком прошлом. Вместе с ним укоренялась система нравственных и поведенческих мотиваций.

Геополитическое положение Руси–России между Западом и Востоком, многоэтничный состав государства (в его сложении в IX–X вв. кроме славян русских приняли участие 22 племени и этнических образования), необозримые размеры территории, открытость и доступность по отношению к соседям, веротерпимость, межплеменная уживаемость, предприимчивость и гостеприимство – все это обусловило особую широту, природную щедрость и отзывчивость народа.

Уязвимость Руси–России, знавшей победы и поражения, а порой и ужасающие катастрофы со стороны восточных и западных соседей, тяжелые испытания от внешних и внутренних неурядиц, готовность населения к самопожертвованию, массовый героизм в периоды войн и нашествий, жертвенность и удивительное терпение – все сказалось на формировании качеств народа, закаленного в борьбе и лишениях. Сочетание этих, подчас противоречивых, качеств привело к тому, что русские, случалось, не отвергали и мирились с социальными и политическими экспериментами, даже если последние осуществлялись методами террора и насилия.

«Русский человек, – пишет Валентин Распутин, – не умеет беречь себя ... не умеет ценить себя. В его спешке, в том, что хватается за самое тяжелое, выбирает самое опасное, в неупорядоченной жизни – есть какая-то жертвенная струна, звучащая постоянно». Далее писатель замечает, что мы, «...занимая большие площади в Европе и Азии, не Европа и не Азия. Вторая особенность – раздвоенность психическая, между святостью и стихией, между небом и землей. Третья: мы не рождены для материального порядка вещей, но не утвердили духовный»¹.

Евразийское положение Руси–России повлияло на весь ход ее развития. В первые века русской истории вплоть до середины XIII в. сохранялся определенный баланс во взаимоотношениях с восточными и западными соседями Руси. Тот период можно считать своеобразным Ренессансом русской истории. Европейскими темпами развивались города, ремесла и торговля. Свобода и грамотность были присущи широким слоям населения. Люди не знали крепостного права и сословного гнета. Несмотря на феодальную децентрализацию, Русь в отношении культуры, экономики и техники была процветающей страной. Внутренние и внешние войны не останавливали ее прогресса. Существовало единое по вере, языку, культуре, народным обычаям и жизненным устремлениям пространство от Прионежья на севере до Среднего Подонья и отчасти Крыма на юге и от Карпат на западе до Среднего Поволжья на востоке. Монгольское нашествие в середине XIII в. обернулось для страны обвальным катастрофой. Подверглось разрушению три четверти ее территории. Начался длительный период разрухи, упадка хозяйства и торговли, малолюдности. Развитие созидательных сил замедлилось, усилилось азиатское влияние, обозначился разрыв с Центральной и Западной Европой. В конце XV в. страна освободилась от золотоордынского ига, вернула себе полную независимость. В тот период на востоке Европы обустроилось могущественное Московское царство, но его культурный, военный и экономический отрыв от европейских стран стал преодолевать лишь в эпоху Петра Великого. В этих контрастных и переменчивых обстоятельствах (намечены они предельно конспективно) происходило формирование национальных особенностей народа.

Постоянно действующим фактором исторической жизни Руси–России являлись, как упоминалось, связи с Востоком и с Западом. Страна стремилась использовать достижения мировой цивилизации. Особенно важен был для нее беспрепятственный доступ к водным торговым путям, международной торговле, в конечном счете к всемирному человеческому общению и тесным связям со всем Старым Светом, даже в те периоды, когда иноземцы представлялись как политические и идеологические недруги.

Как велики не были религиозные, общественные, этнокультурные и другие отличия жителей России от ее соседей, они не помешали, а может быть, даже способствовали их стремлению к международной интеграции. Об этом проникновенно сказал в 1880 г. в своей речи «Пушкин» Федор Достоевский. «Да, назначение русского человека есть, бесспорно, всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, всечеловеком,

если хотите... Для настоящего русского Европа и удел всего великого арийского племени так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей»².

В противоречии с периодами определенной экономической и социальной отсталости Россия в эпоху нового времени выдвинулась как носитель высочайших достижений духовности и культуры. Появилось понятие загадочной русской души, в которой невероятным образом сочетались великие устремления и расточительность, мечтательность и стяжательство, практическая сметка и беспомощность, отзывчивость и отчаяние, фатализм и удальство. Русская духовность поднялась до высот мессианства и божественного прозрения в поисках ответа о смысле жизни. Развитие литературы, искусства, музыки, философии, культуры в целом, достигло в начале XX столетия небывалого расцвета, оборванного, увы, губительными потрясениями.

Две мировых и одна гражданская войны, голод, террор, насильственное искоренение церковной веры и массовое истребление людей унесли десятки миллионов жизней. По валу смертей, уничтожению и захватам имущества военное время совместились с мирным. Надо только удивляться, как все это вынес, как выстоял и не потерял творческой силы народ. Спасшиеся и уцелевшие могут благодарить судьбу и слепой случай. На смену мессианскому порыву народа к «всечеловеческому единению и братской любви» (слова Ф. М. Достоевского) пришел «пролетарский интернационализм» с его установкой на классовую борьбу и ненависть одной части общества к другой. В официальной пропаганде не жалели добрых слов, но на деле насаждалась нетерпимость к инакомыслящим, подозрительность, тотальная слежка, доносительство, лицемерие, жестокость. «Железный занавес» изолировал «самую передовую» страну от мира. Живи Ф. М. Достоевский в середине XX в., он со своей «всечеловечностью» был бы объявлен «безродным космополитом».

После разрушения командно-коммунистической системы Россию вместо «экономического чуда» неожиданно поглотил новый, глубокий хозяйственный и общественный кризис, не преодоленный и поныне. Страна распалась, поделилось даже ее славянское ядро. Современную российскую действительность характеризуют «...как безумный мир, где отсутствует нравственность, где господствуют волчьи законы, где ложь и обман стали нормой поведения»³.

Можно ли противостоять разгулу преступности, всеобщему обнищанию и вымиранию народа? Конечно, многое здесь зависит от изменения общей обстановки. Не менее важна нравственная сторона

дела. Как справедливо высказал в своем недавнем послании патриарх Алексий II; «лишь духовное возрождение народа, лишь его возврат к богоданным нравственным ценностям воистину принесет нам благоденствие, процветание и согласие»⁴. Особое значение приобретают воспитание, просвещение, культура. Именно культура, по словам Д. С. Лихачева, «...должна стать средой, преодолевающей теневые стороны русского национального характера, прежде всего его склонность к крайностям, легковерие, надежду на “авось” и связанную с этим безответственность»⁵.

Национальная идея, как и национальный характер, кристаллизовалась веками. Она многогранна, сложна, изменчива, ее невозможно наметить и обосновать без учета более чем двенадцативековой письменной истории народа и государства.

Едва ли не впервые в отчетливом виде национальная идея «Москва – третий Рим» была сформулирована в конце XV в. Она воплощала преемственность власти и веры, как бы по высшему предназначению унаследованных Россией от Византийской империи. Эта идея помогла укреплению престижа Московского государства.

Уже в новое время при Александре I разработкой новой общегосударственной идеи занималась группа реформаторов, но только при Николае I в 1833 г. она была окончательно постулирована тогдашним министром народного просвещения графом С. С. Уваровым⁶ в известных словах «православие, самодержавие, народность». Не вдаваясь в оценку этой идеи, следует отметить, что для своего времени она сыграла положительную, цементирующую общество, роль.

В наше время также предпринимались пока не увенчавшиеся успехом попытки выразить современным событиям формулировку идеи. Дальше намерений и некоторых предложений дело не сдвинулось. При этом высказывалась даже мысль о том, что идея – «страшная глупость», ибо она «...быстро станет национальной идеологией, а потом нацизмом»⁷. Действительно, если идея основывается только на местных воззрениях и закрепляет этническую исключительность, она из национальной превращается в националистическую. Напротив, чем более национальной идеи присущи внесловесные интернациональные черты, тем более она становится общеприемлемой, а в нашем случае общероссийской.

Думается, что нашему обществу именно в кризисное, нестабильное время необходима такая идея, которая бы объединяла народ, была бы общенациональной и общечеловеческой. Она была бы призвана укрепить союз власти и общества, сплотив их общей верой, общим делом. Такая идея не конъюнктурна, не лозунг на злобу дня, конечно, не призывает бороться с коррупцией или вовремя платить зар-

плату и вносить налоги. Национальная идея, с чем многие, возможно, согласятся, должна отличаться вседуховностью, вниманием к человеку, межконфессиональностью, определенной долговечностью и привлекательностью, быть открытой, прозрачной и доступной для понимания, учитывать многоэтничность страны и отечественные исторические традиции.

Национальная идея в определенной мере программирует поведение общества не только сегодня, но и завтра. Она обращена к каждому члену общества. Подобная идея должна отражать стремление человека к миру, добру и любви; она чужда ненависти и насилию. Такая формулировка призвана обобщить исторический опыт страны. Она будет жизненной, если сконцентрирует в себе наиболее значимые морально-нравственные общественные и государственные явления. Конечно, сама идея, если она будет принята, не избавит от трудностей жизни, но психологически поможет их преодолению. А. И. Солженицын справедливо говорил, что у нас не может быть другой национальной идеи, кроме народосбережения.

Более чем 1000 лет русская православная церковь укрепляла людей на молитву, труд, подвиг, способствовала их нравственному просвещению и самоусовершенствованию. Искоренение церкви, развернувшееся в XX столетии, ее сильно ослабило, но не уничтожило. Ныне переживаем трудный период восстановления православной веры. К этому относятся по-разному, но с растущим пониманием. Разумею веру не как слепое и фанатичное поклонение творцу, а как провидение, как комплекс христианской морали, без которой человек чаще всего опустошен и бездуховен. Существует ли высшее предназначение в делах и сущности людей, каждый должен решать сам.

Как бы не относиться к религии, следует признать божественную суть человеческой личности. Не случайно в одном из византийских зауспокойных тропарей сказано: «возведи меня, Господи, в подобие Тебе, дабы возобновлялся во мне древний образ Твоей красоты». Проповедь христианской морали несет людям любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, веру, кротость, воздержание.

В итоге всего сказанного национальная идея России как вариант может быть выражена в следующих словах: «ЧЕЛОВЕК, СЕМЬЯ, БОГ, ОТЕЧЕСТВО». Здесь названы, если так можно выразиться, титульные категории понятий-претендентов. Они предложены в порядке обсуждения. Суждения политиков, историков, философов, деятелей культуры и церкви, всех желающих, если их привлечь к столь сложному и ответственному выбору понятий идеи, приблизят нас к истине, точнее сказать, всеохватывающей, общеприемле-

мой формуле. Ведь речь идет о высших моральных, духовных, человеческих и в то же время государственных ценностях России, которые укрепят общество в его силах и возможностях и помогут его продвижению в стабильное будущее.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Аргументы и факты. 1998, № 42. С. 3.

² Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Т. 26. Л., 1984. С. 147.

³ Патриарх Алексий II. Выступление на заседании Священного синода Русской Православной церкви. С.-Петербургские ведомости. 29 декабря 1988 г. С. 1.

⁴ Русская мысль. 27 апреля – 3 мая 2000 г. С. 20.

⁵ Русская мысль. 14–20 января 1999 г. С. 15.

⁶ Любезная консультация А. Н. Цамутали.

⁷ Лихачев Д. С. Нам не нужна национальная идея // Русская мысль. 5–11 ноября 1998 г. С. 11.

Эпиграф к статье цитирован: Иван Павлов. Жизнь состоит из свободы и дисциплины // Аргументы и факты. 15 апреля 1999 г. С. 12.

**ПАМЯТНИКИ
ИСТОРИИ
И АРХИТЕКТУРЫ**

С. В. БЕЛЕЦКИЙ, Е. В. СКРЫННИКОВА

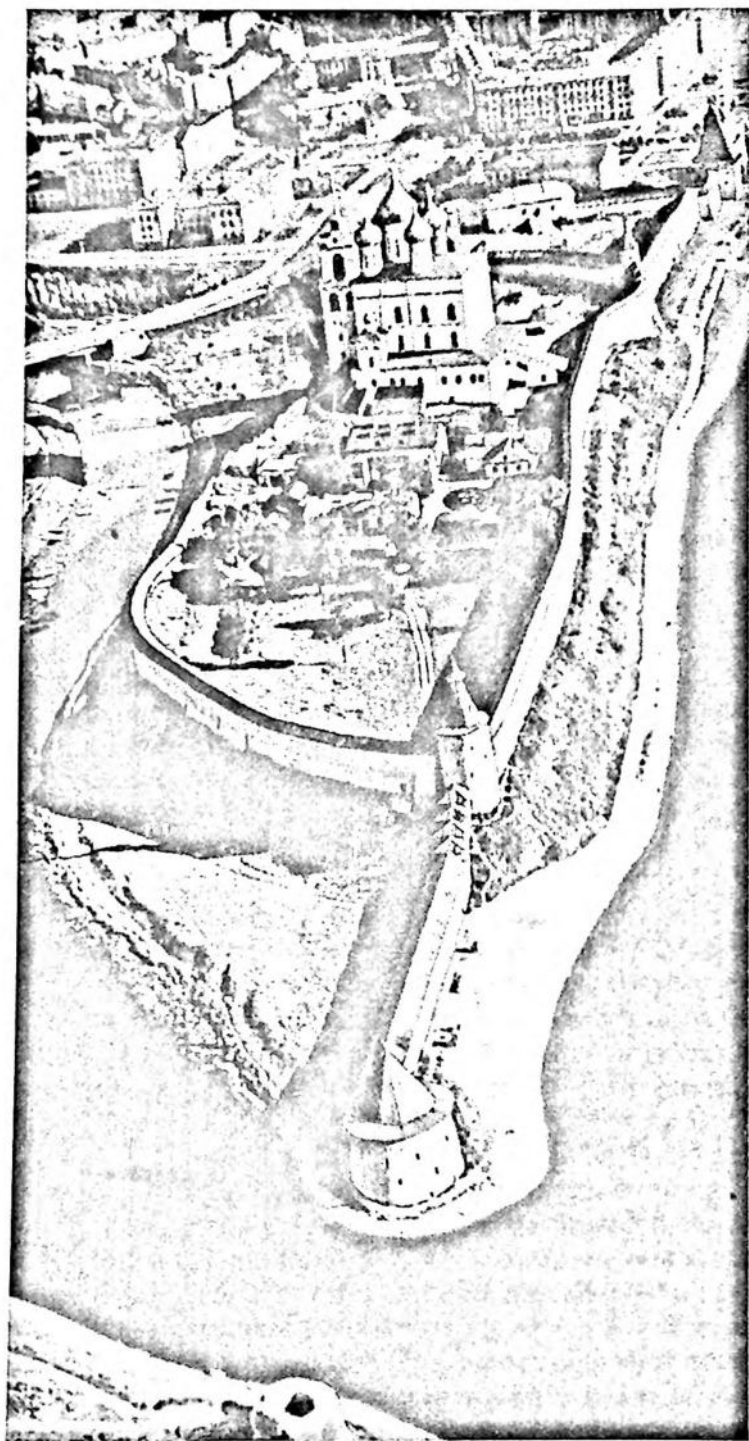
◆
**ПСКОВСКИЙ КРЕМЛЬ —
ПАМЯТНИК ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
И МУЗЕЙ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ**

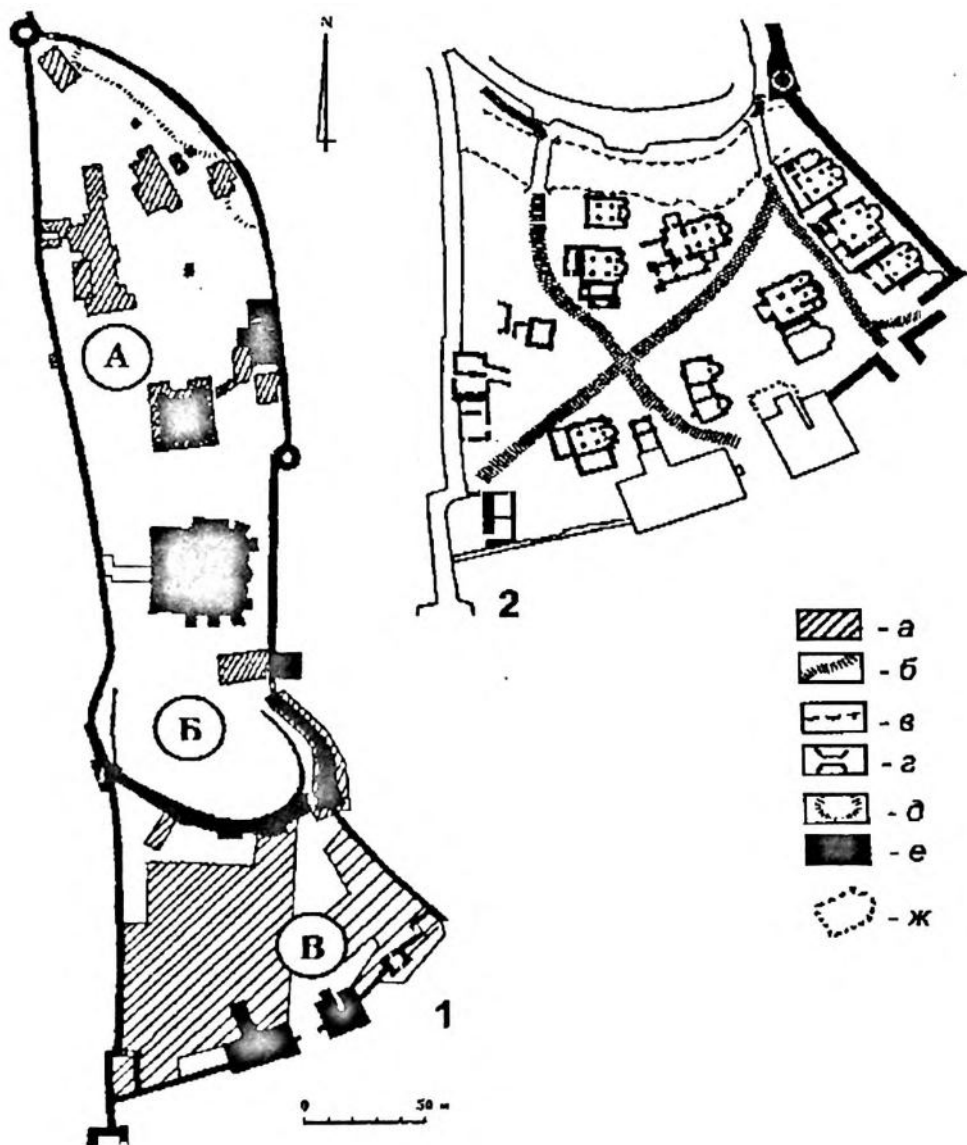
Впервые упомянутый на страницах летописи под 903 г. город Псков входит в число десяти древнейших городов России, основанных в конце IX в. В 1307–1468 гг. он был столицей небольшого государства с республиканской формой правления, после 1468 г. перешел на положение протектората в княжение Ивана III Васильевича, а после 1510 г. вошел в состав Московского государства и в XVI–XVII вв. являлся одной из крупнейших крепостей Московии.

Начало научного археологического изучения Пскова приходится на 1930-е годы, а с 1945 г. в городе ведутся систематические археологические раскопки. В настоящее время Псков принадлежит к числу наиболее масштабно исследованных городов Европы.

Сердце города – Псковский кремль, детинец средневековой псковской крепости, включающий в себя исторический центр столицы боярской республики – Кром, вечевую площадь и так называемый Довмонтов город. Археологические исследования здесь начались перед второй мировой войной и продолжались (с незначительными перерывами) до начала 1990-х годов (Белецкий С. 1993). А с 1950-х годов параллельно с исследованиями археологов активные работы в Псковском кремле начали реставраторы. К настоящему времени кремль, благодаря совместным усилиям археологов и реставраторов, превращен в музей под открытым небом (Белецкий В., Белецкий С., Скрынникова 1997).

Кремль виден практически из любой точки Пскова (рис. 1): ныне существующий кафедральный собор Святой Троицы 1699 года до сих пор остается самой высокой постройкой города (выше только телевышка). Но когда мы подходим к кремлю с юга, то первое, что бросается в глаза, – это квадратная башня Святых ворот и примыкающие к ней крепостные стены. Башня и стены возведены по фундаментам XIII–XIV вв., открытым при археологических раскопках в конце 1960-х годов.

← Рис. 1. Псковский кремль. Вид с севера.
 Фото Б. С. Скобелъцина, сер. 1960-х гг.

Рис. 2. План-схема Псковского кремля – 1; Псковское городище А; вечевая площадь Б; Довмонтов город В; 2 – Довмонтов город (по В. Д. Белецкому).
 Условные обозначения: а – раскопы; б – трассы дорог по территории Довмонтова города; в – местоположение Гребли; г – местоположение мостов; д – местоположение сохранившихся фрагментов насыпи бастионов 1701 г.; е – остатки каменных построек, исследованных раскопками в Довмонтовом городе; ж – местоположение нераскопанного храма.

В древности войти в кремль можно было через ворота в восточной крепостной стене со стороны берега реки Псковы. В летописях путь вдоль крепостной стены, мимо средневекового Рыбного торга, назван «Радчин всход», а ворота выводили на площадь перед Троицким собором. Но сейчас большинство посетителей Псковского кремля проходят с юга через Довмонтов город. Это небольшая (ок. 1,5 га), трапециевидная в плане часть псковской крепости, примыкающая с юга к кремлю.

Уникальность Довмонтова города давно привлекала внимание исследователей. По письменным источникам и по изображениям на иконах известно, что в эпоху средневековья на территории Довмонтова города размещалось более полутора десятков каменных построек, главным образом храмы. Столь необычная концентрация храмовых построек на сравнительно ограниченном пространстве не имеет аналогий не только на территории средневековой России, но и за ее пределами.

Раскопки в Довмонтовом городе, продолжавшиеся более трех десятилетий (Белецкий В. 1986), позволили вплотную приблизиться к решению этой загадки. За годы раскопок на территории Довмонтова города открыты и изучены (рис. 2) фундаменты и руины десяти каменных храмов XII–XVI вв., пяти гражданских построек XIII–XVII вв., уличные мостовые, остатки городской застройки X–XIII вв., многочисленные погребения горожан на прицерковных кладбищах (Белецкий В. 1968; 1987). Крепостные стены Довмонтова города, также частично исследованные раскопками и реставрированные в конце 1950-х годов, были возведены в годы княжения в Пскове литовца Довмонта-Тимофея (1266–1299), а позднее – в XIV–XV вв. – неоднократно перестраивались (Белецкий В. 1970).

Одним из интереснейших открытий, сделанных при раскопках в Довмонтовом городе, стали три храма на его восточной границе. На месте этих храмов, разрушенных и засыпанных землей по распоряжению Петра Великого в 1701 г., был устроен артиллерийский бастион – один из многих бастионов Пскова, которыми укрепляли город в годы Северной войны. Насыпь бастиона сохранила нам подлинныя стены храмов XIV в. на высоту более четырех метров. А в центральном из трех храмов на стенах сохранилась фресковая живопись (Белецкий В. 1986). Сейчас фрески сняты со стен и проходят реставрацию в мастерских Эрмитажа в Санкт-Петербурге (Шейнина 1994; Беляева 1997).

Хотя постройки, открытые на территории Довмонтова города, датированы разным временем – от XII до XVI вв., – основная застройка относится к последней трети XIV – началу XV вв.: именно

в это время было возведено большинство каменных храмов Довмонтова города, а уже стоявшие здесь храмы подверглись капитальной перестройке. Таким образом, появление «феномена Довмонтова города» происходило на протяжении трех с небольшим десятилетий, то есть – на памяти одного поколения горожан. Вероятно, прав архитектор Г. Я. Мокеев (1983), предполагавший, что комплекс застройки Довмонтова города оформился в результате правительственного заказа, выполненного по единому градостроительному плану. И в любом случае Довмонтов город в XV в. являлся церковным центром Псковской боярской республики: здесь размещались не только храмы (в том числе – соборные), но также административные органы управления псковской церковью – «Поповская изба» и здания канцелярии, погибшей в пожаре 1510 г., в момент окончательного и, как принято считать, «мирного» присоединения Пскова к Московскому государству (Белецкий В., Белецкий С. 1995).

В настоящее время территория Довмонтова города почти полностью исследована, над поверхностью земли выступают фундаменты храмов и гражданских построек (рис. 3). Видные над землей фундаменты – это современные кладки, открытые же раскопками остатки построек либо находятся под землей, либо взяты современными кладками в своеобразные чехлы, предохраняющие подлинные остатки от разрушения. Дорожки, проложенные между храмами, соответствуют средневековым уличным проездам, деревянные мостовые которых были открыты при археологических раскопках.

В северной части Довмонтова города находится ров-гребля, отделяющий территорию Довмонтова города от кремля (Белецкий В., Белецкий С. 1988). Через ров были перекинуты два моста, перейдя по которым, можно было попасть в кремль через восточные (Великие) или западные (Смердьи) ворота в южной стене кремля. Эта стена в эпоху средневековья называлась «Перси», то есть *грудь*. Она была возведена в 1337 г. и неоднократно перестраивалась. Наиболее грандиозные по объему работы были проведены в 1420–1424 гг.: они длились три с половиной года, и на эти работы Псковское республиканское правительство затратило в два раза больше средств, чем на строительство Троицкого собора, главной святыни города. Именно в результате работ 1420–1424 гг. Перси приняли вид, близкий к современному: только в центре, на Персях, находилась звонница под вечерней колокол и колокола Троицкого собора. В XIX в. Перси были реставрированы по проекту архитектора К. Тона. Тогда же круглая башня, стоявшая над Смердьими воротами кремля у моста над рвом (остатки этого моста были обнаружены при археологических раскопках), была перестроена в ложно-прибалтийском стиле и приобрела

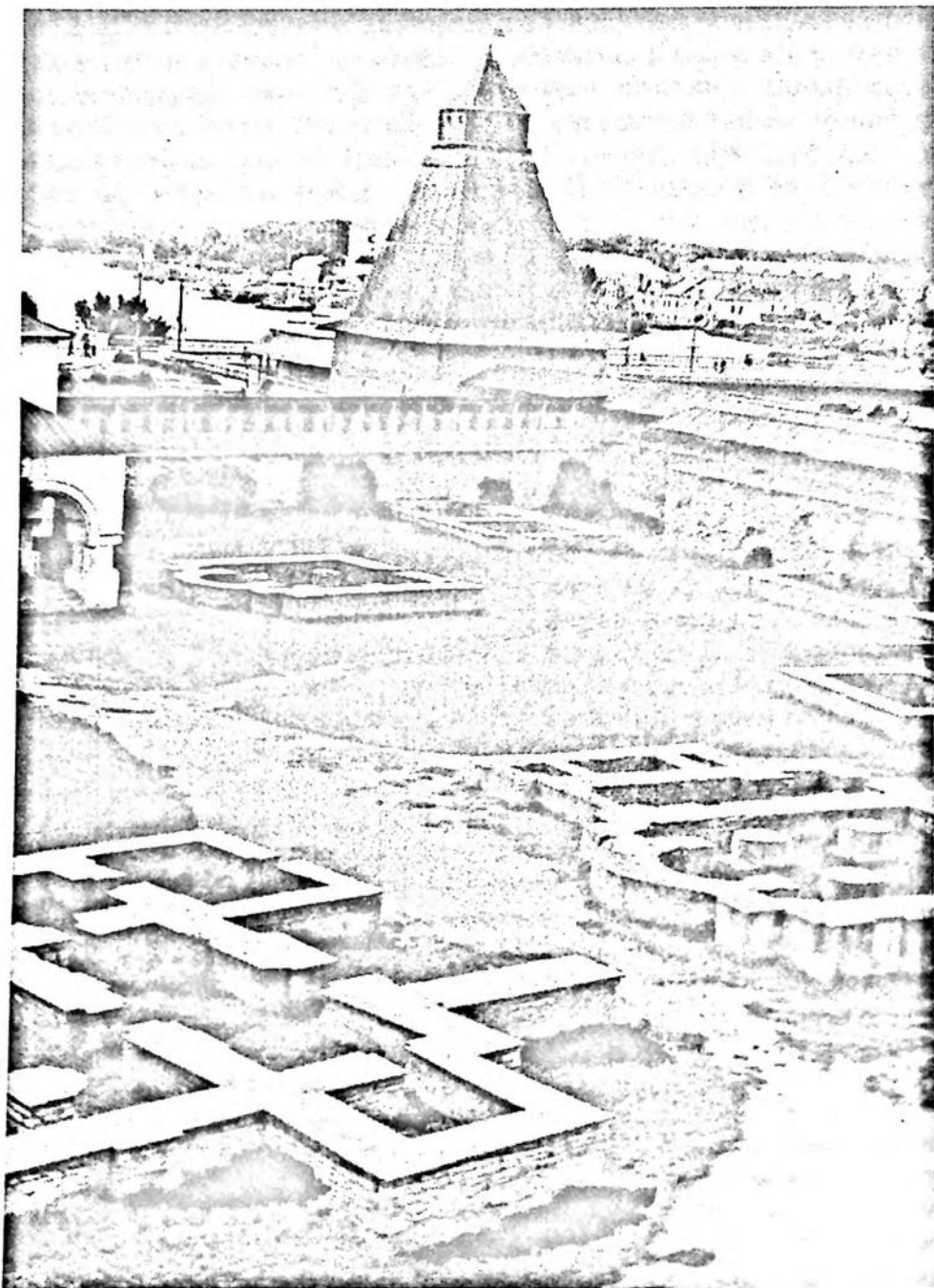

Рис. 3. Довмонтов город после завершения первого этапа музеефикации.
Вид с северо-востока.

Фото В. Д. Белецкого, нач. 1970-х гг.

дошедший до нас вид. В древности же Смердя башня была симметрична Часовой башне (так в XVII в. называли башню «на Радчине всходе»), стоявшей над Великими воротами. Реставрация Часовой башни и Великих ворот, исследованных археологическими раскопками, была завершена в 1995 г.

Пройдя через Великие ворота и Темный (Великий) захаб, посетитель Псковского кремля выходит на площадь перед Троицким собором. В XIV–XV вв. к югу от Троицкого собора находилась вечевая площадь республиканского Пскова. Сюда выходило крыльцо сеней, пристроенных к собору; ступени крыльца вели к помещениям, в которых размещались органы управления Псковской республики – зал заседаний боярского совета, вечевая канцелярия, городской архив. Вечевая площадь просуществовала до 1510 г., то есть до «падения» псковской независимости. Затем она перешла в распоряжение администрации великого московского князя, а позднее стала соборной площадью города: кроме Троицкого собора здесь были возведены Благовещенский собор, церковь Сорока Мучеников, здание служб Псковской епархии. В настоящее время все эти постройки не сохранились, и соборная площадь, свободная от застройки, напоминает древнюю вечевую площадь – символ республиканской власти Господина Пскова.

Археологические исследования на вечевой площади Пскова проводились в значительно меньших масштабах, нежели в Довмонтовом городе. Это и не удивительно: в южной части Псковского кремля зафиксирован самый мощный культурный слой в Пскове – более 10 метров. Раскопки близ колокольни Троицкого собора, проведенные в 1979 г., привели к сенсационному открытию. Вместе с деревянным замощением вечевой площади было обнаружено небольшое, подковообразное в плане сооружение из камня, лишенное фундамента и поставленное прямо на поверхность мостовой. С запада на него вели каменные ступени, однако они были в позднейшее время сильно нарушены перекопом (Белецкий В. 1980). Сооружение внешне напоминает Лобное место на Красной площади в Москве. Очевидно, что в результате раскопок были открыты остатки так называемой «Степени» – трибуны псковского веча (Мокеев 1982). В настоящее время остатки «Степени» находятся ниже уровня бульжной мостовой, но в будущем предполагается «поднять» трибуну при помощи современной кладки над дневной поверхностью площади.

Ныне стоящий Троицкий собор возведен в конце XVII в. на месте более древнего собора 1366 г. А тот, в свою очередь, был возведен на месте храма XII в., построенного из камня с кирпичом. При раскопках в начале 1980-х годов здесь были исследованы многочисленные

прослойки строительного мусора, образовавшиеся при строительстве и перестройках храма, найдены фрагменты фресковой живописи, украшавшей стены Троицкого собора в XII и XIV вв. До этих раскопок о существовании в Троицком соборе фрескового убранства можно было только догадываться.

Северная часть Псковского кремля (к северу от Троицкого собора) в основном свободна от застройки: только в центре находится дом причта, а у восточной стены возвышается каменная двухэтажная гражданская постройка с окнами-бойницами и подобием крыльца. Эта постройка, как и стоящая рядом с ней крепостная башня, построены на остатках раскрытых раскопками фундаментов, однако современные строения не вполне соответствуют древним: в действительности гражданская постройка (первоначально – Пороховой погреб XVI–XVII вв.) была одноэтажной, а башня, поставленная в начале XV в., была ниже и значительно скромнее.

Пространство северной части Псковского кремля – Псковское городище – является местом древнейшего поселения в пределах города. Как показали археологические раскопки, первоначальное освоение площадки на вершине узкого скалистого мыса при впадении Псковы в Великую произошло еще в середине I тыс. до Р. Х., когда здесь появилось поселение асвенской культуры. Позднее на площадке Псковского городища существовало поселение, принадлежавшее прибалтийско-финскому населению – носителям культуры каменных могильников. В V в. на месте финского поселка возникло раннеславянское поселение, а в VII–IX вв. площадку Псковского городища занимал крупный поселок носителей культуры Рыуге-Камно – автохтонов края, заселявших значительные пространства в Юго-Восточной Эстонии и смежных районах Псковщины. Вероятно, этот поселок уже назывался «Пьсковъ» (**Piiskva*, производное от прибалтийско-финского гидронима **Piiskava/Пскова*). В конце IX в. на месте племенного центра автохтонов при активном участии варягов возник раннесредневековый город (Белецкий С. 1996).

В XI–XII вв. Псковское городище становится детинцем древнерусского города Пскова. Первые каменные крепостные стены появляются уже в начале XII в. – в годы новгородского княжения Мстислава Великого, старшего сына Владимира Мономаха (Белецкий В., Белецкий С. 1987). Вплоть до конца XIII в. на территории детинца жили горожане. А на рубеже XIII–XIV вв. на территории детинца были проведены большие земляные планировочные работы, после которых все пространство внутри крепостных стен было застроено так называемыми «кромскими клетями» – складскими помещениями для хранения государственных хлебных запасов и добра «лучших

мужей». Из письменных источников мы знаем об особом режиме охраны Крома и кромских клетей: кража на Крому приравнивалась по законам Господина Пскова к числу тягчайших преступлений, каравшихся смертной казнью. Остатки клетей – небольших построек, лишенных отопительных сооружений, – были обнаружены при раскопках (Белецкий С., Мокеев 1989).

Пространство северной части Псковского кремля в настоящее время окружено крепостными стенами, сохранявшимися в руинированном виде вплоть до 1950-х годов. Их реставрация, как и реставрация северной башни кремля, Кутнего костра (углового, от *кут* – «угол») – пример удачной работы архитекторов-реставраторов. По подлинным кладкам XV в. реставрированы также воротные проезды у Кутнего костра и в восточной стене.

К крепостной стене кремля изнутри примыкает земляная насыпь. Это отстатки артиллерийских бастионов 1701 г., насыпанных над обветшавшими крепостными стенами кремля при укреплении псковской фортификации в годы Северной войны. Верхняя часть бастиона («Красная батарея») была частично срезана при так называемом «благоустройстве» в 1984 г.

Если пройти через северные ворота кремля, то перед нами открывается вид на устье Псковы и место слияния ее с Великой. По обоим берегам Псковы стоят башни: Плоская – на левом берегу реки и Высокая – на правом. Это – башни Нижних решеток, перекрывавших устье Псковы и делавших невозможным бесконтрольный проход в черту псковской крепости по воде со стороны реки Великой. Такие же решетки перекрывали Пскову выше по течению и назывались Верхними решетками. Но результаты исследования и музеефикации памятников археологии Пскова за пределами кремля – это повод для того, чтобы совершить еще не одну прогулку по средневековому Пскову.

ЛИТЕРАТУРА

Белецкий В. Д. 1968. Древний Псков по материалам археологических раскопок экспедиции Государственного Эрмитажа // Сообщения Государственного Эрмитажа, вып. XXIX. Л.

Белецкий В. Д. 1970. Археологические данные к датировке крепостных стен Довмонтова города // Археологический сборник Государственного Эрмитажа, № 12. Л.

Белецкий В. Д. 1980. Раскопки в Пскове на вечевой площади // Археологические открытия 1979 г. М.

Белецкий В. Д. 1986. Довмонтов город. Архитектура и монументальная живопись XIV в. Л.

Белецкий В. Д. 1987. Довмонтов город средневекового Пскова // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. III, вып. 2а. М.

Белецкий В. Д., Белецкий С. В. 1987. Новые данные о времени строительства Псковского Крома // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. М.

Белецкий В. Д., Белецкий С. В. 1988. Гребля Псковского Крома // Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 8. Псков.

Белецкий В. Д., Белецкий С. В. 1995. «Архив» из раскопок в Довмонтовом городе Пскова (состав, хронология, атрибуция) // Древности Северо-Запада России. Сборник материалов научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Г. П. Гроздилова. СПб.

Белецкий В. Д., Белецкий С. В., Скрынникова Е. В. 1997. Городское ядро средневекового Пскова (археологические исследования и музеефикация) // *Slavia Antiqua*, t. XXXVIII. Roznau.

Белецкий С. В. 1993. Древний Псков по данным археологии // Древности Северо-Запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики). СПб.

Белецкий С. В. 1996. Начало Пскова. СПб.

Белецкий С. В., Мокеев Г. Я. 1982. Клетки Псковского Крома // СА, № 1.

Беляева Р. М. 1997. К истории открытия, реставрации и музеефикации фресок из археологических раскопок в Довмонтовом городе Пскова // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. 1. СПб.–Псков.

Мокеев Г. Я. 1982. О веховой степени Пскова и сенях Троицкого собора // Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 2. Псков.

Мокеев Г. Я. 1983. Столичный центр вехового Пскова. Автореферат диссертации ... канд. архитектуры. М.

Шейнина Е. Г. 1994. О реставрации и экспонировании псковских фресок из археологических раскопок // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. СПб.

Г. В. ДВАС

**ПОДВИЖНИЧЕСТВО НАСТОЯТЕЛЯ
АЛЕКСАНДРО-СВИРСКОГО МОНАСТЫРЯ
АРХИМАНДРИТА АГАФАНГЕЛА**

По следам старых открыток

Одной из жемчужин архитектурного наследия севера Руси, бесспорно, является Александро-Свирский монастырь. Основанный в 1484 году преподобным Александром Свирским и служивший опорой духовности для многих поколений православных из Олонецкой, Петербургской и более отдаленных губерний, Александро-Свирский монастырь вполне мог и не сохраниться до сегодняшнего дня.

С благодарностью вспоминая воистину титанический труд десятков и десятков реставраторов, с середины 1960-х годов восстанавливающих первоначанный облик монастыря, серьезно пострадавшего во время Великой Отечественной войны, к сожалению, практически никто сегодня не вспоминает имя и дела великого подвижника, который в конце XIX века, по сути, спас величественный памятник православия от разрушения и забвения.

Имя этого подвижника – архимандрит Агафангел, ставший в последний день 1891 года настоятелем Александро-Свирского монастыря¹. История мирской и иноческой жизни отца Агафангела до назначения в Александро-Свирский монастырь достаточно типична для духовенства того времени, однако на некоторых моментах следует остановиться отдельно, потому что именно эти периоды в жизни священника определили и ту роль, которую впоследствии сыграл архимандрит Агафангел для сохранения и возрождения Александро-Свирского монастыря.

Первый важный период становления будущего священнослужителя как личности связан с пребыванием молодого человека

¹ Если быть более точным, то на момент принятия Святейшим синодом Указа № 6865 о назначении отца Агафангела настоятелем Свирской обители, последний имел сан иеромонаха, в который был посвящен в 1885 году, и исполнял обязанности ризничего Валаамского монастыря. Возведение отца Агафангела в сан архимандрита состоялось 30 января 1892 года в церкви Александро-Свирского подворья. Возведение произвел епископ Выборгский (впоследствии митрополит Санкт-Петербургский) Антоний.

Александрo-Свирского монастыря
в Бозе почивший архимандрит Агафангел,
сконч. 1909 г. 27 декабря

в работниках в Петербурге. Впервые попав в столицу в возрасте 14 лет ², юноша на протяжении пяти лет познавал основы камнеобработки изготовления надгробных памятников и плит сначала в мастерской при Охтинском, а затем при Смоленском кладбище, где погребена Ксения Блаженная. Именно здесь молодой человек приобрел к чтению Священного писания и других духовных книг.

После первого, «петербургского», периода последовало почти годичное пребывание в родной деревне и совсем краткое повторное пребывание мастерским в Петербурге. И вот уже в 1861 году начинается, по сути, иноческая жизнь будущего архимандрита. В этом году

² Будущий архимандрит Агафангел (в миру – Алексей Иванович Амосов) родился в деревне Алексеевской Сольвычегодского уезда Вологодской области в 1841 году (хотя в опубликованном в 1910 году некрологе [1] год рождения указан – 1840, эти данные неверны, что подтверждается материалами, представленными родным братом архимандрита Василием Ивановичем Амосовым и опубликованными в том же 1910 году [2]).

молодой человек добрался до Валаама, где был принят отцом Дамаскином, и на три с лишним года стал «трудником» Валаамской обители. Следующие три года были посвящены работе – физической и духовной – в Веркольской обители (Архангельская губерния), а в 1868 году умудренный жизненным опытом инок вторично пришел на Валаам, был пострижен, наименован Агафангелом и уже навсегда оставил мирскую жизнь.

Духовным настоятелем отца Агафангела стал сам отец Дамаскин, который по достоинству оценил благочестивый нрав и тонкий ум Агафангела, но рекомендовал не торопиться с пострижением, а подольше оставаться послушником, чтобы наиболее полно подготовиться к служению Господу³. При прохождении послушничества Агафангел умело использовал навыки, приобретенные им при полировке и изготовлении надгробий в Петербурге – многие колонны, плиты, подоконники, скамьи, сохранившиеся до сих пор в Валаамском монастыре, были изготовлены руками будущего архимандрита.

Одновременно крепла и его духовность. Вот как в одном из посмертных изданий, посвященных жизнеописанию архимандрита Агафангела, описывается случай сочетания послушнического физического труда и духовного совершенствования: «Раз тащили крупную глыбу мрамора при одной постройке; он (Агафангел. – *авт.*) за троих старался тянуть. Отец Дамаскин остановил его и говорит: к чему? Выхвалиться, что ли, хочешь? Если так, грешна, негодна Господу работа! Если от усердия – неразумно! Господь не требует труда через силу. Теперь сделаешь, а потом надорвешься и никуда не будешь гож. Не так надо, а в меру и смиренно» [3]. Именно глубокое внутреннее благочестие и искренняя вера способствовали тому, что вскоре и сам отец Агафангел был избран одним из старцев–руководителей духовной жизни Валаамского монастыря и назначен ризничим.

Опыт мирской и духовной жизни отца Агафангела, гигантское трудолюбие и глубокая духовность стали теми опорными точками, которые предопределили впоследствии громадную роль отца Агафангела в возрождении Александро-Свирского монастыря.

В момент прибытия архимандрита Агафангела в Александро-Свирский монастырь (6 февраля 1892 года) его братия насчитывала 15 человек, а сам монастырь находился в состоянии крайней ветхости и упадка. Вот как описывают современники впечатление от монастыря того времени [2]: «Храмы изнутри и снаружи были обветшавшими.

³ Только в 1880 году (причем, что примечательно, – именно в день обретения мощей Преподобного Александра Свирского, 17 апреля!) Агафангел был пострижен в мантию и только в 1882 году был посвящен в первый сан – стал диаконом.

Строения также все требовали капитальной починки. Местами стены являли груды мусора. Хозяйство было в расстройстве. Братия – люди далеко не высокой нравственности, кроме одного-двух иноков» [4].

Активно взявшись за восстановление нравственности братии и реконструкцию строений, архимандрит Агафангел, по сути, спас для будущих поколений монастырь и как прекрасный памятник архитектуры, и как центр духовности.

Однако сегодня немного сохранилось материалов, которые давали бы полноценное представление о роли этого сподвижника в сохранении и возрождении Александрo-Свирского монастыря. Иллюстраций тех изменений и усовершенствований, которые ввел архимандрит Агафангел, крайне мало, о чем приходится тем более сожалеть, что в ходе реставрационных работ, начавшихся в 60-е годы XX века, строения монастыря восстанавливались не в том виде, который они приобрели благодаря архимандриту Агафангелу в конце XIX века, а в том, который они имели в XVI–XVII веках и который был серьезно разрушен уже к началу XIX века⁴. А многие нововведения времен архимандрита Агафангела, которые не были увязаны с капитальными строениями, вообще оказались утраченными.

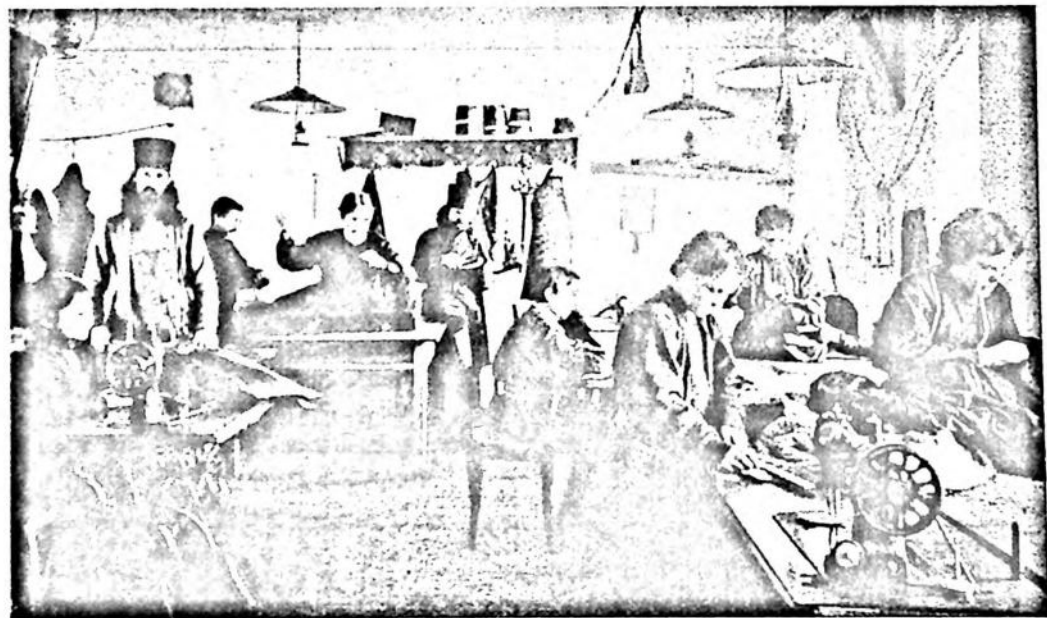
Именно поэтому особую ценность, на наш взгляд, представляет использование филокартического материала начала XX века в качестве источника для изучения роли архимандрита Агафангела в возрождении былого величия Александрo-Свирского монастыря⁵. Учитывая сжатый объем настоящей статьи и не пытаясь объять необъятное, остановимся только на основных деяниях архимандрита Агафангела в течение первых четырех лет управления Александрo-Свирским монастырем.

⁴ Высказываемое автором сожаление, конечно, относится не к тому, что отдельным строениям монастыря был придан первоначальный облик – с позиций исторической и реставрационной науки это, конечно, наиболее правильный подход, – а к тому, что сегодня практически не осталось визуальных свидетельств тех масштабных реконструкционных и восстановительных работ, которые были осуществлены в период с 1892 по 1909 год, когда настоятелем Александрo-Свирского монастыря был архимандрит Агафангел.

⁵ Необходимо оговориться, что, хотя большинство из известных автору 43 открыток, посвященных Александрo-Свирскому монастырю, были изданы в 1913–1916 годах, то есть уже после смерти архимандрита Агафангела, сопоставление изображенных на них видов с 13 иллюстрациями, помещенными в «Описании Александрo-Свирского монастыря», изданном в 1901 году, приводит к выводу о том, что большинство использованных при издании открыток было сделано в конце XIX – самом начале XX веков, то есть как раз в период деятельности архимандрита Агафангела.

Вид колокольни и Захарьевской церкви

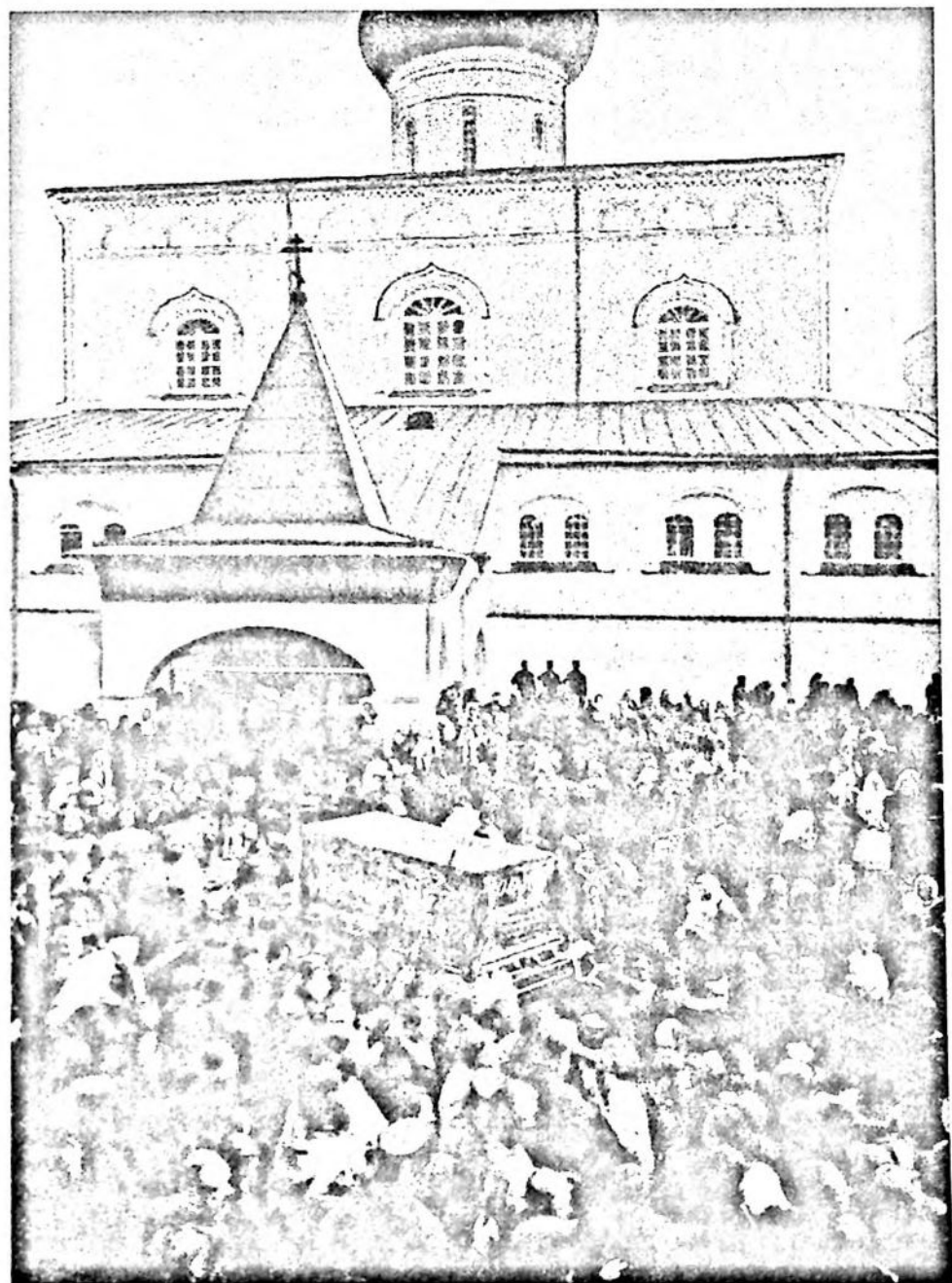
Портняжные мастерские

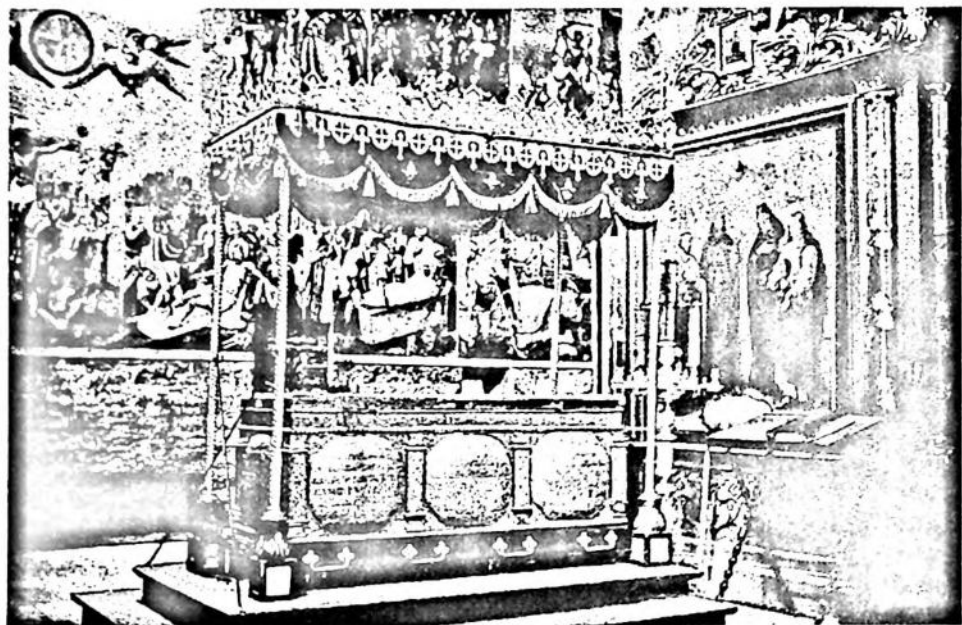
Братия Александрo-Свирского подворья в Петрограде

Вид Преображенского Александрo-Свирского монастыря
из-за Рошинского озера

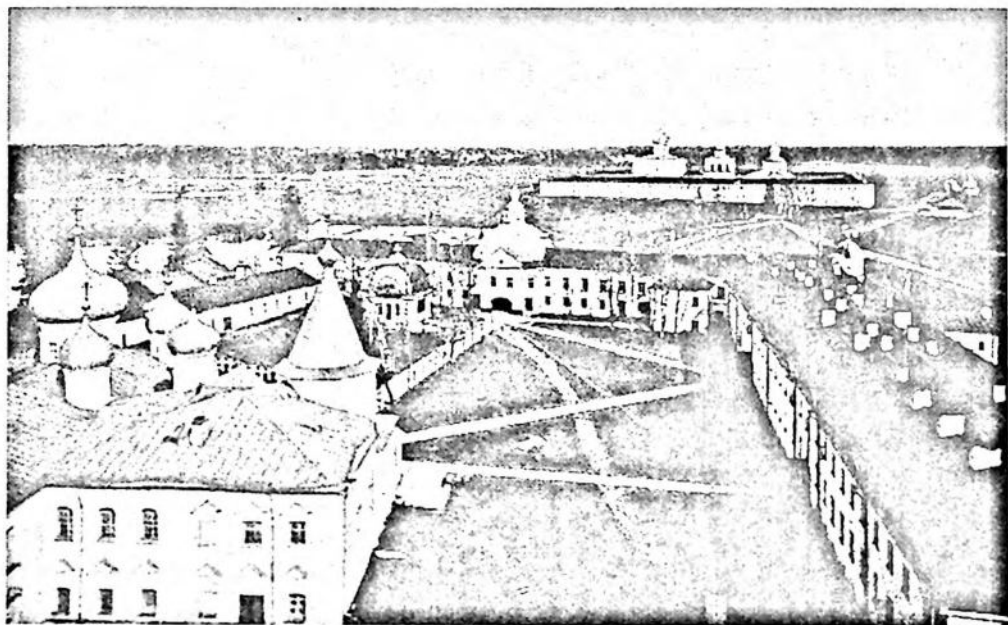
Перенесение святых мощей преподобного Александра Свирского чудотворца
из Троицкого монастыря в Преображенский в день Св. Троицы

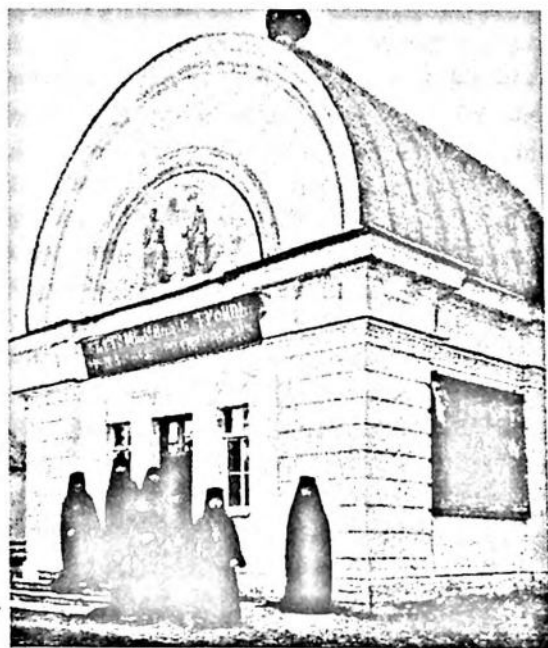
Рака, пожертвованная царем Михаилом Федоровичем

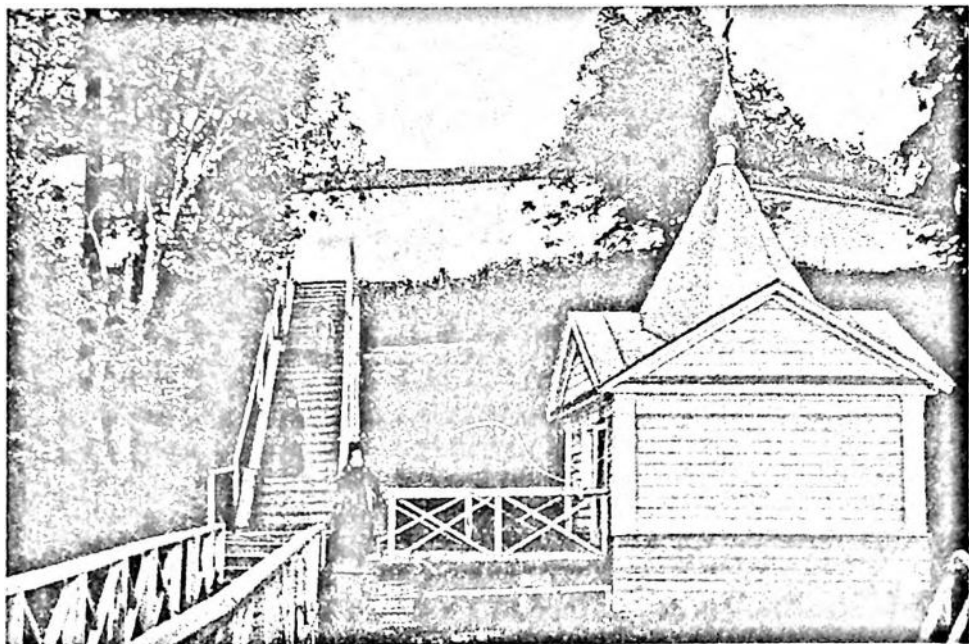
Место уединения преподобного
Александра Свирского чудотворца
под Покровской церковью

Вид с Преображенской колокольни

Часовня на месте явления Св. Троицы
преподобному Александру Свирскому
чудотворцу

Часовня на берегу Рошинского озера у Преображенского монастыря

1892 год. Понимая, что средств, потребных на восстановление монастыря в полном объеме, от Святейшего синода получить невозможно, а также преследуя цель повышения нравственности братии, архимандрит Агафангел «...завел разные мастерские, как-то: живописная, ризничная, резная, позолотная, переплетная, столярная, сапожная, швальная, малярная, кузнечная, слесарная...» [5].

Но не сразу эти нововведения были приняты прежней братией. Так послушники, служившие певчими, продолжали требовать денег за свою работу, как это было принято при прежнем настоятеле монастыря. Более того, после того, как деньги им были выплачены «под условие благоповедения», певчие выходили на гулянье за ограду монастыря. Проявляя основанную на истинном благочестии строгость, архимандрит, в конце концов, после очередного «загула» велел более певчих в монастырь не пускать, выдать им паспорта и «пустить на все четыре стороны».

Постепенно уровень нравственности был поднят до самых строгих церковных канонов. В этом же году, с 1 октября, в монастыре было восстановлено старчество – для руководства опытными монахами вновь поступающих в монастырь. Не случайно, что именно в 1892 году Александрo-Свирский монастырь посетил известный

своей строгой монашеской жизнью протоирей Кронштадтского собора отец Иоанн. Видя все это, Священный синод принял решение о передаче в полное распоряжение Александро-Свирского монастыря находящегося в Санкт-Петербурге Александро-Свирского подворья, что также сыграло немалую роль в обеспечении дополнительных доходов для восстановления монастыря.

И хотя до капитальных ремонтных работ было еще далеко, уже к середине 1892 года удалось собрать достаточно средств для косметического ремонта большинства зданий монастыря. Троицкий собор был оштукатурен и выбелен снаружи, внутри были заменены все рамы и исправлены подоконники, выбелена паперть, окрашена крыша. Аналогичные работы были выполнены и в Покровской церкви, а у Никольской домово́й церкви была не только полностью отремонтирована крыша, но и выстроен новый купол. Восточный корпус Троицкого монастыря был переоборудован под гостиницу для приезжих из дальних мест. И везде архимандрит Агафангел не просто руководил работами, но и являл собой самый яркий пример беззаветного физического труда во имя Господа.

1893 год. Это год стал, наверно, годом наиболее интенсивных и масштабных строительных работ. Именно в этом году были выполнены основные работы по реконструкции Преображенского монастыря – на нижнем этаже появились кельи для братии и пять кладовых, на втором и третьем этажах были пробиты внутренние стены и в результате полной перепланировки увеличено количество братских келий – численность братии постоянно возрастает ⁶, а сам монастырь был оснащен водопроводом, который представлял из себя самую современную по тем временам конструкцию – «водокачная машина» на берегу Рощинского озера, спрятанная в деревянную избушку, и сеть железных труб.

В пустующем западном корпусе Троицкого монастыря был оборудован новый зерновой амбар, а на монастырском огороде – большая деревянная изба для хранения овощей, в которой также было предусмотрено место для отдыха работающих на огороде послушников. Также была восстановлена работа монастырской мельницы, для чего построена новая плотина, а также проведена дорога от мельницы к монастырской пристани на Свири.

Наряду с восстановлением входящих в монастырский комплекс построек и обустройством быта братии, отмечен был 1893 год и нововведениями, направленными на повышение уровня благочестия.

⁶ К моменту смерти архимандрита Агафангела в конце 1909 года численность братии Александро-Свирского монастыря превышала 250 человек.

В первую очередь это относится к уничтожению торжища, многие годы существовавшего практически у самых монастырских стен. 20 июля Олонецкая духовная консистория по ходатайству архимандрита Агафангела приняла указ, в соответствии с которым были срыты все лавки вдоль дороги между Троицким и Преображенским монастырями, по которой в день Святой Троицы переносились святые мощи Преподобного Александра Свирского. Ранее, на протяжении нескольких лет, эти лавки были центром ярмарочной торговли, являясь одновременно «...источником большого греха и смятения для братии» [6].

И безусловно важным событием для возрождения истинной духовности и притягательности Александрo-Свирского монастыря для множества паломников стала реставрация и полное восстановление раки для мощей преподобного Александра Свирского, жертвованной царем Михаилом Федоровичем в 1644 году и давно пришедшей в негодность. Начиная с 1893 года именно эта рака использовалась в обрядах перенесения святых мощей в праздничные дни.

1894 год. В этом году были завершены работы по восстановлению Преображенского собора – реставрирована живопись, заново позолочены иконостасы и резные элементы, заменены полы, рамы, двери, подоконники ⁷.

Также полностью отреставрированы были часовня на месте явления Святой Троицы преподобному Александру Свирскому и часовня у Святых ворот в монастырь. Во всех монастырях были отремонтированы или заново устроены печи, а в Троицком монастыре (под Покровской церковью) был выстроен новый амбар для хранения продуктов.

Появились и другие новые строения – на берегу озера были построены прачечная с медным насосом для накачки воды из озера, сенной сарай, а рядом с пристанью – хлебный амбар.

Важным событием года стал и ремонт моста по дороге между Преображенским и Троицким монастырями. В ходе этого ремонта удалось решить сразу три задачи: во-первых, «расшить» самое узкое место, которое на протяжении вот уже нескольких лет было причиной нарушений строгой и торжественной церемонии перенесения святых мощей, во-вторых, для строительства нового моста были использованы кирпич и щебень, которые остались после разрушения в наместничество архимандрита Павла (предшественника архимандрита

⁷ При этом были существенно увеличены проемы в купольной части, что значительно улучшило освещение в соборе. А для того чтобы хорошо освещенные части купола не выглядели «пустыми», на внутреннюю часть купола была нанесена совершенно новая живопись.

Агафангела) одного из корпусов Троицкого монастыря и уже несколько лет портили вид монастыря, а в-третьих, в ходе строительства моста была перепланирована территория, ранее занимаемая ярмарочными лавками, – чтобы ничего не напоминало о мирской суете.

1895 год. 28 июня освящена новая часовня, построенная архимандритом Агафангелом на берегу Рощинского озера у Преображенского монастыря – на том месте, где, по преданию, спасался старец схимонах отец Федор, скончавшийся в монастыре в 1822 году.

Позади самого Преображенского монастыря выстроена конюшня для монастырских лошадей и рядом с ней – деревянная изба для проживания конюхов.

И тогда же была разобрана обветшавшая деревянная крыша Троицкого монастыря и заменена на листовую железную, которая сразу была окрашена масляной краской.

Конечно, это далеко не полный перечень всех деяний, которые были предприняты архимандритом Агафангелом для возрождения былого величия и духовности Александро-Свирского монастыря даже в тот период времени, который рассмотрен в этой работе, не говоря уже о последующих четырнадцати годах его настоятельства, когда практически полностью изменили свой облик Троицкий монастырь, Покровская церковь, колокольня.

Может быть, не все, что было сделано архимандритом Агафангелом, соответствует канонам церковного зодчества и научным принципам реставрации. Но можно утверждать однозначно: именно благодаря своевременному вмешательству этого забытого ныне подвижника удалось сохранить от полного разрушения комплекс Александро-Свирского монастыря, восстановить, собрать по крупицам все святыни монастыря (одежды преподобного Александра Свирского, его колоду и вериги, а также вериги схимонаха Федора и другие реликвии), сохранить могилы всех подвижников монастыря, а, по сути, – сделать Александро-Свирский монастырь центром православия Северной Руси.

И может быть, лучше и красочнее всего об этом свидетельствуют дошедшие до наших дней открытки, которые передают не только величие монастыря, но и ту глубокую духовность, которой жил монастырь, беря пример со своего настоятеля архимандрита Агафангела⁸. В этих открытках – сама жизнь монастыря, которую нельзя

⁸ Неслучайно в некрологе, официально распространенном Олонецкой епархией [3], учитель церковной школы Александро-Свирского монастыря А. Красновский написал: «В личном примере была главная двигательная сила [архимандрита Агафангела]» [7].

увидеть столь наглядно ни в древних чертежах и планах, ни в сохранившихся рукописях, ни в немногочисленных брошюрах⁹. Важно понимать, что нельзя пренебрегать любыми источниками, в том числе филокартическим материалом, для изучения и сохранения памяти о тех, кто сберег для нас духовность, сберег саму историю. Мы должны помнить об этих людях, ибо только в этом не только наше настоящее, но и наше будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Красновский А.* Настоятель Александро-Свирского монастыря архимандрит Агафангел. Некролог. Петрозаводск, 1910.
2. *Никодим, архимандрит.* Настоятель Александро-Свирского монастыря архимандрит Агафангел. Краткий биографический очерк. Петрозаводск, 1910.
3. Там же, с. 9.
4. Там же, с. 10.
5. Описание Александро-Свирского монастыря. СПб., 1901. С. 125.
6. *Никодим, архимандрит.* Настоятель Александра-Свирского монастыря... С. 12.
7. *Красновский А.* Настоятель Александро-Свирского монастыря... С. 1.

⁹ Все публикуемые открытки из коллекции автора.

**СОВРЕМЕННЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ
ОХРАНЫ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ**

Исходя из положений о непреходящей ценности и уникальности культурного наследия России и приоритетности требований сохранения памятников культуры, 26 апреля 2000 г. Государственная Дума РФ приняла в первом чтении проект Закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Законопроект подготовлен Комитетом Государственной Думы по культуре и туризму с участием Комитета Государственной Думы по законодательству и судебно-правовой реформе. В данном проекте консолидированы основные положения законопроектов, регулирующих отношения в сфере охраны культурного наследия, внесенных в Государственную Думу: «Об охране и использовании памятников истории и культуры», «Об охране культурного наследия» и «О недвижимых памятниках истории и культуры».

Законопроект ставит своей задачей обеспечение сохранности объектов культурного наследия народов Российской Федерации посредством создания соответствующих условий, регулирует отношения, возникающие в сфере сохранения, охраны, использования и популяризации объектов культурного наследия.

В данном законопроекте значительно расширен состав объектов культурного наследия, подлежащих охране, соответствующей международным нормам, которые относят к объектом культурного наследия не только памятники истории и культуры, но и достопримечательные места, исторические поселения и иные крупные территориальные комплексы.

Законопроект устанавливает категории объектов культурного наследия, которые не могут быть изъяты из федеральной собственности, и предусматривает создание специализированного бюджетного фонда для финансирования мероприятий по сохранению этих объектов.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации охрана памятников истории и культуры относится к вопросам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, в связи с чем законопроект закладывает основы формирования структуры государственных органов в области сохранения, охраны, использования и популяризации объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) как единой системы, осуществляющей государственную политику в данной сфере и выполняющей контрольно-инспекционные и научно-методические функции.

Проект предусматривает меры охраны объектов культурного наследия в условиях современной реконструкции городов и населенных мест, впервые законодательно устанавливает необходимость лицензирования исследовательской, проектной и производственной ремонтно-реставрационной деятельности на памятниках истории и культуры.

Законопроект предусматривает введение историко-культурной экспертизы, положительное заключение которой является основанием для принятия решения об отнесении объектов недвижимости к культурному наследию Российской Федерации, а также для разрешения любой хозяйственной и строительной деятельности.

Законопроект устанавливает порядок создания и ведения Государственного Реестра объектов культурного наследия, содержание права собственности на тот или иной памятник истории и культуры как особого вида недвижимое имущество, особенности владения, пользования и распоряжения этими объектами, отнесенными к федеральной собственности.

В рамках действующего законодательства определяются формы участия общественных и религиозных объединений в охране объектов культурного наследия, в том числе тех общественных объединений, уставы которых предусматривают в качестве основной цели деятельность по выявлению, сохранению, изучению и пользованию и популяризации объектов культурного наследия. К таким объединениям в первую очередь относится Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры. Введены нормы, определяющие участие религиозных объединений в подготовке целевых программ охраны объектов культурного наследия в части мероприятий, касающихся сохранения культовых зданий и сооружений, в подготовке историко-культурной экспертизы, задания на проведение всех видов работ на объекте культурного наследия религиозного назначения, при воссоздании культового объекта.

Законопроект определяет юридических лиц, которые могут получить объекты культурного наследия в безвозмездное пользование (в том числе и религиозные организации).

Таким образом, законопроект отражает особое положение объектов религиозного назначения, предусматривает осуществление широкого спектра мер, имеющих целью не только сохранение памятников истории и культуры, но и включение их в активную экономическую, социальную и культурную жизнь страны, позволяет рассматривать культурное наследие как один из важнейших определяющих факторов современного развития общества и государства.

Указанный законопроект давно ждут граждане России, так как наступивший правовой вакуум в сфере охраны и сохранения культурного наследия приводит к утрате национального достояния.

ПРОШЛОЕ СРЕДИ НАС

О памятниках отечественной истории и культуры

Мы идем по ледяным пустыням –
Не дойдем и в снежной вьюге сгинем
Иль найдем поруганный наш храм.

Максимилиан Волошин. «Севро-востоку».

Вспоминаю рассказ из жизни известного архитектора-реставратора П. Д. Барановского. В начале 1930-х годов его вызвали «компетентные органы» и задали вопрос, почему он восстанавливает памятники старины. «Ведь это памятники», – ответил Петр Дмитриевич. «Все это так, но все-таки зачем Вы это делаете?» Ответ Барановского был тем же, а вывод хозяев кабинета категорическим: «Хотите реставрировать монархию». Да, «старина» в недавнем прошлом олицетворялась с чем-то идеологически подозрительным и даже вредным. Историю делили на две части: до и после 1917 года. Насаждалось противопоставление ценностей сегодняшнего дня и «отживших эпох». В результате многовековое культурное наследие оценивалось с классовых позиций, как по преимуществу наследие эксплуататорских слоев общества. Выдвигались скороспелые политизированные культурные фетиши. В жертву были принесены не только «дворянские гнезда», но и устои народной традиции, включая обычаи, обряды, праздники.

Археолог Д. А. Крайнов, работавший в начале 1930-х годов в Государственном Историческом музее в Москве, вспоминал, что как-то был вызван для отбора музейных экспонатов. «Привезли нас на склад, – рассказывает Дмитрий Александрович, – вдоль стен уложены штабелями вещи, конфискованные из крестьянских сундуков. Столько деревенского богатства в своей жизни не видывал. Вышитые полотенца, драгоценная одежда, головные уборы. Глаза разбегаются. Отобрали кое-какие вещи, а конвоир говорит: хватит, увозите. Куда делось остальное, лежало оно горами, не знаю, в музей не попало». Так вслед за хозяевами, записанными в кулаки, расплылось и погибало их любовно собранное старинное добро. Был нарушен вековой быт мужика – кормильца страны.

Академик Д. С. Лихачев призывал исследовать период вандализма, чтобы он не повторился впредь. Он прав. Страдаем мы от этого вандализма и в наши дни.

Позади годы Великой Отечественной войны и послевоенной разрухи. Страна восстала из пепла и пожарищ. Кажется, уже не осталось разрушений. Но почему так много на нашей земле, в ее городах и селениях, руин старинных построек – домов, дворцов, усадеб, храмов, монастырей, крепостей? Среди них немало таких, которые не подвергались бомбардировке и сознательному уничтожению, их разрушение происходило в мирные 1960–1980-е годы. Часть этих сооружений заброшена и саморазрушается. Другие сметены типовой застройкой, третьи – используются на износ. Оказались в этом обреченном ряду и памятники незаурядные, выдающиеся. Разумеется, не все примечательные постройки находятся в таком бедственном положении, но и те, что содержатся в порядке, зримо оттеняют глубину потерь. Ведь каждый исторический объект по-своему неповторим, а все вместе они формируют облик Родины, создают незабываемое окружение того места, где родился и вырос человек. Их гибель вовсе не бесследна, она опустошает общество, отнимает у человека родные воспоминания, разъедает неверием его душу. По этому поводу писатель Валентин Распутин на V съезде Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, состоявшемся в 1987 г. в городе Горьком, сказал: «Эпоха беспамятства не прошла даром. Мы воспитали поколение людей, которые невосприимчивы к культурно-историческому наследию... , у которых начисто отмер орган, который позволил бы отличить временное от вечного». Здесь упущено воспитание краеведением. По справедливым словам академика Д. С. Лихачева, преподавание краеведения в школе поможет формированию у человека пожизненного образа своего поселка, города, улицы, всего того, что образует малую Родину. Здесь скажу о тех местах, в которых вел археологические изыскания и знаю их не понаслышке.

Гигантским полукольцом вокруг Санкт-Петербурга расположены города-крепости, защищавшие рубежи Руси. Речь идет о Старой Ладоге, Орешке, Кореле (Приозерске), Копорье, Ямгороде (Кингисеппе), которые отстраивались на протяжении VIII–XIV вв., а в конце XV в. к ним прибавился Ивангород. Архитектурные и археологические богатства этих населенных пунктов с неожиданной силой заявили о себе в наши дни после открытий, достигнутых археологами и архитекторами. Подробно познакомиться с ними, увы, затруднительно. Ни один из перечисленных исторических городов не приведен в должный порядок, и неизвестно, когда эта работа будет выполнена. Вот несколько примеров.

Ижорское плато – богатую земледельческую область Великого Новгорода – охраняло возникшее в XIII в. Копорье. Необычный своим обликом четырехбашенный каменный замок на горе словно пере-

несен с какой-то старинной гравюры. Его боевая служба продолжалась пять веков. Издали кажется, что твердыня почти полностью сохранилась. Но чем ближе подходишь, тем явственнее выступают утраты и разрушения. Помощь пришла сюда в критический момент. Реставрационными работами спасены от обрушения часть стен, въездной мост, одна из башен. Парадокс заключается в том, что сделанное вновь разрушается. Дело в том, что одна из лучших крепостей средневековой России не имеет пользователя и даже сторожа. В крепости еще не поздно устроить музей, место для фестивалей и спектаклей под открытым небом, обустроить старинный храм. А пока выдающийся архитектурный комплекс брошен на произвол судьбы.

К юго-западу от Копорья, на берегу р. Луги, на главной дороге из Новгорода в Нарву и далее Таллинн, в 1384 году возник Ямгород (ныне Кингисепп). В XVII и XVIII веках старую крепость разобрали, и даже место ее стало забываться. С помощью планов, присланных из Королевского военного архива Швеции, археологам удалось отыскать и изучить почти все части исчезнувшего с поверхности земли крепостного ансамбля. Он включал четырехбашенный кремль и насчитывающий пять башен «внешний город». Таким образом, истории русского градостроительства возвращен архитектурный комплекс XIV–XVII вв. площадью 4 га. На месте крепости ныне уцелели два бастиона, насыпанные здесь в 1703 г. по проекту Петра I. Что касается древнерусской каменной твердыни, то ее засыпанные землей руины сохранились настолько, что, проведя консервацию кладок, их можно было бы в значительной части показать прямо под открытым небом. Благоприятный случай, казалось, представился в 1996 г. Находящаяся у нового моста через р. Лугу круглая башня начала XVI в. была в своей сохранившейся части полностью раскопана. Строители моста, а затем власти города Кингисеппа пообещали в целях показа законсервировать древнее сооружение, да и «забыли» об этом. Кладка башни открыта всем ветрам, рушится на глазах. Не можете продемонстрировать башню – засыпьте ее. По этому поводу не раз обращались к властям города. Пока услышаны не были.

Древний русский город на Луге носит имя руководителя эстонских коммунистов В. Э. Кингисеппа. Не умаляя памяти об этом человеке, считаю все же, что исконное имя города – Ямгород – исторически оправдано и достойно восстановления. Уместно в этой связи вспомнить, что на о. Сааремаа есть уже город, носящий имя упомянутого революционера.

На границе с Эстонией, на реке Нарове, высится крепость Ивангород. В истории военного зодчества эта крепость, основанная в 1492 г., явилась для своего времени новаторской – она была первой

строго регулярной фортификацией России. В течение большей части XVI в. Ивангород несколько раз дополнительно укреплялся и превратился в одну из самых мощных твердынь Восточной Европы. В ее постройке участвовали кроме русских иностранцы и были применены самые передовые инженерные достижения. Как и в XVI–XVII вв., в наши дни Ивангород вновь стал пограничным. Стены и башни крепости, частью реставрированные, оставляют неизгладимое впечатление. Ныне в крепости музей, но она всегда пустынна. Зброшены восстановительные работы, сгорела недавно выведенная по старым рисункам кровля одной из башен. Главный вход в крепость и доступ в расположенный здесь музейный дом, увы, перекрыты пограничной заставой. Краса и гордость русской фортификации практически выключена из туристских маршрутов. В отличие от ивангородской твердыни, на противоположной стороне р. Наровы виден восстановленный замок Германа, в котором без всяких преград действует большой и посещаемый музей. Видимо, и нам по договоренности с пограничниками следует «разблокировать» крепость Ивангорода, открыть ее как отечественным, так и зарубежным экскурсантам, возобновить реставрацию. Западный фасад этого комплекса включает не законченные восстановлением башни. На одной из них знамя России. Знамя на обручке башни! Ведь это унижение страны. В первую очередь надо устранить этот недостаток – привести в порядок сторону крепости, обращенную к западу, к городу Нарве. Нельзя демонстрировать в запущенном виде фасад страны.

Среди исторических мест Северо-Запада России выделяется звезда первой величины – Старая Ладога (до 1704 года город Ладога). Основана она была не позже середины VIII в. и своим стремительным возвышением обязана ключевому положению на евразийских торговых путях – Балто-Волжском и Балто-Днепровском, которые вели в Арабский Халифат и Византию. Ладога явилась первой государственной столицей объединенной Северной Руси. Сюда в 862 г. прибыл скандинавский выходец Рюрик, ставший основателем правящей династии, властвовавшей в России вплоть до конца XVI в. При всей условности летописной даты (государство имеет свои предпосылки, в один год их создать нельзя) ей могут позавидовать многие европейские народы. Ведь она передает замечательную глубину и протяженность русской письменной истории.

В Старой Ладоге нет почти современной промышленности, уцелели ее старые уголки. Можно видеть нетленную красоту поселка, который в конце прошлого века так поразил Н. К. Рериха, что он составил его проникновенный словесный портрет. «Взбираешься на бугор, – писал художник, – и перед нами один из лучших русских пейзажей. Широко развернулся серо-бурый Волхов с водоворотами

и светлыми хвостами течения посередине, по высоким берегам сторожами стали курганы, и стали не как-нибудь зря, а стройным рядом, один красивее другого. Из-за кургана, наполовину скрытая пахотным бугром, торчит белая Ивановская церковь с пятью зелеными главами. Подле самой воды – типичная монастырская ограда с белыми башенками по углам. Далее в беспорядке – серые и желтоватые остова посада, вперемежку с белыми силуэтами церквей. Далеко блеснула какая-то главка, опять подобие ограды что-то белест, а за всем этим густо-зеленый бор – все больше хвоя; через силуэты елей и сосен опять выглядывают вершины курганов. Везде что-то было, каждое место полно минувшего. Вот оно, историческое настроение».

Памятники архитектуры и археологии действительно уцелели в Старой Ладогe в поражающем изобилии – их более 160. В это число входят крепостные сооружения, храмы, колокольни, дома, амбары, часовни, древние городища и урочища, курганы и сопки, наконец, культурный слой древнего города. Во всем этом запечатлелось двенадцать веков русской истории. Неслучайно в 1984 г., по распоряжению Совета Министров РСФСР, на базе местного краеведческого музея был создан Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник. В 1995 г. его федеральный статус закреплен Указом Президента России. Площадь заповедника составляет около 200 га. Институт истории материальной культуры РАН проводит здесь регулярные археологические раскопки. Земля поселения скрывает древние постройки и вещи такой древности и сохранности, которых и не сыщешь во многих других старых русских городах. Здесь уцелели или обнаружены вновь этапные сооружения древнерусской каменной и деревоземляной фортификации эпохи средневековья. Завершена реставрация церкви Святого Георгия со всемирно известными фресками XII в. Восстановление большинства других архитектурных объектов, к сожалению, приостановлено.

В 1997 г. Правительство Ленинградской области при участии ряда учреждений и организаций (включая Ленинградское областное отделение ВООПИК) провело в Старой Ладогe и в городе Волхове беспрецедентные в нашей культурной практике выездные парламентские слушания с участием депутатов Государственной Думы, членов Правительства области, властей г. Волхова и Волховского района, ученых, сотрудников музея-заповедника, посвященные культурному наследию этого древнего города. Были приняты рекомендации Правительства Ленинградской области, главной из которых было предложение о присвоении Староладожскому музею статуса особо ценного объекта культурного наследия народов Российской Федерации.

В этих рекомендациях¹ отмечена также необходимость финансирования работ археологической экспедиции ИИМК РАН. Надеемся, что результаты слушаний не будут преданы забвению.

Старой Ладоге пытаются помочь ученые. В 1998 г. Президиум Санкт-Петербургского научного центра РАН под председательством вице-президента РАН, академика Ж. И. Алферова провел два заседания, посвященных историко-культурному наследию Старой Ладоги. В принятых по этому поводу постановлениях² было поддержано представление Правительства Ленинградской области о придании Староладожскому музею-заповеднику статуса особо ценного объекта культурного наследия народов Российской Федерации. Далее предлагалось обратиться к Президенту и Правительству РФ с предложением о проведении в 2003 году 1250-летия Старой Ладоги – первой столицы Руси. Относительно упомянутого юбилея не осталось в стороне и Правительство Ленинградской области. Соответствующие письма направлены в Москву, а в разговоре с губернатором Ленинградской области В. П. Сердюковым Президент России В. В. Путин обещал федеральную поддержку такого рода предложения.

Не ставим своей целью даже кратко охарактеризовать исторические города-крепости Ленинградской земли. Это культурное богатство национального масштаба остается фактически невостребованным, малоизвестным или просто забытым. Архитектурные сооружения этих городов вызывают о их сбережении и восстановлении. Сходное положение сложилось и в ряде других мест России.

Отечественное культурное наследие, которое в течение XX столетия подвергалось неоднократным сокрушительным ударам, ныне вновь переживает кризис. В результате наше общество несет невозполнимые нравственные, материальные, научные, просветительские и, думаю, политические потери. Укоренился остаточный принцип выделения средств на развитие культуры. Охрана памятников пришла в упадок, их реставрация во многих местах заброшена из-за отсутствия необходимых средств. Работники библиотек, архивов, музеев, учителя, архитекторы-реставраторы придавлены нищетой. Горят, обкрадываются, затопляются ценнейшие собрания книг и документов. «Второсортность» культуры, ее заброшенность и финансовое оскудение приводят к деградации общества, углубляют бездуховность народа. В этой связи нельзя не обратить внимание на определенные

¹ Современность и археология. Международные чтения, посвященные 25-летию Староладожской археологической экспедиции. СПб., 1997. С. 44–45.

² Кирпичников А. Н. Историко-культурное наследие Старой Ладоги // Ладога эпохи викингов. СПб., 1998. С. 142–144.

негативные тенденции общественной жизни последнего времени. В погоне за сенсацией авторы некоторых сочинений готовы отбросить все достоверное, что содержится в источниках по русской истории. Вымысел, анатомирование исторических событий с целью отыскать патологию, нагнетание жестоких и катастрофических фактов под видом объективности, порой воинствующее невежество и неприкрытые выпады против Руси–России, засилье привнесного низкопробного искусства – все это характеризует сумятицу и вседозволенность, распространившиеся в научной и культурной жизни. Опасно истончились нити патриотизма (ставшего чуть ли не ругательным словом), пресекаются корни любви к Отечеству.

В новых условиях приватизации и рыночных отношений ценности России оказались практически беззащитными. Под натиском коммерческой стихии их все труднее сохранять. Все старинное стало объектом неудержимой купли-продажи. Появились охотники за археологическими находками. Кладоискатели читают археологическую литературу, а затем тайком отыскивают и копают курганы. Их привлекают и другие вещи, казавшиеся ранее банальными, такие, как печные изразцы или оградные решетки, сделанные в XIX в. С новой силой происходит разворовывание и распродажа по всему миру исторического достояния Отечества. Из страны в массовом порядке, зачастую безнаказанно, вывозятся изделия антиквариата. Неисчислимо количество переправленных на Запад икон. В Финляндии и Польше только из конфискованных таможенными икон можно открыть целые музеи. Небрежное отношение к историческому достоянию коснулось и властей. В Отчетном докладе Центрального Совета на VII съезде Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, который состоялся в Москве в 1997 г., отмечалось, что «...власти субъектов Федерации делают все по-своему: продают, приватизируют, относят памятник к обычному имущественному фонду».

Что касается самого упомянутого выше Общества, то оно, к глубокому сожалению, находится в кризисном состоянии. Согласно названному выше Отчетному докладу Центрального Совета, из 18,5 млн членов Общества на 1.01.1997 г. подтвердили свое членство лишь 8 млн, количество первичных организаций уменьшилось в 20 раз. Для государства ВООПИК оказалось не только не востребованным, но и вовсе не нужным. По всей стране сохранившиеся отделения Общества героически борются за свое выживание и при этом «бьются» за памятники, разъясняют их ценность, стучатся к властям, пытаются найти среди чиновников своих союзников. Удручает и такой факт. В проекте Федерального Закона «Об объектах культурного наследия

(памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», который обсуждается в Государственной Думе, Общество вообще не упомянуто, хотя в одной из статей говорится об общественных объединениях, которые, если их уставы «...предусматривают в качестве основной цели деятельность по выявлению, сохранению, изучению, использованию, популяризации объектов культурного наследия, вправе участвовать в государственной охране объектов культурного наследия». Приведенная формулировка точно соответствует уставу ВООПИК, тут бы его и назвать. Но, объясняют правоведа, этого делать нельзя. Ведь Общество – общественная организация, и его титульное обозначение в Законе противоречит Гражданскому кодексу. Объяснение, мягко говоря, странное. В тексте проекта Закона общественные объединения отмечены как выполняющие государственные функции. Умолчание об Обществе в государственном документе обрекает его на юридическое бесправие, с ним, стало быть, можно не считаться. Между тем в составе ВООПИК работают первоклассные специалисты и активисты, которых точнее назвать «подвижниками». Общество всегда ревностно оберегало общенародное историческое достояние. Его следует поддержать морально и материально и, может быть, придать ему статус полугосударственного-полуобщественного. И в современных сложных условиях Общество квалифицированно может выступать заказчиком восстановления тех или иных исторических объектов, экспертировать работу реставраторов и их проекты, лицензировать экскурсии, сдавать в аренду и само арендовать памятники архитектуры и культуры.

Было бы желательно на правительственном уровне провести собрание или «круглый стол» по вопросам культурного наследия. Среди попечителей этого наследия хотелось бы видеть представителей высшей законодательной и исполнительной власти. Верный шаг в этом направлении попытались сделать. На VII съезде ВООПИК в 1997 г. в качестве почетного председателя и попечителя ВООПИК назван был Президент России. Высказывались также мнения о том, что почетным председателем мог бы быть авторитетный ученый или политик. Ничего удивительного или неожиданного в такого рода выборе нет. Здесь мы продолжаем забытую традицию. Вспомним, что Председателем существовавшего до 1917 г. Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины был великий князь Николай Михайлович. Участие титулованной просвещенной особы в делах общества способствовало его авторитету.

Не случайно в решении Всероссийской конференции «Охрана и реставрация архитектурного наследия России», проведенной в Москве 19–21 января 2000 г., высказана рекомендация, адресованная

Центральному Совету ВООПИК и Союзу исторических городов и регионов, «...осуществить мероприятия по воссозданию региональных общественных органов охраны памятников с участием мэров исторических городов и глав администраций регионов ... в руководстве этими общественными организациями». Стоило бы назвать в этом ряду и губернаторов областей.

Принятый в 1978 г. Закон «Об охране и использовании памятников истории и культуры» хотя и не отменен, но считается устаревшим. Ныне в Государственной Думе должен быть принят давно ожидаемый новый Федеральный Закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Замечу в скобках, что, по моему мнению, название Закона неудачно, так как лишено активной целевой направленности. Этот государственный документ явно запоздал. В принятых Земельном, Гражданском, Налоговом, Уголовном и Административном кодексах тема, связанная с культурным и природным наследием, практически не рассматривается. Здесь необходимы дополнения и разъяснения. Отсутствие стержневого законодательства породило хаотическое нагромождение нормативных и инструктивных актов по вопросам охраны недвижимых памятников истории и культуры, принятых в 1970–1990 гг. Они нарастают как снежный ком, и в них порой трудно разобраться.

Понимая, как сложна проблема охраны и сбережения культурного и природного наследия и как трудно осуществлять те или иные новые идеи, тем не менее перейду здесь к некоторым предложениям, которые были высказаны мной в качестве председателя редакционной комиссии по выработке решений VII съезда ВООПИК и вновь частью изложены на упоминавшейся выше Всероссийской конференции «Охрана и реставрация архитектурного наследия России».

Необходимо предусмотреть обязательное отчисление из средств местного бюджета в размере не менее 3% на сохранение памятников истории и культуры, находящихся на территории того или иного населенного пункта, района или области. На объекты федерального значения поступают отчисления из общероссийского бюджета.

Следовало бы предусмотреть в Налоговом кодексе налоговые льготы спонсорам и меценатам, всем благотворителям (не только отечественным, но и зарубежным), дающим средства на поддержание культуры, включая и культурное наследие. В Санкт-Петербурге и Ленинградской области законы о благотворительной деятельности приняты еще в 1995 г. Теперь этот опыт хорошо бы сделать общегосударственным.

Необходимо заново разработать вопрос о собственности на движимые и недвижимые памятники, в последнем случае включая и землю, на которой они находятся. Следует обратить внимание на вопрос о государственной, в том числе муниципальной, собственности на те или иные памятники истории и культуры, особенно как бы «ничейные» или брошенные.

Намерение узаконить приватизацию памятников, в том числе и федерального значения, под предлогом их сохранения, по меньшей мере, спорно и встречает негативное отношение общества. Массовая передача исторических объектов в частные руки затрагивает даже интересы национальной безопасности. Для состояния отечественной культуры это рискованная мера. Здесь можно сослаться на примеры иного рода. Так, в Англии и Швеции памятники истории выкупаются у частных владельцев.

Пришло время исправить не оправдавшую себя формулу: «Охраняется государством». Объекты истории и культуры являются достоянием не государства, а народа и общества. В настоящее время у некоторых недвижимых памятных сооружений несколько постоянных и временных хозяев, что приводит к неразберихе и безответственности.

Следует предусмотреть дифференцированную ответственность государства, общественных организаций, отдельных лиц за состояние и сохранение культурного наследия. В полной мере относится это к органам местной власти и к памятникам, которые находятся на подведомственной им территории.

Следует разработать и определить функции местных властей в деле охраны памятников. Это обстоятельство может иметь решающее значение в сохранении объектов разной исторической значимости и разных форм собственности.

Необходима разработка статей об охране памятников археологии, включая объекты подводной, архитектурной и военной археологии. С учетом строительной сложности архитектурных сооружений, включающих не только наземные, но зачастую неизвестные подземные части, определенным объектам следует придавать двойной статус – памятников архитектуры и археологии.

Назрела реформа службы охраны памятников, которая как вариант заключалась бы в создании на местах органов охраны памятников, не зависимых от местной власти, но подчиненных единому государственному центру. В целях преодоления разобщенности, безответственности или беспартия учреждений, связанных с надзором за историческими объектами, целесообразно учредить Государственный комитет при Правительстве России по охране, реставрации и использованию памятников истории и культуры.

Необходимо обратиться к церковным властям с целью привлечения их к делам сбережения и защиты памятников. Важно было бы узаконить государственно-церковные институты в деле спасения и реставрации тех или иных исторических и культурных объектов. Некоторые ценные культовые сооружения находятся в совместном использовании церкви и государства, поэтому необходима договорная мера ответственности за их содержание и сохранение.

Желательны научно-практические и культурно-просветительские съезды по регионам, посвященные проблемам в области охраны, использования и реставрации памятников. Обязательно сопровождать эти съезды выпуском печатных трудов.

Учет исторических памятников следует дополнить обозначением их балансовой стоимости. Думается, что следует более настойчиво выдвигать памятники Отечества, достойные включения в список объектов мировой ценности.

Следует заново разработать охранные меры по юридической защите памятников, включая применение статей уголовной ответственности к нарушителям. Статья 230 Уголовного кодекса РСФСР, предусматривающая наказание за умышленное уничтожение, разрушение или повреждение памятников истории и культуры, практически не используется.

Достойно поддержать инициативу общественности Санкт-Петербурга об установлении в России ежегодного Дня памяти святого благоверного князя Александра Невского, приурочив его к 12 сентября – церковному празднику, дню перенесения мощей князя из Владимира в Санкт-Петербург. Было бы целесообразно также создать международный благотворительный фонд имени Александра Невского, который бы поощрял и финансировал деятельность, связанную с изучением и спасением русского культурного и научного наследия.

Важно было бы организовать, например в Санкт-Петербурге, «Русский дом» для хранения библиотеки и архива, устройства выставок, приема гостей из «ближнего» и «дальнего» зарубежья. Молодежь могла бы в таком доме совершенствоваться или обучаться русскому языку и знакомиться с отечественной культурой.

Желательно было бы организовать Российский банк культуры с правом осуществлять внутри- и внешнеэкономические акции, например, участвовать в покупках оказавшихся за рубежом культурных ценностей.

В связи с изучением культуры некогда единых славянских народов России, Украины и Белоруссии могла бы быть создана негосударственная организация. В этом деле могли бы объединиться Общества по охране памятников соответствующих упомянутых государств.

В заключение коснусь двух сюжетов, связанных с всесветным рассеянием русского художественного достояния.

XX век с внезапной силой открыл миру высочайшее мастерство и духовность русских икон. В этом ряду оказались и святыни выдающегося национального значения. Одна из них, по преданию, «чудом» явилась в 1383 г. на реке Тихвинке, неподалеку от места будущего Большого Успенского Тихвинского монастыря, и «чудом» сохранилась в наши дни. Речь идет о иконе Тихвинской Богоматери. Когда было создано это произведение, в XIV или в начале XVI в., не выяснено. Икона полностью не расчищалась, поэтому ее потенциально высокие художественные достоинства еще предстоит оценить. Во время моего знакомства в 1984 г. с финляндским искусствоведом Ауне Яскинен она рассказала ставшие ей известными факты о похищении фашистами во время Великой Отечественной войны в 1941 г. из Успенского собора Большого Успенского монастыря в Тихвине этой знаменитой, считавшейся чудотворной, иконы. Ныне она находится в Чикаго, в собственности одного из священников американской автокефальной православной церкви. А. Яскинен изложила в своей книге «Икона Тихвинской Богоматери», изданной по-английски в Хельсинки в 1976 г., версию о спасении иконы священником Иоанном (в дальнейшем архиепископом Чикаго и Минеаполиса, а позднее и Сан-Франциско) во время бегства немецких войск из Лиепаяи. По рассказам, «Тихвинская мадонна» после Тихвина оказалась в Пскове, потом в Риге и, наконец, брошенной среди военного снаряжения вермахта на берегу Балтийского моря. Там ее подобрал Иоанн и в 1949 г. привез в США. Как бы то ни было, произведение византийской или русской работы не погибло, не затерялось и может быть возвращено на Родину. По завещанию спасителя иконы, ее возможно вернуть из США в Россию при условии открытия Большого Успенского монастыря в Тихвине, восстановления Успенского собора, в котором икона хранилась в специальном сейфе, и надлежащей её охраны. Часть этих условий уже выполнена. В 1995 г. в новооткрытом монастыре появились первые послушники, начат ремонт собора. В 1996 г. тогдашним губернатором Ленинградской области А. С. Беляковым создан Фонд иконы Тихвинской Богоматери. Такой фонд или специальная группа, если им удастся работать при поддержке и с участием Правительства Ленинградской области, духовенства, общественности, коммерческих структур, мог бы способствовать так затянувшемуся возврату реликвии русского народа.

К числу забытых шедевров русского искусства, на этот раз светского характера, попавших в «зарубежный плен», относятся картины

русских художников, направленные в 1914 г. в шведский город Мальмё на устроенную там художественно-промышленную выставку. На выставке оказались 93 произведения 19 мастеров, среди которых были А. Бенуа, В. Серов, А. Головин, К. Коровин, А. Яковлев, И. Браз, С. Яремич, Б. Кустодиев, П. Кузнецов, К. Петров-Водкин... Картины направило в Швецию не Российское правительство, а сами художники, так сказать, «в частном порядке». Русский павильон для публики оказался подлинной сенсацией. Как писала тогда шведская газета «Дагенс Нюхетр»: «Самое большое впечатление от всего виденного (на выставке) производит русская живопись. Здесь все ново для шведов».

Разразившаяся в момент функционирования выставки Первая мировая война, а затем Октябрьский переворот привели к тому, что российские экспонаты прочно застряли в Швеции. Часть своих произведений художники вытребовали назад или продали за бесценок, в том числе и в Художественный музей в Мальмё. Невостребованными остались 24 картины. На родине об этих полотнах попросту забыли. Так Швеция, которая не приобретала, не захватывала, не присваивала, не конфисковывала русские картины, оказалась их бессрочной хранильницей. В опубликованной в Мальмё в 1989 г. по-шведски книге «Балтийская выставка 1914 г.» автор раздела о русской экспозиции Г. Христенсен описывает, как впервые ходил по залам Художественного музея вместе со зрителем. Подошли к портретам. «Эти русские картины Балтийской выставки, – пояснил зритель. – Если кто-нибудь, – продолжал он, – приедет из России, их надо спрятать». – «Почему?» – спросил Христенсен. «Они нам не принадлежат, и никто не знает, кто ими владеет. Они оставлены нам на хранение уже много лет тому назад».

Пришло время вспомнить о забытых шедеврах. Требовать их возврата затруднительно, ведь владельцев-художников нет в живых. В качестве временной меры можно было бы учредить комитет по опеке картин из Мальмё, состоящий из представителей России и Швеции. Такой комитет мог бы быть временным или даже постоянным собственником «ничьих» русских художественных произведений и, возможно, выступать под эгидой ЮНЕСКО. Как бы ни сложилась судьба русских творений, очень полезна была бы их выставка в России. Конечно, следует гарантировать шведским устроителям возможной выставки возврат экспонатов на место хранения в Мальмё.

На исходе мятежный XX век. Набатный колокол в защиту культурного достояния звучит все тревожнее, все громче и настойчивей. Приходит новая оценка российского наследия как фактора национальной и общемировой духовности. Было время бросать камни, настало ли – их собирать? Без коллективных усилий общества и поддержки государства не обойтись. Здесь только сами себе можем помочь.

ЛИТЕРАТУРА

Кирпичников А. Н. О создании в Старой Ладогe историко-архитектурного и археологического музея-заповедника // Проблемы охраны памятников археологии в населенных местах. Ереван, 1980. С. 62–64.

Кирпичников А. Н. Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984.

Кирпичников А. Н. Исторические города Ленинградской области (к вопросу о сбережении культурного наследия) // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985. С. 140–144.

Кирпичников А. Н. Охрана памятников архитектурной археологии городов-крепостей Северо-Западной Руси // Методические основы охраны и использования памятников археологии. М., 1987. С. 88–95.

Кирпичников А. Н. Время собирать камни // Наше наследие, 1989, № 4. С. 1–7.

Кирпичников А. Н. Защитить памятники Отечества // Тез. докладов конференции «Нарва, Ивангород, Принаровье: воздействие культур, история и археология». Нарва, 1989. С. 12–15.

Кирпичников А. Н. О сбережении отечественного культурного наследия // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. СПб., 1994. С. 110–121.

Кирпичников А. Н. Реликвии русской императорской армии в Брюсселе // «Погибшие святыни». 4-я Российская научно-практическая конференция. Часть I. Санкт-Петербургский фонд культуры. Программа «Храм». Сборник материалов. Вып. 9. СПб., 1996. С. 86–92.

Кирпичников А. Н. Охрана и сбережение памятников отечественной культуры. Некоторые идеи и проекты // Проблемы изучения древнерусского зодчества. СПб., 1996. С. 195–198.

Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д. Старая Ладога – древняя столица Руси. СПб., 1996.

Материалы V съезда Всероссийского Общества охраны памятников истории и культуры, г. Горький. М., 1998.

Рерих Н. К. Собрание соч. Т. I. М., 1914. С. 46–47.

◆
**СПАСАТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ
ПЕТЕРБУРГСКИХ АРХЕОЛОГОВ
НА ТЕРРИТОРИИ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ**

Ленинградская область, как пограничная территория, максимально близкая к европейским транспортным коридорам, в последнее время начала привлекать пристальное внимание потенциальных отечественных и западных инвесторов. В связи с этим наблюдается усиление проектно-строительной деятельности, в основном связанное с вложением государственных и частных средств в инфраструктуру всех возможных видов транспортировки – товаров, энергии, информации и пр. Отрадно, что все это встречает всемерное содействие со стороны Правительства области, которое стремится оперативно разрешать многие организационные и иные вопросы в целях скорейшего введения в строй намеченных объектов.

Однако, наряду с важными задачами отвода сельскохозяйственных земель, экологическими, пожарными, техническими, социальными проблемами, а также массой других вопросов, требующих согласования с компетентными органами, не следует забывать крайне важную проблему сохранения культурно-исторического наследия. Речь идет о целой группе мероприятий, направленных на спасение от угрозы разрушения в связи с грядущей строительной деятельностью ценнейших памятников нашей истории. В первую очередь это касается памятников археологии, наименее всего защищенных, поскольку большинство из них никак не выражено на поверхности: таблиц, информирующих о том, что в данном месте находится тот или иной археологический памятник, в связи с отсутствием у районных управлений и отделов культуры даже минимальных средств на это, не имеется ни на одном объекте. Информацией о памятниках реально обладают Институт истории материальной культуры РАН и департамент по культурному наследию при Правительстве области.

Начало сбора сведений о памятниках древности в России положил известный Указ Петра I от 13 февраля 1718 г. о сдаче старинных редкостей комендантам¹. Но очень длительное время сборы такого

рода сведений носили несистематический характер. Примером может служить перечень археологических памятников, собранный Министерством внутренних дел через губернаторов в 1840 г., в том числе и по Петербургской губернии, и носивший случайный характер². Учет сведений о памятниках археологии был более упорядочен после создания в 1859 г. Императорской археологической комиссии. Одновременно, во второй половине XIX в., начинаются массовые раскопки курганов и быстрое накопление археологических источников. Наиболее масштабные исследования происходят на территории Петербургской губернии. Л. К. Ивановский раскопал на Ижорском плато 5877 курганов из 127 могильников, Н. Е. Бранденбург – около 150 курганов в Южном Приладожье и провел раскопки в Старой Ладоге. В. Н. Глазов исследовал в Гдовском уезде 415 курганов и жальничных комплексов из 25 могильников. Т. Швиндт впервые провел на Карельском перешейке раскопки кексгольмских грунтовых могильников. Таким образом, в последней трети XIX в. создается основная источниковедческая база древнерусской археологии на Северо-Западе России, сохранившая свое значение и по сей день. Тогда же были сделаны и первые шаги в изучении памятников каменного века.

Необходимость не только раскопок, но и учета нераскопанных пока памятников археологии и сохранения их для будущих поколений исследователей была осознана к концу XIX в. В 1899–1901 гг. был произведен сбор данных для первой археологической карты Петербургской губернии. Координировал эту работу и собирал все поступающие сведения художник Н. К. Рерих. Составление карты не было завершено, но собранные сведения, хранящиеся в Рукописном архиве ИИМК РАН – в фонде Н. К. Рериха³, не утратили информационной ценности и сто лет спустя. С 1871 и до 1916 г. в России обсуждалось несколько проектов Закона об охране памятников. Но этот закон так и не был принят. Главным препятствием, заводившим все проекты в тупик, был вопрос о праве Археологической комиссии ведать раскопками на частных землях. Вызывали противодействие также статьи проектов о приоритете Правительства в приобретении предметов старины у частных лиц и о запрещении вывоза их за границу.

Государственная Академия истории материальной культуры (ГАИМК) в год своего возникновения (1919) поставила задачу составления археологической карты России, что тогда было, впрочем, практически неосуществимо. В 1924 г. был принят Декрет ВЦИК и СНК «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы». В 1927 г. ГАИМК приступила к археологическому обследованию Северо-Запада РСФСР. В нем участвовали аспиранты ГАИМК,

а также ряд местных краеведов и музейных работников. В 1927–1931 гг. было обследовано более тысячи археологических объектов, в том числе 214 в пределах современных границ Ленинградской области, и составлен каталог на 630 сохранившихся памятников. Все материалы хранятся в Рукописном архиве ИИМК РАН⁴ и, за некоторыми исключениями,⁵ не опубликованы.⁶

Несмотря на государственную собственность на землю в СССР, которая должна была, казалось бы, способствовать сохранению археологических памятников, их разрушение приобретало все более широкие масштабы. Индустриализация, строительство дорог, разработка многочисленных песчаных карьеров на местах древних поселений и могильников, при культивировании негативного отношения к досоциалистическому прошлому, принесли большой вред памятникам археологии. При опросах населения во время проведения археологических разведок выяснилось, что рядовым сельским памятникам, удаленным от зон строительства, значительный ущерб нанесла коллективизация. Типичный сельский пейзаж на Северо-Западе России: на окраине деревни, на самом сухом месте, как правило, на песчаном холме, располагался средневековый жальничный могильник с каменным крестом или деревянной часовенкой. По местным поверьям, нельзя было не только срубить дерево, растущее на жальнике, но и использовать древесину упавшего дерева. При проведении коллективизации сооружался большой погреб, в который собирали из частных погребов обобщественную картошку. Почти всегда колхозный погреб выкапывался на жальнике, как в самом сухом и удобном месте. Попутно уничтожались часовни и кресты. Пятьдесят–шестьдесят лет спустя местные старожилы с сожалением вспоминали об этих разрушениях, как и о вымерзшей в большом погребе картошке. Средств ГАИМК хватало только на изучение территории наиболее крупных строек. В качестве положительного примера можно вспомнить спасательные раскопки ленинградских археологов при строительстве Свирской ГЭС⁷.

С 1969 г. начался новый этап изучения памятников археологии Ленинградской области. В первой половине 1970-х гг. стали осуществляться разведочные работы, перешедшие затем в стационарные раскопки. Велась они кафедрой археологии ЛГУ и сотрудниками ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН) при участии Ленинградского областного отделения ВООПИК. Принятый в 1976 г. Закон СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» и аналогичный Закон РСФСР 1978 г. сделали проблему учета археологических памятников еще более актуальной. В 1983–1991 гг. Ленинградская областная экспедиция ЛОИА АН СССР провела сплошное

обследование памятников археологии области с целью создания ее полной археологической карты. Эта третья попытка впервые завершилась публикацией⁸, в которой учтены сведения о 1676 археологических объектах. В эти же годы экспедиция сотрудничала с институтом «Гипроводхоз» и спасла от уничтожения несколько десятков памятников в зонах мелиорации.

Территория Ленинградской области делится на четыре крупные географические, историко-культурные и археологические зоны: Полужье, Ижорское плато, Юго-Восточное Приладожье и Карельский перешеек.

В Полужье (Лужский район) недавно обнаружены наиболее ранние из известных в пределах Ленинградской области памятников, относящиеся к мезолиту – раннему неолиту⁹. Основная часть памятников относится ко второй половине I тыс. – первой половине II тыс. н. э. Разнообразие представленных в Полужье памятников (сопки, длинные и полусферические курганы, жальничные и грунтовые могильники) в сочетании с разнообразием ландшафтных и почвенных условий делают данный район исключительно интересным для решения проблем этнической истории, сложения различных культурно-хозяйственных типов в эпоху формирования Древнерусского государства¹⁰.

Второй археологический ареал – Ижорская возвышенность (Волосовский район и части граничащих с ним Гатчинского, Ломоносовского и Кингисеппского районов). Эта территория с плодородными карбонатными почвами, освоенная в XI в., была плотно заселена древнерусскими земледельцами и являлась основной хлебной житницей Новгородской республики. Крупные курганно-жальничные могильники XI–XV вв., насчитывающие сотни погребальных комплексов, – свидетельство длительной земледельческой оседлости. Уникальность их в том, что их материалы позволяют исследователям проследить историю каждой конкретной крестьянской общины на протяжении 500 лет. Ижорской экспедицией ЛОИА АН СССР – ИИМК РАН раскопано более 200 погребальных комплексов, исследованы три городища XII–XIII вв., древнерусские селища и центры железоделательного производства¹¹. При изучении свыше 150 грунтовых погребений по обряду трупоположения впервые удалось целостно восстановить материальную культуру води XIII–XVI вв., характеризующуюся ярко выраженным прибалтийско-финским обликом ее основных элементов и почти не затронутую славянским культурным воздействием¹².

Уникален комплекс памятников Старой Ладogi (Волховский район) – первой столицы Северной Руси, включающий каменную

крепость, Земляное городище, посад, сопочные, курганные и грунтовые могильники, памятники культовой архитектуры. Первые археологические раскопки были проведены здесь вскоре после основания Петербурга – в 1708 г. С конца XIX в. исследования приобрели целенаправленный характер, и вот уже 120 лет несколько поколений археологов продолжают систематические раскопки в Старой Ладоге. С 1972 г. Институт истории материальной культуры РАН проводит здесь чрезвычайно результативные археологические изыскания¹³. Деятельность археологов решающим образом повлияла на создание в Старой Ладоге в 1984 г. историко-архитектурного и археологического музея-заповедника федерального значения. В контактной славяно-скандинаво-финской зоне в округе Старой Ладogi изучена яркая Приладожская курганная культура¹⁴.

В последние годы всесторонне изучена культура средневековой Корелы – грунтовые могильники и связанные с ними селища (Приозерский район)¹⁵. Следует особо отметить проведенные архитектурно-археологические исследования русских средневековых крепостей Ладога, Орешек, Копорье, Ямгород, Ивангород, Корела¹⁶ и шведского Выборга¹⁷.

В то же время далеко не все археологические памятники найдены и обследованы. Хорошо известны многочисленные курганные могильники, но в гораздо меньшей степени выявлены соответствующие им поселения. На Карельском перешейке финскими археологами было зафиксировано значительное число случайных находок.¹⁸ Эти пункты требуют тщательного дополнительного обследования. Памятники неолита – раннего металла Карельского перешейка – также ждут планомерного изучения.

Земля Ленинградской области сохраняет огромный исторический и культурный потенциал, обладающий рядом важнейших гуманитарных функций: идеологической – сохранение культурного наследия в целях национальной идентификации и консолидации; образовательной – образовательные методики по национальной истории во всем мире призывают использовать различные виды исторических памятников; экономической – значение памятников культуры для туризма постоянно повышается, массовый туризм, национальный и международный, – неотъемлемая часть современной экономической жизни; научной – хранилище баз данных (источников), каковыми являются памятники археологии, для научных исследований.

Сопоставляя данные начала XX века, конца 1920-х годов и последних лет, видим, что разрушение археологических памятников растет в геометрической прогрессии. При этом основная их масса пострадала в последние годы в связи с интенсификацией хозяйст-

венной и строительной деятельности, массовым отводом земельных участков.

В последнее время Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, учитывая наметившуюся тенденцию на интенсификацию строительства в области, резко усилил свои контакты с рядом проектных и строительных организаций, в деятельности которых весьма значительное место занимает организация крупных строительных проектов. Среди них следует назвать такие, как институт «ГИПРОСпецГАЗ, Дорожный комитет, Региональная дирекция № 9 «Дороги Северо-Запада России», Морской проектный институт № 23, БТС (Балтийская трубопроводная система), а также ряд других проектных и строительных учреждений. Рабочие контакты ИИМК РАН с вышеперечисленными организациями развиваются в целом успешно. Была заключена серия договоров на предварительное археологическое обследование тех или иных территорий, где планируется строительство. Представитель администрации института выступал с информацией о нашей деятельности на собрании руководителей ЛАСПО (Ленинградской Ассоциации строительных и проектных организаций). Важность последнего выступления трудно переоценить, поскольку нередко наблюдаются случаи непонимания важности и обоснованности наших требований, незнания основных положений Закона РФ «Об охране и использовании памятников истории и культуры», согласно которым финансирование спасательных работ по сохранению памятников истории и культуры (к которым в полной мере принадлежат все категории археологических памятников) осуществляется за счет средств организации, оплачивающей проектные и строительные работы. Порой приходится объяснять причины отсутствия у археологов подробных археологических карт на те или иные участки строительства, обосновывать невозможность и непрактичность столь выгодного, на первый взгляд, в силу его куда более дешевого объема финансирования так называемого «археологического надзора» в процессе стройки. Серьезные затруднения вызывает отсутствие у археологов расценок на производство полевых работ, а объяснение принципиальной невозможности составления таковых не вызывает понимания у главных инженеров проектов.

Хотя археологическое обследование областей и краев Российской Федерации продолжается многие годы, говорить о создании полной археологической карты России можно будет лишь в отдаленном будущем. В связи с этим требующая весьма ощутимых затрат подробная и максимально тщательная археологическая разведка памятников археологии и древней истории, поиск и выявление новых

объектов на каких-либо конкретных участках осуществляются лишь в случае, если сохранности памятников что-либо угрожает. В соответствии с основными положениями «Закона РФ об охране и использовании памятников истории и культуры», а также ряда нормативных актов Министерства культуры РФ данные работы проводятся на средства организации, деятельность которой может уничтожить ценные объекты культурного наследия. В результате первого – предварительного – этапа оплачиваемых работ определяется количество попадающих в зону строительства археологических памятников и определяется стоимость охранно-спасательных археологических мероприятий. Их выполнение (в большинстве случаев – это раскопки) называется полным археологическим исследованием памятников и является вторым этапом археологической деятельности на территории строительства и соответственно финансируется отдельно. По итогам всего комплекса археологических работ органами охраны памятников пишется заключение о том, что на указанной территории памятников нет и строительные работы могут вестись беспрепятственно.

Дальнейшее развитие взаимопонимания ученых, проектантов и строителей послужит сохранению нашего культурного наследия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Охрана памятников истории и культуры в России. XVIII – начало XX вв. Сборник документов. М., 1973. С. 21.

² О памятниках древности. Сведения, полученные от губернаторов (1840 г.). Архив ИИМК РАН. Ф. 6. Д. 51. Л. 35–40.

³ Архив ИИМК РАН. Ф. 37. Д. 1, 3, 4, 6–8, 11.

⁴ Архив ИИМК РАН. Ф. 2.

⁵ Чернягин Н. Н. Длинные курганы и сопки. МИА. 1941. № 6.

⁶ Репрессии 1929–1930 гг., направленные против истоков и музейных работников, затормозили осуществление данного проекта, а гибель в «кировском потоке» Б. А. Коишевского, занимавшегося систематизацией собранных сведений, отодвинула его завершение на десятилетия.

⁷ Равдоникас В. И. Археологические исследования на р. Свири в 1934 г. // СА. 1940. Т. V. С. 187–205.

⁸ Лапшин В. А. Археологическая карта Ленинградской области. Часть I: Западные районы. Л., 1990; *он же*. Археологическая карта Ленинградской области. Часть II: Восточные и Северные районы. СПб., 1995.

⁹ Тимофеев В. И. Памятники мезолита и неолита региона Петербурга и их место в системе культур каменного века Балтийского региона // Древности Северо-Запада. СПб., 1993. С. 8–34.

¹⁰ Лебедев Г. С. Археологические памятники Ленинградской области. Л., 1977; Лебедев Г. С., Платонова Н. И., Лесман Ю. М. Археологическая карта Верхнего Полужья (втор. пол. I тыс. – перв. пол. II тыс. н. э.) // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 49–55.

¹¹ *Рябишин Е. А.* Археологические памятники Водской земли // СА. 1976. № 1. С. 211–219; *он же.* Городища Водской земли // КСИА. 1984. № 179. С. 45–53.

¹² *Рябишин Е. А.* Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб., 1997.

¹³ *Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д.* Старая Ладога – древняя столица Руси. СПб., 1996.

¹⁴ *Назаренко В. А.* Исторические судьбы Приладожья и их связь с Ладогой // Славяне и Русь. Киев, 1979. С. 106–115; *он же.* Погребальная обрядность Приладожской чуди // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983.

¹⁵ *Сакса А. И.* Карельская земля в XII–XIV вв. по археологическим данным // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984.

¹⁶ *Кирпичников А. Н.* Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984.

¹⁷ *Тюленев В. А.* Изучение старого Выборга. СПб, 1995.

¹⁸ *Uino P.* Ancient Karelia. Archaeological studies. Helsinki, 1997.

Т. Б. СЕНИЧЕНКОВА

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ**

Земли Северо-Запада России, входящие ныне в состав Ленинградской области, имеют богатейшую историю. Древнейшие люди появились здесь в эпоху мезолита–неолита (VI—II тыс. до н. э.), о чем говорят многочисленные стоянки, открытые археологами. От последующих эпох сохранилось много памятников археологии (городищ, селищ, курганов, жальников и др.), принадлежащих как местному, финно-язычному в своей основе населению, так и переселившимся сюда из более южных регионов славянам. Средневековые оставило на землях области целое «серебряное ожерелье» городов-крепостей, служивших в разные годы оплотом Русского государства в его борьбе с иноземными захватчиками, замечательных храмов и монастырских ансамблей. После постройки новой столицы – Санкт-Петербурга – вокруг нее вскоре выросло множество усадебных комплексов, которые, будучи более «камерными» по сравнению с широко известными царскими пригородными резиденциями, не уступают последним по своим художественным достоинствам. Многие из них связаны с именами известных писателей, художников, ученых... Годы строительства социализма, Гражданская и Великая Отечественная войны оставили свой след на Ленинградской земле в виде крупных промышленных объектов, памятников выдающимся ученым и государственным деятелям, мемориалов, многочисленных братских воинских захоронений: и, увы, руин памятников архитектуры.

На учете в Департаменте по охране и использованию памятников истории и культуры Ленинградской области состоит около 4500 объектов, в том числе 161 памятник федерального (общероссийского) значения, 1154 памятника местного значения, а также вновь выявленные объекты историко-культурного наследия, подлежащие охране согласно действующему законодательству.

К сожалению, в связи с изменившимися экономическими условиями состояние дел в сфере охраны культурного наследия обстоит да-

леко не лучшим образом. Практически полное отсутствие финансирования привело к свертыванию реставрационных работ на памятниках. Особенно удручает то обстоятельство, что объекты, в которые уже были вложены значительные суммы, разрушаются, потому что нет средств на завершение реставрации или хотя бы на их консервацию. Правда, в последние годы наметилась тенденция к изменению ситуации в лучшую сторону. Участие Ленинградской области в федеральной программе «Развитие культуры и сохранение культурного наследия народов России», а также средства, выделяемые областным правительством, позволяют вести реставрационные работы на отдельных памятниках, но этого явно недостаточно в масштабе всей области.

Так, например, Ивангородская крепость, основанная по указу Ивана III в 1492 г. для обороны западных рубежей Русского государства, вновь стала пограничной. Пункт пропуска таможни, через который проходят все приезжающие на территорию РФ, находится рядом с крепостью, что затрудняет проход туда туристов. Многие объекты находятся в аварийной состоянии: въездная арка 1492 г., четырехугольная крепость, арсенал и др. Институтом «Спецпроект-реставрация» разработана программа противоаварийных работ по объектам крепости, но ее осуществление не определено.

Необходимо продолжение реставрации и на других крепостных ансамблях — Кореле (г. Приозерск), Копорье (с. Копорье Ломоносовского района), Ладоге (с. Старая Ладога Волховского района). Если судьба крепости Корела определена (там располагается музей), то, к сожалению, уже в течение многих лет не удастся решить судьбу крепости Копорье — единственного памятника оборонительного зодчества, сохранившего планировочную схему крепости XIV–XV вв. и подлинные стены и башни XVI в.

Приближается 1250-летний юбилей Старой Ладоги — первой столицы Древнерусского государства. Созданный здесь на основе уникальных памятников археологии, истории, архитектуры (свыше 160 памятников федерального и местного значения) музей-заповедник проводит работу по реставрации и ремонту отдельных памятников: отреставрирована церковь Георгия XII в. с ее уникальными фресками; в церкви Успения XII в. перекрыта кровля и закончен ремонт фасадов; ведутся работы по дому купца Калязина, в котором предполагается разместить экспозицию и часть фондов музея.

В центре г. Тихвина расположен замечательный памятник архитектуры XVI–XVII вв. — Большой Успенский монастырь. Несмотря на многолетние работы по отдельным объектам монастыря (звонница, трапезная палата, живопись галерей Успенского собора и др.),

многие из них еще нуждаются как в завершении реставрации, так и в консервации. Среди них Успенский собор, являющийся замечательным памятником средневекового русского зодчества, Святые ворота с церковью Вознесения (1591 г.), Покровская церковь с трапезной палатой (1581 г.), часть келейных корпусов (2-я пол. XVII в.) с сохранившимися планировочными элементами и декором. В настоящее время оформляются документы о совместном использовании монастыря Санкт-Петербургской епархией и Тихвинским историко-мемориальным и архитектурно-художественным музеем-заповедником. Работы по восстановлению монастырского ансамбля будут способствовать скорейшему возвращению в Россию чудотворной иконы Тихвинской Божьей Матери.

Редкими сооружениями оборонного и гражданского зодчества располагает г. Выборг. Здесь много уникальных по своей архитектуре жилых и общественных зданий, построенных на протяжении нескольких веков и придающих городу неповторимый облик. Некоторые памятники включены в федеральную программу восстановления архитектурных сооружений, например, библиотека (архитектор А. Аалто), являющаяся интереснейшим памятником архитектуры XX в. (ее реставрация ведется при активном участии финской стороны), Фридрихсгамские ворота, входящие в состав крепости Кронверк (Анненкрон). Рядом с Выборгом расположена усадьба «Монрепо» с замечательным пейзажным парком – одним из самых красивых в Европе. Существующему здесь музею-заповеднику (историко-культурному объекту федерального значения) не под силу восстановить весь ансамбль. С помощью спонсоров из Финляндии удалось воссоздать некоторые малые архитектурные формы – мост и храм Нептуна; усадебный дом, библиотечный флигель, парк нуждаются в реставрации.

На территории области расположены около 300 усадебно-парковых комплексов, сохранившихся в различной степени: где-то имеются усадебный дом и хозяйственные постройки, а где-то – только аллеи парка или несколько старых деревьев. Видимо, и подход к сохранению таких объектов должен быть различным. В последнем случае было бы целесообразным не застраивать такие участки, а включать их в рекреационные зоны при проектировании генеральных планов развития населенных пунктов. Что касается наиболее полно сохранившихся комплексов, то здесь основная проблема – поиски пользователя, способного обеспечить сохранность и функционирование комплекса. Положительные примеры работы в этом направлении уже есть: усадьбы «Утешение» и «Преображенка» в Кингисеппском районе нашли своих хозяев. К сожалению, этого пока нельзя сказать

о таких замечательных комплексах, как Ропша, Елизаветино, Тайцы и др.

Представляется, что в современных условиях путь передачи памятников в пользование или собственность (это зависит от их статуса) является реальной возможностью их сохранения. Так, после передачи ряда сооружений в пользование Русской Православной Церкви или представителям других конфессий были начаты работы по восстановлению многих памятников культового зодчества, например, в церкви Святого Духа в г. Всеволожске, церкви Алексея, митрополита Московского, в п. Тайцы, часовне в п. Кобрино в Гатчинском районе, церкви во имя Пресвятой Богородицы Кармельской в г. Гатчине, Спасо-Преображенском соборе и Знаменской церкви в г. Тихвине, церкви Воскресения Христова в с. Торошковичи в Лужском районе и других. Восстанавливаются монастыри: Александро-Свирский XV—XVIII вв. в Лодейнопольском районе, Рождественский Коневецкий XIV—XIX вв. в Приозерском районе, Троицкий Зеленецкий XVI—XVII вв. в Волховском районе, Иоанно-Богословский XV—XIX вв. в местности Череменец Лужского района. За счет владельцев восстановлены б. купеческий дом по ул. Кирова, д. 26, жилой дом по ул. Володарского, д. 1, в г. Луге.

Другой важнейшей проблемой является соблюдение всеми органами власти законодательства РФ в области охраны памятников. Все памятники в РФ являются государственной собственностью. Между тем некоторые органы власти, например Выборгский совет народных депутатов, поспешили объявить все памятники г. Выборга муниципальной собственностью, что является противозаконным, но это решение до сих пор не отменено администрацией МО «Выборгский район». Подобным образом поступила администрация Гатчинского района в отношении усадьбы «Тайцы».

В области имеется 12 исторических городов, сохранивших памятники, градостроительные ансамбли, природные ландшафты и древний культурный слой и являющихся памятниками национальной культуры: Выборг, Гатчина, Ивангород, Кингисепп, Лодейное Поле, Луга, Новая Ладога, Шлиссельбург, Приозерск, Тихвин, п. Ропша и с. Старая Ладога. Согласно Градостроительному кодексу РФ (и разработанному на его основе Градостроительному кодексу Ленинградской области), на территории исторических поселений и населенных пунктов, имеющих памятники истории и культуры, градостроительная деятельность подлежит особому регулированию (ГК РФ, ст. 6, п. 3, 4). В настоящее время только 4 исторических города имеют утвержденные в установленном порядке проекты зон охраны (некоторые из них устарели и требуют корректировки).

Согласование остальных проектов остановилось на различных этапах. Сейчас необходимы средства на корректировку уже выполненных проектов, чтобы можно было скорее их утвердить. Отсутствие регламентирующих документов приводит к существенному искажению облика исторических городов, связанному с появлением современной дисгармонирующей застройки.

В настоящее время Комитетом по архитектуре и градостроительству начата работа по созданию территориального градостроительного кадастра. Департамент по охране памятников также участвует в согласовании градостроительных паспортов, разрабатываемых муниципальными образованиями. Необходимо, чтобы территории памятников и зон их охраны были нанесены на карты землепользования. Особенно важным является это требование применительно к целому пласту наиболее древних памятников – археологическим объектам, которых в области зафиксировано около 1300. Специфика памятников археологии такова, что они часто просто «не видны» неискушенному глазу. Это приводит к тому, что они передаются в собственность вместе с земельными участками без согласования госорганами охраны памятников.

В Земельном кодексе РСФСР (принят 25.04.91 г.) предусмотрено выделение земель историко-культурного назначения и дано их определение: «...землями историко-культурного назначения признаются земли, на которых (и в которых) располагаются памятники истории и культуры» (ст. 93). Однако режим использования, определение границ и порядок изъятия земель из хозяйственного использования четко не определены, что на практике затрудняет применение этой статьи.

С проблемой выделения земель историко-культурного назначения тесно связаны вопросы определения территории памятника и его зон охраны. К сожалению, территория памятника не всегда находила отражение в паспортах, являющихся главным учетным документом. Сейчас, при новых экономических отношениях, необходимо параллельно с разработкой градостроительного и земельного кадастров провести работу по установлению границ и режимов территорий особого градостроительного регламента. Срочность и значительный объем предполагаемой работы требуют специального финансирования и назначения для ее выполнения генерального подрядчика на конкурсной основе. Комитет по культуре Ленинградской области, понимая необходимость проведения такой работы, включил соответствующий раздел в разработанную Программу развития сферы культуры Ленинградской области на 1996–2000 гг. К сожалению, эти намерения не были подкреплены необходимым финансированием.

А. Н. ЦАМУТАЛИ

◆
**ОХРАНЯТЬ ПАМЯТНИКИ
ВОЕННОЙ ИСТОРИИ**

Среди других важных задач, которые приходится решать исторической секции Ленинградской областной организации Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, важное место занимают сохранение и изучение исторических памятников и памятных мест, связанных с военной историей. На протяжении многих веков Северо-Запад России был ареной сражений и войн. От их исхода во многом зависела судьба нашей Родины. О защите своих границ нашим предкам приходилось заботиться как об одной из первостепенных, жизненных проблем. Поселения и города в Древней Руси, как правило, обносились оборонительными сооружениями.

Ладога, впервые упомянутая в летописи под 862 г., уже в 860-е гг. стала не только городским поселением, но и столицей империи Рюриковичей, для защиты которой уже тогда возводились первые укрепления. Со временем на берегах Волхова возникли мощные для своей эпохи каменные стены и башни. Кроме Ладоги каменными стражами Руси на ее беспокойных северо-западных границах стали и другие города-крепости. Стены и башни этих крепостей хранят память о сражениях, штурмах, осадах, морских баталиях. Помнят о них воды и берега Невы, Финского залива, Ладожского озера, других рек и озер.

В 1240 г. русские воины, предводительствуемые князем Александром Невским, нанесли поражение шведским войскам на берегу Невы, у впадения в нее реки Ижоры. В последние годы сделаны первые шаги по увековечиванию памяти участников Невской битвы. Восстановлен православный храм. В дальнейшем следует приложить все усилия для того, чтобы создать музей, добиться решения о статусе охраняемой зоны. Через год после Невской битвы, в 1241 г., дружина Александра Невского овладела Копорьем. С боем был взят сооруженный там немецкими рыцарями деревянный замок. На его месте русскими была сначала построена деревянная крепость. Затем, в 1280 г., были

возведены стены и башни из камня. Величественные сооружения Копорской крепости сохранились до наших дней, но еще многое следует сделать, чтобы превратить Копорье в благоустроенный архитектурно-туристский и военно-исторический комплекс.

В 1323 г. в истоке Невы, на острове Ореховом, великий князь Московский Юрий Данилович, внук Александра Невского, заложил крепость. История средневековой русской крепости Орешек, так же как история других русских городов-крепостей на Северо-Западе Руси, таких, как Ямгород (Ямбург, ныне – Кингисепп), Корела (Кексгольм–Кякисалми, ныне – Приозерск), Выборг, тесно переплетается с историей Ливонской войны, русско-шведских войн, Северной войны 1700–1721 гг. Много сделано для изучения истории этих городов-крепостей с археологической и архитектурной точки зрения. Следует продолжить эти исследования и обратить большее внимание на создание военно-исторических исследований. Нужно помнить, что драматические события как давних лет, так и недавнего прошлого были трудным испытанием и для народов России, и для народов других стран, особенно для народа Финляндии. В этой связи следует отметить плодотворное сотрудничество историков России, Финляндии, Швеции, всячески способствовать продолжению совместных исследований.

Северная война, бурная энергия Петра I стали причиной того, что в историю Северо-Запада России были вписаны новые страницы. В сложную историю старых крепостей вошли новые главы об осадах и штурмах. В 1702 г. русские войска овладели Нотебургом (Орешком). В 1703 г. был взят Ямбург. В 1710 г. русские полки штурмом взяли Выборг. В том же году после осады сдался шведский гарнизон Кексгольма.

После того как в 1703 г. был основан Петербург, защита северо-западных границ приобрела для России особое значение. Это ощущалось и во время Северной войны, и в последующих войнах. Напомним для широких кругов менее известную русско-шведскую войну 1788–1790 гг. Швеция имела во время этой войны поддержку со стороны Англии, Голландии и Пруссии. Победа, одержанная русским флотом в июне 1790 г. в Выборгском морском сражении, сорвала планы шведов высадить десант в окрестностях Петербурга и ускорила заключение мира.

Войны XIX в. не раз заставляли беспокоиться о судьбе Петербурга. Так было в 1812 г. и в 1853–1856 гг. Но и в мирное время не только в Петербурге, но и в Петербургской губернии были расквартированы гвардейские, армейские и флотские части. В свое время было начато подробное изучение историй гвардейских полков, составлялись

истории и некоторых армейских частей. Однако такого рода работа по истории русской армии и флота XVIII – начала XX вв. была прервана первой мировой войной, начавшейся в 1914 г. В 1918 г. полки русской гвардии и армии были расформированы. В последнее время наметилось оживление среди энтузиастов военной истории. Наверное, такого рода начинания следует поддержать. Довольно широкий круг наших современников знает о том, что в Новой Ладогe стоял Суздальский полк, поскольку этим полком когда-то командовал А. В. Суворов. Но, к сожалению, о многих полках и других частях в XVIII–начале XX вв., расквартированных в Гатчине, Ораниенбауме, знают немногие. Вместе с тем там стояли и отличившиеся во многих войнах полки. Они достойны внимания потомков.

В XX в. Северо-Запад России вновь стал ареной войн. На завершающем этапе первой мировой войны немецкие войска в феврале 1918 г. овладели Нарвой. В боях под Нарвой и Псковом создавались отряды Красной Армии. В годы гражданской войны, особенно в 1919 г., западная часть современной Ленинградской области стала театром военных действий. У нас немало было сделано по изучению истории гражданской войны вообще, под Петроградом и на Северо-Западе нашей страны в частности. Однако эту работу можно и нужно продолжить, чтобы во всей полноте воссоздать драматические события тех лет.

Большая часть территории, входящей ныне в Ленинградскую область, была охвачена огнем войны в годы второй мировой войны 1939–1945 гг. Трудно перечислить все направления, по которым следует вести работу исторической секции Ленинградского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры по увековечиванию памяти тех, кто пал в боях за Родину в эти годы, по воссозданию более полной и объективной картины тех испытаний, которые выпали на долю всего нашего народа и жителей Ленинградской области. Заметим, что в прошедшие после войны годы многое делалось по сохранению памятников на могилах павших воинов. Много материалов собрано сотрудниками музеев, расположенных в Ленинградской области, руководимых объединенной дирекцией этих музеев. В сохранении и изучении различных материалов, рассказывающих о Великой Отечественной войне, велик вклад активистов Общества, краеведов, журналистов. Тем не менее эту работу следует продолжить. Важно, что и сейчас она не прерывается, несмотря на очень трудное время. Наличие энтузиастов среди участников войны, сотрудников музеев, учебных заведений, научно-исследовательских учреждений дает надежду, что удастся расширить сбор материалов и изучение различных проблем по истории Великой

Отечественной войны. Напомню, что среди них и такие проблемы, как история партизанского движения, история Ленинградской армии Народного ополчения, взаимодействие войск Ленинградского и Волховского фронтов, роль Краснознаменного Балтийского флота и военно-воздушных сил и многие другие проблемы.

Вселяет надежду то, что работу по военной истории в рамках Общества по охране памятников удастся расширить, то, что историческая секция постоянно ощущает готовность к сотрудничеству и помощь со стороны исторической секции С.-Петербургского городского отделения ВООПИК, сотрудников Санкт-Петербургского филиала Института Российской истории Российской Академии наук, кафедры истории Академии культуры им. Н. К. Крупской, Военно-исторического музея А. В. Суворова, Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, других научных, культурных учреждений, учебных заведений. Особенно хотелось бы поблагодарить районные отделения ВООПИК и их руководителей в районах Ленинградской области, таких, как Гатчинский, Ораниенбаумский, Выборгский, Тихвинский и многих других.

НАУЧНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

В. М. МАССОН

**НАУЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО СНГ
И ЕВРАЗИЙСКИЕ БЛОКИ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ**

Научное пространство является составной частью того явления, которое сформировалось в процессе развития человечества и которое В. И. Вернадский именовал ноосферой или сферой разума. Научное пространство представляет собой зону взаимодействующих научных центров и школ, объединяемых общностью тематики и проблематики, методическими и методологическими подходами и приемами процедур научного исследования, включая язык самой науки. Это была подвижная система, образующая порой масштабные единства, меняющая свои границы в условиях различной политической и культурной ситуации. Обширное научное пространство образовывала в домонгольское время наука мусульманского Востока. Здесь языком научного общения для стран разной лингвистической ориентации был арабский язык, единый для многих центров научной мысли и научных разработок. В это пространство вовлекались представители разных народов. Происхождение отдельных ученых определялось прозвищем – нисбой, указывающим на их родину, и в истории науки они так и известны: Хорезми, Фергани, Фараби и т. д. Однако это указывало только на родину самого исследователя, научная деятельность которого могла формироваться и разворачиваться в иных центрах. Так деятельность астронома Фергани протекала в Египте в условиях развития египетской астрономической школы. Важными научными центрами, объединявшими ученых разного происхождения и разных национальностей, были Бухара при Саманидах и Хорезм при династии Мумунидов. К сожалению, выявление и характеристики таких подлинных научных школ еще мало исследуются учеными, предпочитающими более легкий путь истолкования по нисбе, указывающей на место рождения того или иного деятеля.

В настоящее время усиливается тенденция к глобализации научного пространства, но тем не менее мощные региональные его подразделения сохраняют во многом свое значение. Таково, в частности, научное

пространство значительной части Евразии, политически объединявшейся в разное время в имперской России, Советском Союзе, а сейчас входящей в политическую структуру СНГ. Научное пространство СНГ можно рассматривать как систему взаимодействия независимых научных центров, опирающихся на традиционные связи, общность предмета и объекта исследования, на научный потенциал, созданный в значительной мере в процессе творческого сотрудничества [Массон, 1999].

Формирование этого научного пространства активно разворачивалось на протяжении XIX–XX веков. Пространства образовывали государственные учреждения, прежде всего университеты. Постепенно возрастает роль научно-общественных организаций, наподобие Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Со второй половины XIX века эти два вида научных организаций, взаимопереплетающихся и взаимодействующих, распространились почти на всю страну. Таковы, например, архивные губернские комиссии, объединяющие широкую научную общественность [Рябинин, 1996]. Особенно важно массовое краеведческое и музейное движение, охватывающее буквально все уголки Российского государства и знаменовавшее частное проявление феномена конца XIX–начала XX веков, который с полным правом можно именовать «серебряным веком» русской культуры. В массовой просветительской деятельности огромную роль играла русская интеллигенция, активно действовавшая во всех основных центрах страны. В Средней Азии были, например, организованы кружки любителей археологии – Туркестанский в Ташкенте и Закаспийский в Ашхабаде, регулярно публиковавшие различного рода издания.

При подавлении краеведения как общественного явления, произошедшем в 20-х годах, на первый план стали выдвигаться меры государственного характера, когда по этой линии научные структуры создаются повсеместно, особенно в регионах, ставших союзными и автономными республиками. Эта организационная деятельность подкреплялась активной издательской работой и целевой подготовкой местных кадров в основных научных центрах страны, прежде всего в Москве и в Ленинграде. Создана была государственная структура, ставшая костяком научного пространства. Ее отрицательными чертами были чрезмерная бюрократическая централизация и политизация, которая в пору существования Советского Союза пронизывала все сферы идеологической и интеллектуальной деятельности.

С распадом Советского Союза как политической структуры этот государственный рычаг почти перестал действовать, особенно в масштабах всего СНГ. Транспортные и информационные связи прерываются, «политизация наоборот», с преувеличенным вниманием

к «своему» этносу, не способствует развитию объективной научной среды, да и развитию научных связей. Тем не менее научное пространство, созданное на протяжении почти двух веков, продолжает функционировать, в чем проявилась, в частности, функция науки как самоорганизующейся системы. При этом научным языком межгосударственного общения остался русский язык, что отнюдь не исключало развитие популярной и учебной литературы на языках новых независимых государств. Это закономерное явление для крупных регионов, образующих традиционные научные пространства. Например, в Индостане, где в настоящее время функционируют четыре самостоятельных государства – Пакистан, Индия, Бангладеш и Шри Ланка, – языком межгосударственного научного общения остается английский язык, на котором выходит большинство научных изданий.

Общие научные интересы и в СНГ ведут к сохранению и развитию научного пространства в новой политической ситуации. Так, в Молдавии с 1999 года выходит фундаментальный научный журнал «Stratum Plus», в редколлегии которого работают ученые Молдавии, России и Украины. Объективные тенденции науки как самоорганизующейся системы в ряде случаев получают государственную поддержку. В Кыргызстане по инициативе президента республики А. А. Акаева создан и шестой год успешно функционирует в Бишкеке Кыргызско-Российский (Славянский) университет. На юге республики соответственным образом создан Кыргызско-Узбекский университет. В Туркменистане президент республики С. А. Ниязов выдвинул как главную национальную задачу на ближайшие годы программу по развитию культуры и науки «Рухнаме». Функцию развития в целях содействия этой программе по линии культурных и научных связей взяли на себя общественные организации – созданное в Санкт-Петербурге Общество культурных связей с Туркменистаном и созданное в Ашхабаде Общество культурных связей Туркменистана с Россией. Определенную роль в рамках научного пространства СНГ начинает играть Российская Академия естественных наук, образованная как неполитическое негосударственное сообщество ученых. Помимо включения в число ее членов многих достойных ученых из стран СНГ РАЕН предпринимает шаги по созданию региональных центров и отделений в других государствах СНГ помимо России.

Особое значение в перспективной тематике научного пространства СНГ приобретают вопросы культурного наследия. Широкое понятие «культурное наследие» включает в себя и менталитет, определяющий нравственные нормы и стереотипы поведения, и фольклорные системы от мира образов и бродячих сюжетов до музыкального лада, и многочисленные материальные проявления. Вещественный блок культурного наследия представляет собой как бы материализованную

память народа. Важную часть этого блока составляет археологическое культурное наследие. Принципиальной особенностью археологического культурного наследия помимо доставляемых раскопками шедевров древних культур являются массовость, надъиндивидуальность, характеризующие деятельность простого народа, его повседневное бытие. Именно археология изучает эту важнейшую часть культурного наследия в его истоках и историческом развитии [Массон, 1998].

На протяжении истории в разных частях Старого и Нового Света, в частности в Евразии, формировались целые блоки культурного наследия. Эти блоки складывались в условиях культурной и экологической специфики. На протяжении истории блоки претерпевали определенные изменения, в условиях меняющейся исторической и политической ситуации формировались новые группировки. Внутри макроблоков формируются общности более мелких масштабов и временной протяженности. Таким блоком является блок славянского культурного наследия, важнейшим этапом формирования которого было расселение в Восточной и Центральной Европе славянских племен, протекавшее для восточной зоны, видимо, из двух центров с ориентацией Северо-Запада России на поморские связи. Культурная интеграция в рамках этого блока качественно усилилась в пору Древней Руси с утверждением процессов урбанизации и распространения христианства. В глубинных истоках этого блока лежит прошлое оседло-земледельческих народов, первыми освоивших новые просторы для передовых форм хозяйственной деятельности.

Важным явлением был блок культурного наследия евразийских степей. Еще в пору палеометалла здесь стал формироваться особый, степной, образ жизни, традиции которого до наших дней живы в культурном наследии монголов, казахов, башкир, хакасов, калмыков и многих других народов. Степной, а затем кочевой образ жизни и породил ряд особых черт материальной культуры, глубинные истоки которых убедительно прослеживаются по материалам археологии. Таковы тип жилища разборного и легко переносимого; специфические виды посуды, специфические как по материалу (предпочтение портативных и негромоздких кожаных и деревянных изделий), так и по формам (корытца и подносы часто на ножках, изделия шаровидной или уплощенной формы в виде ялыг). Показательны и специфические виды одежды – от мягкой бескаблучной обуви до шаровар и поясного ремня, характер которого часто носил престижно-знаковый характер. Формировались здесь и особые эстетические модели и каноны, что нашло яркое отражение, например, в неувядающих шедеврах так называемого скифо-сибирского звериного стиля.

Важным этапом в эволюции блока культурного наследия евразийских степей стала эпоха Золотой Орды, привнесшая в степную среду

традиции урбанизованного общества с ориентальными канонами, что в итоге дало яркие образцы культурного синтеза. Изучение этого феномена Золотоордынской эпохи для процессов культурогенеза в определенной мере более важно, чем выяснение политических приоритетов.

Важным компонентом евразийского наследия человечества стала культурная и поведенческая система, созданная северными народами, освоившими природные зоны повышенной дискомфортности и выработавшими здесь формы хозяйствования и образа жизни, сохраняющие непреходящее значение. Это целый блок культурного наследия, истоки формирования которого в условиях социокультурной адаптации весьма глубоки.

В разное время на территории, занимаемой сейчас республиками СНГ, формировались и трансформировались и различные иные блоки культурного наследия. Именно подобный блок, связанный с исламской урбанизацией, интегрировавшей домусульманское культурное наследие, представляет собой культура Государства Саманидов. Она является важным компонентом культурного наследия таджикского народа, так же как и узбеков и других народов Средней Азии [1100-летие, 1999].

Культурное наследие особо значимо для изучения истории народов, их происхождения и путей формирования. Следует иметь в виду, что этническое наследие отнюдь неидентично наследию лингвистическому. При определении того или иного этноса как исторического феномена огромную роль играют такие признаки, как язык и самоназвание. Вместе с тем изучение истории сложения этноса невозможно без учета всего длительного процесса развития культурного наследия, не говоря уже о самом популяционном пласте, представляющем своего рода антропологическое наследие.

Изучение и истолкование процессов развития культурного наследия, блоков культурного наследия, объединявших различные народы еще в незапамятные времена, является важной задачей научного сообщества, и именно совместные усилия различных научных центров и школ, соединенных в научное пространство СНГ, могут дать здесь особо значимые и обоснованные результаты.

ЛИТЕРАТУРА

Массон В. М., 1998. Археология и культурное наследие страны // Археологические вестн. № 5.

Массон В. М., 1999. Научное пространство СНГ границ не имеет // Санкт-Петербургская панорама. № 3.

Рябишин Е. А., 1996. Российское краеведение и российская археология // Традиции российской археологии. СПб.

1100-летие образования Государства Саманидов, 1999 // Материалы Международной конференции. СПб.

А. Е. МУСИН

**ЦЕРКОВНАЯ АРХЕОЛОГИЯ
КАК ЧАСТЬ СОВРЕМЕННОЙ
РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ**

Закономерный интерес российского общества к истории христианской культуры предъявляет к современной церковной науке определенные требования. Сегодня необходимо не только воскресить лучшие традиции богословских школ Русской Православной Церкви, используя богатейший историографический потенциал, но и активно использовать тот опыт, который накопила российская наука в отрыве от церковной жизни. Одной из наиболее перспективных отраслей христианского знания, которая может на пороге XXI века занять лидирующее место в изучении церковной культуры и истории, является церковная археология ¹.

Собственно истоки церковной археологии на Православном Востоке лежат в символических толкованиях литургии и в развитии богословия образа ². Лишь впоследствии от литургических образов археология переходит к изучению конкретных богослужебных предметов, представленных памятниками культуры. К 30-м гг. XIX в. в Русской Церкви сформировалось твердое представление о церковной археологии как о вспомогательной литургической дисциплине, называемой иначе «обрядословие», цель которой состояла в том, чтобы объяснить чин православного богослужения ³. Так сложилось первое направление в науке – богословско-литургическое.

Второе направление, которое стоит назвать историко-художественным, складывается на основе изучения древнерусской иконописи, архитектуры и прикладного искусства ⁴. Особым периодом в развитии церковной археологии явилась эпоха Археологических съездов (1869–1914), которые были особой формой организации российской археологической науки. Уже на I Съезде в Москве в 1869 г. понятие «наука христианских древностей» прочно занимает свое место в лексиконе исследователей. ⁵ Однако христианские древности не были выделены в особый отдел, а рассматривались вместе с произведениями искусств и художеств. Лишь на III Археологическом съезде в Киеве в 1874 г.

возникает «отдел церковного быта», на V Съезде в Тифлисе в 1881 г. значатся «памятники христианские», а окончательно отдел церковных древностей появляется в структуре VII Археологического съезда в Ярославле в 1887 г. Именно на этих съездах происходит синтез обоих направлений, который связан с именами профессора Московской Духовной академии А. П. Голубцова (1862–1911), профессора Казанской Духовной академии и впоследствии Новороссийского университета Н. Ф. Красносельцева (1845–1899) и заслуженного профессора Санкт-Петербургской Духовной академии, директора Императорского Археологического института Н. В. Покровского (1848–1917). При этом необходимо отметить тесное сотрудничество церковных археологов и светских исследователей христианского искусства, представленных именами Н. П. Кондакова, Д. В. Айналова, Ф. И. Буслаева и др. Однако кончина Н. В. Покровского и А. П. Голубцова в самом начале столетия и трагическое положение русской церковной науки в 20-е годы XX в. прекратили поступательное развитие церковной археологии.

Необходимо отметить не только теоретические разработки в области церковной археологии, но и практическую деятельность церковно-археологических обществ, существующих со второй половины XIX в., направленную на сохранение, изучение и собирание памятников церковной старины. При этом весьма важно, что государственные музеи трудились в этой области при помощи и поддержке епархиальных и синодальных структур.

С момента основания Русского музея имени Александра III в Петербурге в 1898 г. в составе его художественного отдела существовало Отделение христианских древностей, основу которого составили произведения, переданные из Христианского музея Академии художеств, образованного в 1856 г.⁶ Христианский музей Академии во многом формировался с помощью А. М. Горностаева и В. А. Прохорова. В 1860–1861 гг. А. Горностаев, первый хранитель музея, привез много новгородских реликвий из монастырей и древлехранилищ, в частности, деревянные резные надгробные изображения святых и резной амвон 1533 г., сложенные в свое время на полатех Софийского собора, что было сделано по благословению митрополита Новгородского Григория (Постникова). Эти резные фигуры были изъяты из церкви по указу синода от 1722 г. Впоследствии при приобретении или при получении в дар музеем предметов церковной старины основным экспертом становится профессор СПбДА Н. В. Покровский, основавший при Академии в 1879 г. церковно-археологический музей.

Современники отмечали, что Отделение христианских древностей не имело должного устройства и пополнялось во многом случайно,

предметы плохо защищены от разрушающего действия пыли, сухости, от прикосновений посетителей. Только с 1912 г. в связи с возрастанием общего интереса к русской иконописи Отделению начинает выделяться достаточное количество средств. Однако сам характер поступлений резко меняется после 1917 г.: стихийно, без всякого плана, в музей свозятся памятники из закрывающихся монастырей и церквей. Уникальные коллекции, в течение столетий собиравшиеся в ризницах монастырей и приходских храмов и представлявшие собой исключительный научный интерес, в одночасье оказались растащены и расформированы. Российские музеи пали своеобразной «жертвой» такой антикультурной и антиисторической политики советского государства, будучи вынуждены принимать конфискованное, чтобы сохранить хоть что-нибудь. В 1919 г. в Русский музей поступили иконы и утварь из Отдела охраны памятников искусства и старины, в 1922 г. и 1925 г. из музейного фонда (Зимний дворец, Александроневская лавра), особенно ценности стали стекаться после закрытия крупнейших северных монастырей в 1923 г. и позднее (Соловки, Кирилло-Белозерский монастырь, Александро-Свирский монастырь). В конце 1920-х – начале 1930-х гг. в музей поступила коллекция Н. В. Покровского из Церковно-археологического музея Санкт-Петербургской Духовной академии, пройдя перед этим целый ряд мытарств. «Красный передел» способствовал появлению принципиально важной сегодня общественной несправедливости: закон «О музеях и музейном фонде» 1996 г., узаконив «единство и неделимость» искусственно сформировавшихся после изъятия церковных ценностей музейных коллекций, «отменил» тем самым историческое единство коллекций монастырских и храмовых ризниц и вытекающую отсюда их «неделимость». Именно перераспределение культурных ценностей, столкнувшее церковную и музейную общественность, и привело к появлению расхожего мнения, что Церковь и ее духовенство и миряне не в состоянии обеспечить сохранность и изучение своего культурного наследия.

В этой связи стоит вспомнить о разумной инициативе Н. В. Покровского, основанной на реальном знании ситуации как в обществе, так и в Церкви: «Контроль над памятниками (церковными. – А. М.) должен принадлежать духовной власти, и если епархиальная власть в деле распознавания и оценки памятников не всегда оказывается на высоте положения, то нормальный исход из этого не в формальном ограничении ее прав через стороннее вторжение в сферу ее полномочий, а в усилении ее средств в деле оценки старины»⁷. Выход из создавшегося положения, требовавшего надежной защиты древностей провинциальных храмов и монастырей, он видел в увеличении числа образованных в области изучения старины лиц из числа студентов

духовных академий и просвещенного духовенства, которые могли бы проходить соответствующую практику в археологических институтах, а также в создании церковно-археологического органа Святейшего синода, который бы руководил охраной памятников церковной старины, опираясь на авторитетную духовную власть и епархиальные органы, имевшие бы исполнительный характер. В обязательном порядке епархиальный архиерей должен был состоять покровителем комитета.

Попытка создания такой архивно-археологической комиссии имела место в 1908 г., но как всегда при решении финансовых вопросов оказалась неудачной.⁸ Примечательно, что такой комитет должен был увенчать целую сеть церковно-археологических обществ и музеев, созданных в епархиях по инициативе снизу в период с 70-х гг. XIX в. по 1916 г. и которых ко времени революции существовало уже 60⁹. Примечательно, что созданные церковно-археологические общества и музеи проходили свое становление как органы охраны памятников церковной старины параллельно с формированием системы охраны памятников во главе с созданной в 1854 г. Императорской Археологической комиссией. Эти две структуры не подменяли друг друга, действуя рука об руку и привлекая специалистов из соседствующих учреждений. Такая практика не означала, что конфликтов в области сохранения памятников церковной старины не было. Однако они преодолевались в духе поиска согласия на основе доброй воли и не служили поводом для огульной критики Православной Церкви как организации, не способной сохранить свое достояние.

Несмотря на тяжелое положение российской Церкви и культуры в 1917–1918 гг., Поместный Собор Русской Церкви уделил серьезное внимание вопросам развития церковной археологии и охраны памятников церковной старины. Здесь Соборные Деяния закрепили ту практику церковной археологии, которая сложилась к началу все-русского кризиса. Однако церковные определения придали этой практике характер обязательности, в отличие от той частной инициативы, которая была успешна постольку, поскольку она поддерживалась местным архиереем в силу его личного интереса к древности. Определение Собора от 8 декабря 1917 г. «О круге дел, подлежащих ведению органов Высшего Церковного управления» к вопросам Высшего Церковного Совета относилось «...учреждение церковно-археологических обществ, комитетов, древлехранилищ и утверждение их уставов, попечение об охране памятников церковной старины и развитии церковного искусства»¹⁰. К совместному ведению соединенного присутствия Священного синода и Высшего Церковного Совета относилось «...наблюдение за строго православным и художественным

направлением (каноническим и эстетическим. – А. М.) церковного искусства, зодчества, иконописи, пения и прикладных искусств»¹¹. Предполагалось создание Патриаршей Палаты церковного искусства и древностей. Этому предшествовал концептуальный доклад В. М. Васнецова «О русской иконописи», зачитанный на прениях по ЛII Деянию Собора (25.11.1917 г.)¹². В докладе содержится сравнительный и беспристрастный анализ церковного и светского участия в охране памятников церковной старины. Главную причину разрушения памятников В. Васнецов видит в отсутствии научной и культурной просвещенности, низкой исполнительской дисциплине и халатности чиновников, а также в искусственности реставрационных и исторических концепций, которые владеют архитекторами. Ответственность за это несет как церковная, так и светская сторона, поэтому взаимные упреки и недоверие не могут привести к счастливому для памятников исходу: «До сих пор мы слышали упреки церковному управлению в небрежении о сохранении памятников церковного искусства... большей частью справедливые... Главные причины этого небрежения – отсутствие необходимых сведений... и нерадение. Но все подобные упреки можно отнести и к светскому государственному управлению, так же плохо оберегавшему памятники художественные... Само просвещенное общество, так ретиво обличавшее и обличающее наше духовенство, только в сравнительно недавнее время обратило серьезное внимание на эту область: пока у него самого... не все обстоит благополучно. Просвещенное общество отнюдь не безгрешно в разрушении художественных памятников, в расхищении церковной художественной древности... На душе архитекторов так же лежит... много грехов по этой части, и разрушение храмов древних, и замена их новыми, по их мнению, лучшими... и неосмотрительная варварская реставрация...» Далее В. Васнецов продолжает: «Но при этом необходимо установить, что право Церкви на ее художественное достояние неотъемлемо и непререкаемо: оно веками ею созидалось и ее нуждами взывалось к бытию. Государство по своему прямому назначению обязано... всеми силами и средствами помогать Церкви оберегать ее художественные сокровища, как народное имущество...»¹³. В. Васнецов выразил надежду, что Патриаршее правление с соответствующими учреждениями, прежде всего существующая в проекте «Патриаршая Палата церковного искусства и древностей» «примет целесообразные меры к сбережению своих и национальных сокровищ»¹⁴. Как мы видим, все современные вопросы взаимоотношения культуры и музея поднимались еще в 1917 г., и Церковь давала на них вполне вразумительные и реально исполнимые ответы.

Определение об Епархиальном управлении (14, 20 и 22 февраля 1918 г.) 13-м пунктом постановляет в обязательном порядке, что «в каждой епархии (выделено нами. – А. М.) действуют на основании особых уставов епархиальные церковно-археологические, церковно-исторические... общества и существуют епархиальные древлехранилища».¹⁵ Сами же общества должны открываться епархиальным собранием с согласия епархиального архиерея с содержанием или вспомоществованием из епархиальных источников¹⁶. Следовательно, были не только оговорены порядок и обязательность деятельности обществ, но и источники их финансирования. В благочиннических округах наблюдение за ремонтом и постройкой церквей возлагалось на благочинного с тем примечанием, что «ремонт древних храмов и поновление икон и иконостасов, ценных в археологическом отношении, производится только с разрешения епархиального архиерея»¹⁷.

Октябрьский переворот разрушил уже практически отлаженную систему церковно-археологической охраны памятников, лишил Церковь необходимых специалистов и материальных средств обеспечения их работ, а самое главное – лишил Церковь ее сакральной собственности и соответственно ответственности за эту собственность. И практика, и теория церковной археологии оказались изгнанными из общественной жизни. Но с исчезновением церковной археологии из официального реестра отечественной науки отнюдь не прекратилась разработка ее проблематики. Даже в условиях государственного атеизма вопросы церковной культуры занимали важное место в изучении русских древностей. В основном это касалось архитектурной археологии, вопросов прикладного искусства и иконописи. Впервые вновь термин «церковная археология» прозвучал в 1989 г. (А. В. Чернецов)¹⁸. Однако в связи с увеличением количества полевых археологических исследований в России у церковной археологии появилась уникальная возможность исследовать структуры повседневности средневекового христианского общества, его быт и культуру на основе массового археологического материала. На основе археологического материала осуществляется ряд попыток реконструировать по вещественным древностям церковно-исторические и духовные процессы, происходившие на Руси под влиянием христианства, отдельные эпизоды из истории Русской Церкви¹⁹. Весьма активно привлекаются для реконструкции церковно-исторических процессов материалы раскопок погребальных памятников Древней Руси²⁰. Ряд работ посвящен археологии древнерусского монастыря²¹.

Однако, несмотря на имеющееся возрождение церковно-археологической проблематики в современной исторической науке,

существует целый ряд сложностей, связанных с уже знакомой нам проблемой синтеза направлений. Зачастую исследование церковной культуры по археологическим материалам происходит в отрыве от событийной церковной истории, письменной традиции и предания, которые в совокупности обеспечивают понимание существенных характеристик христианской культуры. Отказ от рассмотрения археологических памятников Церкви в свете христианского учения и традиции зачастую приводил талантливых ученых к неверным выводам и интерпретациям. Однако за последнее время в этой области наметился ряд положительных сдвигов: отечественная наука активно пытается использовать церковную традицию для более глубокого постижения культуры христианского средневековья.

Несколько сложнее обстоит дело в церковной науке, которая обладая, по сути дела, уникальным опытом понимания памятников церковной жизни, тем не менее отстает от светских исследований как по количеству, так и по качеству. В канун 2000-летия Рождества Христова такая ситуация не может являться терпимой. Главной причиной современного кризиса церковно-археологических исследований является некоторая дистанцированность от активных сил светской науки, настороженное, а иногда и просто пренебрежительное отношение к ее достижениям, а также отсутствие самостоятельных источниковедческих разработок. Возрождение церковной археологии в Русской Церкви возможно через преодоление этих негативных моментов, хотя на самом деле речь идет не о возрождении старого направления, а о конституировании нового. Современной церковной науке не только необходимо восстановить старый дореволюционный академический потенциал, но и расширить источниковую базу при изучении христианских древностей за счет массового археологического материала. Необходимо также встать в определенные отношения к европейской христианской археологии, активно используя ее источниковый и методический потенциал, однако не отождествляясь с ней полностью по целому ряду причин.

Как мы видели выше, в целом задачи, связанные с созданием новой церковной археологии в Русской Церкви, в значительной степени совпадают с теми, что стоят перед исследователями академических учреждений в изучении христианской культуры средневековья. В этом смысле местом постоянной встречи двух школ и местом желательного синтеза двух школ могли бы, как в прошлом веке Археологические съезды, стать Всероссийские церковно-археологические конференции. Первая Всероссийская конференция «Церковная археология» была созвана Институтом истории материальной культуры РАН (СПб.), Псковским государственным музеем-заповедником,

Псковским обществом Св. Ольги Российской при поддержке Администрации Псковской области и участии представителей православного духовенства и состоялась в Пскове 20–24 ноября 1995 г.²² Ее инициаторами были светские ученые-археологи и музейные работники, которые первыми поняли необходимость комплексного подхода к средневековой культуре на основе изучения христианской традиции. Резолюция конференции констатировала, что к середине 1990-х годов церковная археология России восстанавливает свои права в качестве одного из оформившихся направлений отечественной археологической науки, в задачу которого входит *изучение вещественных древностей в контексте Священного Предания и церковной традиции историко-археологическими методами общей археологии с целью более полного разрешения проблем истории Церкви и христианской культуры*. В области изучения и сохранения памятников отечественной истории и культуры церковная археология должна способствовать плодотворному диалогу светской культуры с Русской Православной Церковью, улучшению взаимопонимания в деле сохранения и использования церковных древностей. Практическим приложением к церковной археологии могла бы стать выработка научно обоснованных и канонически приемлемых рекомендаций по обращению с культурным наследием Русской Православной Церкви, создание совместных экспертных советов с участием деятелей науки и культуры и православного духовенства. Для своего дальнейшего развития церковная археология России требует регулярного созыва конференций, публикации тематических изданий, проведения специализированных выставок, что в целом будет способствовать восстановлению традиций отечественной археологической науки и укреплению ее авторитета.

Вторая Всероссийская церковно-археологическая конференция прошла с 1 по 3 ноября 1998 г. в Санкт-Петербургской Духовной академии и была посвящена 150-летию профессора Н. В. Покровского. По сравнению с предшествующей конференцией состав ее учредителей, как и спектр участников, стал более широким. В состав Оргкомитета вошли от Московского Патриархата Санкт-Петербургская Духовная академия и Московская Духовная академия, от Российской Академии наук Институт истории материальной культуры и Институт археологии, от Министерства культуры Российской Федерации Государственный Эрмитаж, Государственный Русский музей, Российский Этнографический музей, Государственный музей истории религии, Государственный институт искусствознания, Государственная Третьяковская галерея и Государственный Исторический музей.

В резолюции конференции в качестве одного из главных моментов было рекомендовано поддержать предложение игумена Александра

(Федорова, Санкт-Петербургская Духовная академия) об организации при Московской Патриархии и при епархиях РПЦ сети научно-исследовательских, архитектурно-художественных отделов и церковно-археологических музеев при усилении потенциала духовных академий и с обязательным продолжением взаимодействия со светскими профессиональными структурами. По сути дела, реализация такого предложения явилась бы исполнением воли Поместного Собора Русской Церкви 1917–1918 гг.

Участники конференции однозначно высказались за продолжение практики подобных церковно-археологических встреч. Также были намечены направления работы следующих форумов, где предполагается усилить развитие источниковедческого аспекта церковно-археологических исследований и разработку историографического наследия, обсудить объем и содержание понятия «церковная археология», провести научно-практическую конференцию «Православная святыня как памятник культуры», где обсудить вопросы сегодняшнего состояния взаимоотношения Церкви и музеев в деле сохранения и использования памятников церковной древности, семинар, посвященный Тихвинской иконе Божией Матери. Необходимо в будущем обсудить этические аспекты археологических исследований, связанных прежде всего с раскопками погребальных памятников и эксгумацией погребений, а также антропологическими исследованиями. Участники отмечали радушное гостеприимство и высокий уровень организации мероприятия, который оказался возможным благодаря четкой работе всех служб Академии и штаба конференции, составленного из студентов и воспитанников духовных школ.

Такое направление дел в среде научной и музейной общественности, естественно, дополняется заботой Священноначалия Русской Православной Церкви о стабилизации общественной ситуации и охране памятников церковной культуры. В своих письмах государственным деятелям Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II постоянно подчеркивал, что Церковь не требует, чтобы музейные храмы прекратили выполнение своих культурных функций, не требует «выбросить на улицу» музейных работников и одномоментно решить все вопросы. Церковь лишь желает, чтобы для всех была ясна перспектива и цель движения по возвращению Церкви ее нормального статуса²³. В докладе на Архиерейском соборе 31 марта 1992 года Святейший Патриарх говорил следующее: «Происходит недостойное обыгрывание имущественного вопроса. Справедливое стремление РПЦ к возвращению отобранных у нее в послереволюционный период храмов и другого недвижимого имущества, с тем чтобы они вновь могли служить по своему прямому назначению,

объявляется «неоправданной претензией», и наша Церковь называется “феодалом”, стремящимся к обогащению! Искусственно углубляется конфликт, создаваемый между некоторыми музеями и Церковью. Речь идет о тех музеях, которые до сих пор владеют храмами и монастырями, имеющими в истории Церкви и ее спасительной миссии особое духовное значение, и всячески тормозят их возвращение Церкви, несмотря на наши постоянные предложения о последующем сотрудничестве с музеями по сохранению и использованию этих выдающихся сооружений»²⁴.

29 ноября 1994 года на очередном Архиерейском соборе Святейший Патриарх отнес к числу проблем, требующих улучшения церковно-государственных отношений, и вопрос о возвращении Церкви несправедливо изъятых у верующих после 1917 года святынь, храмовых зданий и иного имущества²⁵. Архиерейский собор 1997 года также уделил внимание проблеме возвращения культурных ценностей Церкви. Однако примечательно, что Святейший Патриарх сделал акцент на сохранение и учет тех святынь, которые уже находятся в ведении РПЦ, что позволит улучшить сохранность церковных святынь и ценностей²⁶.

Неоднократно Его Святейшество уделял внимание охране церковных святынь и взаимоотношению с культурой и на Московских епархиальных собраниях. 11 декабря 1992 года он, в частности, сказал, что, несмотря на то что практически все московские храмы стоят на балансе Управления по охране памятников, со стороны этих органов поступают претензии на действия некоторых приходских общин, не желающих согласовывать с ними проектные работы по реставрации храма, а также допускающих самовольную перепланировку исторических памятников и записывание частично сохранившейся живописи, которую следует восстановить. По существующим законам Управление обязано контролировать состояние памятников и в случае нарушения вправе налагать штрафы, что при нынешних финансовых трудностях весьма нежелательно. После возвращения ряда архитектурных памятников и некоторых музейных церковных ценностей возникла необходимость создания Церковного отдела по архитектуре и церковному наследию, который и будет создан в ближайшее время при Московской Патриархии. Верующие архитекторы и искусствоведы, проработавшие в музеях много лет, смогут быть не только руководящими работниками отдела, но и консультантами и посредниками при возникновении конфликтных ситуаций. Далее Святейший Патриарх обратился к теме существования определенных сил, которые хотят посорить Церковь и культуру: «Мы должны показать, что способны реставрировать и содержать храмы и другие

ценности на должном уровне, но показать так, чтобы не усилить возникающего противостояния между Церковью и работниками культуры, чтобы не спровоцировать издание нового закона, который поставит Церковь в более трудное положение. Противостояния между Церковью и культурой быть не должно и нагнетание этого – очередная надуманная акция, направленная против Церкви»²⁷. Тема отсутствия церковной культуры, меры и вкуса в вопросах реставрации московских храмов, вызывающих негативное влияние на внутренний духовный мир верующих и нарекания специалистов Управления по охране памятников, прозвучала на епархиальном собрании в 1996 году²⁸.

Определенные предпосылки к созданию благоприятной атмосферы в области решения современных церковно-археологических проблем внутри Церкви видятся в ныне действующем Уставе об управлении Русской Православной Церковью, принятом 8 июня 1988 года на Поместном соборе РПЦ. Священный синод в случае необходимости может создавать комиссии или иные рабочие органы для содействия в попечении о должном направлении церковного зодчества, иконописи и прикладных искусств, а также о церковных памятниках и древностях, находящихся в ведении РПЦ. Епархиальный архиерей в пределах своей епархии имеет попечение о состоянии иконописи и прикладных церковных искусств, а также дает благословение на постройку и ремонт храмов и заботится, чтобы их внешний вид и внутреннее убранство соответствовали православной церковной традиции. Принципиально важно примечание к этому пункту, гласящее: «Ремонт древних храмов и поновление икон и иконостасов, имеющих культурно-историческую ценность, производится в установленном законом порядке при особой заботе и ответственности об этом правящего архиерея». В этой связи рассмотрение планов на ремонт и реставрацию храмов, а также ведение описи храмов и имущества, находящегося в церковном ведении, входит в обязанности Епархиального Совета. На уровне прихода настоятель обеспечивает наблюдения за состоянием храма и его убранством, а приходское собрание несет общую ответственность за сохранность полученного от государства имущества. Относительно приходского духовенства указано, что оно должно иметь достаточную богословскую подготовку, в понятие которой входит и соответствующий комплекс знаний по церковному искусству и архитектуре.

Однако необходимо отметить, что в области чистой науки, представленной церковной археологией, дела обстоят значительно лучше, чем в области охраны и реставрации памятников церковной старины, особенно на фоне неухаживаемых конфликтов между Церковью

и музеями. Святейший Патриарх неоднократно высказывался по поводу искусственности такого конфликта, в чем заинтересованы определенные круги российского общества. В конечном итоге речь идет не о конфликте Церкви и культуры, а о противостоянии отдельных музейщиков и священнослужителей, которые рассматривают то, что им вручено Русской Церковью или Российским государством, как свою собственность. Конфликты в большинстве случаев проистекают от неинтеллигентности и нетерпимости обеих сторон.

Учитывая, что современные учреждения культуры, и прежде всего музеи, выполняют не только функции хранения, изучения и экспонирования памятников культуры, но прежде всего функцию коммуникации с прошлым, стоит попытаться наметить возможные направления сотрудничества различных культурных сил России в деле сбережения христианских древностей. Стоит предусмотреть иной подход к сохранению памятников церковной культуры, который можно охарактеризовать как функционально-литургический. На наш взгляд, это единственная возможность для исследователя правильно понять значение памятника в истории и предоставить такую же возможность массовому посетителю музея. Для этого необходимо выработать особую методику, которая должна быть, с одной стороны, канонически приемлемой, а с другой стороны, научно обоснованной. Подход предусматривает взаимную эволюцию установок как представителей музейного дела в лице исследователей и чиновников, так и церковной среды в лице клира и прихода.

Компромисс и достижение гражданского согласия в данном случае возможны при условии соблюдения ряда требований в отношении храмового пространства и церковных древлехранилищ. Это предполагает: 1) верховную собственность Церкви на передаваемые ей во владение или пользование памятники культуры и приоритет в использовании и изучении памятников церковной старины вообще, 2) церковные гарантии сохранности и доступности осмотра и исследования этих памятников, подкрепленные созданием реальных условий для этого, 3) формирование в Церкви с помощью учреждений культуры собственного штата музейных и научных работников, обеспечивающих охрану, консервацию и реставрацию памятников церковной культуры, 4) создание в РПЦ Синодального отдела по наблюдению за памятниками культуры, переданными Церкви в пользование или в собственность, требования которого должны быть обязательны для епархиальных архиереев, приходских и монастырских настоятелей, 5) функционирование института совместных с Министерством культуры РФ проверок состояния памятников, 6) признание исторических храмовых интерьеров, ансамблей и комплексов

церковных ризниц музейными коллекциями, равноценными с другими собраниями и составляющими часть музейного фонда, которые также являются неотчуждаемыми и неделимыми. В данном случае речь идет не о возвращении всех памятников церковной культуры или же об их безусловном внедрении в ежедневное приходское богослужение. Функциональное использование памятников христианской древности в современной культуре предусматривает возвращение этих памятников в церковный, пусть и не первоначальный, контекст, а также всестороннее участие РПЦ в их сбережении, сохранении и изучении. Одним из условий такого возвращения должно стать создание особого богослужебного режима храмов-памятников, где определяющую роль должна сыграть древнерусская литургическая практика, не знавшая повсеместной вседневной службы²⁹. Очевидно, что принцип функционального сохранения христианских древностей в системе современной культуры усложнит методику консервации и охраны памятника, что потребует дополнительных материальных затрат, которые, однако, несоизмеримы с ожидаемыми результатами.

Пока все эти благие пожелания ждут своей реализации, стоит наметить ряд мер прикладного характера первоочередной значимости. Передаваемые Церкви для богослужебного использования храмы-памятники культуры должны быть предметом пристальной заботы со стороны епархиального архиерея. Назначение настоятеля и причта в такие храмы должно производиться епархиальным архиереем по согласованию с местными органами надзора за памятниками культуры и дирекцией музеев. Желательно, чтобы настоятель в таком храме имел специальное образование и просто был морально и интеллектуально подготовлен к служению в таком месте. Однако, на наш взгляд, и назначение руководства музеев, где представлены памятники истории и культуры, связанные с церковным бытом, должно производиться местными и федеральными органами власти при консультациях с епархиальным начальством. Те музеи, которые имеют у себя на хранении памятники церковной старины, должны иметь у себя в качестве консультанта или постоянного сотрудника кого-либо из местного духовенства для соблюдения канонических требований в обращении с литургическими предметами.

Внутри Церкви необходимо преодолеть недостаточный уровень искусствоведческой и археологической подготовки священнослужителей в духовных школах РПЦ. Еще Ф. И. Буслаев на Первом Археологическом съезде в 1869 году говорил о желательности введения преподавания церковной археологии в духовных семинариях. Вместе с тем специфическая потребность специальных научных

знаний в области музееведения, архитектуры, искусствоведения, практики и теории охраны и реставрации памятников для настоятелей и приходского духовенства, особенно совершающего свое служение в храмах, являющихся памятниками культуры или имеющих таковые среди предметов литургического обихода, назрела. Понимание духовенством специфических задач, связанных с методикой сохранения памятников культуры и истории, приведет к угасанию конфликта с музеем и будет способствовать реальному сохранению памятников церковной старины.

В этой связи представляется целесообразным, что специальную церковно-археологическую подготовку должно получать не только служащее в храмах духовенство, но и научные работники и сотрудники музейного ведомства. Подобный курс должен предусматривать не только обзор истории церковного искусства, но и базовые знания в области догматики, практической и исторической литургики, канонического права в его историческом и современном аспектах. Эти знания могут способствовать не только личному научному росту исследователя, но и снятию взаимной подозрительности между представителями Церкви и учреждений культуры. В любом случае современная практика охранения культурного наследия в области христианских древностей должна быть канонически приемлема для Церкви и научно обоснована культурным сообществом.

Святейший Патриарх Алексий II в своем Послании к участникам II Всероссийской церковно-археологической конференции отметил, что сотрудничество светских и церковных сил является единственно возможным в сегодняшней России в области изучения и сохранения христианской культуры. Этот путь осуществим лишь при искреннем сотрудничестве на путях взаимной свободы, в основе которого лежит всецелое стремление к исторической истине, которое требуется от христианина Евангельской заповедью, а от исследователя его научной совестью. Мир между Церковью, наукой и культурой создается отнюдь не взаимными компромиссами, которые мало кого удовлетворяют, а уважением ценностей каждой из сторон. В результате этого должно произойти сближение исследовательских и охранных установок Церкви и музейного ведомства, когда для одной из сторон станут понятны и доступны канонические и литургические требования хранения и обращения с православной святыней, а другая сторона признает необходимость выполнения современных требований научной охраны и реставрации. Продолжение практики подобных конференций под патронажем Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II будет не только способствовать углубленному изучению истории христианской церкви и ее культуры, но и в

будущем позволит перейти, вследствие сближения подходов к изучению и сбережению культурного наследия, к практическому сотрудничеству между Церковью и светской наукой в области охраны и использования православных святынь и памятников церковной культуры. Таким образом церковная археология снова займет свое достойное место в современной культуре российского общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Петровский А.* Археология церковная // Православная Богословская Энциклопедия. Т. II. СПб., 1901. С. 17–23; *Мусин А. Е.* К вопросу о перспективах изучения русской церковной культуры в российской археологии // Археологические вести. СПб., 1993. № 2. С. 145–156; *диакоп А. Мусин.* Проблемы возрождения церковной археологии в России: предмет, метод, цель // Церковная археология. Материалы Первой Всероссийской конференции. Псков, 20–24 ноября 1995 года. Часть 1. Распространение христианства в Восточной Европе. СПб.; Псков, 1995. С. 13–17.

² Писания Святых Отцов и учителей Церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения. СПб., 1855; *Красносельцев Н. Ф.* О древних литургических толкованиях // Летопись историко-филологического общества при Новороссийском университете. Т. IV. Византийское отделение. Вып. II. Одесса, 1894. С. 207–210; *Успенский Л. А.* Богословие иконы Православной Церкви. Париж, 1989.

³ Церковная археология в вопросах и оглавлениях по книге, именуемой «Новая скрижаль», для употребления в духовных семинариях. СПб., 1839. С. 1.

⁴ *Лазарев В. Н.* Академик Н. П. Кондаков. М., 1925; *Кызласова И. Л.* История изучения византийского и древнерусского искусства в России. М., 1985; *Вздорнов Г. И.* История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX век. М., 1986; *Лебедев Г. С.* История отечественной археологии. СПб., 1992.

⁵ Труды I Археологического съезда в Москве в 1869 году. Т. I. М., 1878. С. 75–82.

⁶ *Сычев Н. П.* Древлехранилище памятников русской иконописи и церковной старины // Избранные труды. М., 1976. С. 141–143; *Вздорнов Г. И.* История открытия и изучения русской средневековой иконописи. XIX век. М., 1986. С. 116–119; Обзорные Отделения христианских древностей в Музее императора Александра III. СПб., 1902.

⁷ *Покровский Н. В.* О мерах к сохранению памятников церковной старины // Христианское чтение. Т. ССХХI. СПб., 1906. С. 493–494.

⁸ *Здравомыслов К. Я.* Сведения о консисторских архивах и церковно-археологических учреждениях в епархиях с проектом «Правил Архивно-археологической комиссии при Св. Синоде» и «Положения о церковно-археологических комитетах». СПб., 1908.

⁹ *Заднепровская Т. Н.* Церковно-археологические учреждения и их роль в охране и изучении памятников церковной старины в России // Церковная археология. Материалы Первой Всероссийской конференции, Псков, 20–24 ноября 1995 г. Ч. 3. Памятники церковной археологии России. СПб.; Псков, 1995. С. 37–40.

¹⁰ Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Вып. 1–4. М., 1994. С. 14, пагинация I.

¹¹ Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Вып. 1–4. М., 1994. С. 16, пагинация I.

¹² Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 5. Деяния LII–LXV. С. 39–56.

¹³ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 5. Деяния LII–LXV. С. 47–48.

¹⁴ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 5. Деяния LI–LXV. С. 50, 52.

¹⁵ Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Вып. 1–4. М., 1994. С. 18, пагинация I.

¹⁶ Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Вып. 1–4. М., 1994. С. 2, пагинация I.

¹⁷ Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Вып. 1–4. М., 1994. С. 32, пагинация I.

¹⁸ Чернецов А. В. К изучению эволюции архиерейского посоха и его символики // Советская археология. № 3. 1991. С. 35.

¹⁹ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987; Макаров Н. А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках. М., 1997; Мусин А. Е. 1165 год. Архиепископ Илья-Иоанн и комплекс церковных древностей с Федоровского раскопа // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 10. Новгород; 1996. С. 147–158; Мусин А. Е. Христианские древности средневековой Руси IX–XIII вв. (по материалам погребальных памятников на территории Новгородской земли). Автореферат кандидатской диссертации. СПб., 1997.

²⁰ Макаров Н. А. К интерпретации находок предметов христианского культа в древнерусских могильниках / По материалам Белозерья и Каргополья // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. 1983. С. 101–103; Мусин А. Е. Погребальный обряд Древней Руси как археологическая и литургическая проблема // Сих же память пребывает во веки. Мемориальный аспект в культуре русского православия. Материалы научной конференции 29–30 ноября 1997 г. СПб., 1997. С. 11–38.

²¹ Беляев Л. А. Древние монастыри Москвы по данным археологии. М., 1994; Мусин А. Е. Погребальный обряд древнерусского монастыря (студийский устав, письменные памятники, данные археологии) // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. СПб.; Псков, 1997.

²² Беляев Л. А., Чернецов А. В. Первая Всероссийская конференция «Церковная археология» (Псков, 1995) // Российская археология. 1998. № 2. С. 252–253; Мусин А. Е., Белецкий С. В., Грушина Л. Е. Первая Всероссийская конференция «Церковная археология» (Псков, 20–24 ноября 1995 г.) // Новые археологические открытия и изучение культурной трансформации. Материалы Пленума ИИМК РАН 14–17 мая 1996 г. СПб., 1996. С. 109–113.

²³ Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси. Церковь и духовное возрождение России. Слова, речи, послания, обращения. 1990–1998. М., 1999. С. 702.

²⁴ Слово на открытии Архиерейского собора РПЦ 31 марта 1992 г. (ЖМП, 1992, № 6) // Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси. Церковь и духовное возрождение России. Слова, речи, послания, обращения. 1990–1998. М., 1999. С. 46.

²⁵ Из доклада на Архиерейском соборе РПЦ 29 ноября 1994 г. // Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси. Церковь и духовное возрождение России. Слова, речи, послания, обращения. 1990–1998. М., 1999. С. 52.

²⁶ Из доклада на Архиерейском соборе РПЦ 18 февраля 1997 г. // Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси. Церковь и духовное возрождение России. Слова, речи, послания, обращения. 1990–1998. М., 1999. С. 79.

²⁷ Из выступления на Епархиальном собрании Москвы 11 декабря 1992 г. // Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси. Церковь и духовное возрождение России. Слова, речи, послания, обращения. 1990–1998. М., 1999. С. 346.

²⁸ Из выступления на Епархиальном собрании Москвы 12 декабря 1996 г. // Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси. Церковь и духовное возрождение России. Слова, речи, послания, обращения. 1990–1998. М., 1999. С. 406.

²⁹ Яши В. Л. Семисоборная роспись Великого Новгорода // Средневековая Русь. М., 1976.

**ДРЕВНЕРУССКИЙ ГОРОД
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ**

В трудах выдающегося российского историка В. О. Ключевского воплотились лучшие достижения отечественной исторической мысли последней четверти XIX–XX вв. «Ключевский, – как заметил в свое время М. Н. Покровский, – наложил отпечаток на всю новейшую историографию, вы везде встретите осколки этого влияния. Имея ключ к шифру Ключевского, вы имеете ключ ко всей русской историографии...»¹. В. О. Ключевский, писала М. В. Нечкина, автор наиболее крупной монографии об историке, «...дал русской науке одну из самых ярких концепций исторического прошлого страны – противоречивую, недосказанную, но полную проблем»². В ее рамках историк создал целостную картину становления древнерусского города³. Как отмечали некоторые исследователи, город в построениях В. О. Ключевского приобрел «системосозидающее значение»⁴. Историк тесно увязал возникновение первых городов с процессом славянского расселения (колонизации новых территорий Восточной Европы), рассматривал их генезис как генезис экономических центров (торговых средоточий), а движущей силой в этом признавал внешнюю торговлю, прежде всего восточную. Древнейшие большие города на Руси, по мнению В. О. Ключевского, возникли в VIII в. Их географическое размещение показывает, что «...они были созданием того торгового движения, которое с VIII в. пошло среди восточных славян по речной линии Днепра–Волхова на юг и по ее ветвям на восток, к черноморским, азовским и каспийским рынкам. Большинство из них (Ладога, Новгород, Смоленск, Любеч, Киев) вытянулось цепью по этой линии, образовавшей операционный базис русской промышленности...». Эти города возникли как сборные места торговли, пункты склада и отправления русского вывоза, они были посредниками между городскими округами и приморскими рынками. В IX в. города окружаются укреплениями, в них сосредоточивается военная сила общества, одна из основных целей которой была охрана

торговых путей, сплачиваются тяготеющие к городам территории. «Вооруженный торговый город, – полагал В. О. Ключевский, – стал узлом первой крупной политической формы, завязавшейся среди восточных славян на новых местах жительства»⁵. В одно время с превращением уже существующих городов в политические центры, а прилегающих к ним областей в государственные территории на торговых путях появились норманны. Их присутствие начинает ощущаться в первой половине IX в., а в дальнейшем приток заморских выходцев усиливается. Норманны активно включились в процесс сложения новых правящих социальных групп Руси, которые В. О. Ключевский называл «военно-торговой аристократией». Местами пришлый элемент в составе правящего класса преобладал, и город с тянущейся к нему областью получал характер варяжского владения.

Нельзя не признать за построениями В. О. Ключевского четкости и последовательности. Нельзя не увидеть, что городу в ранней русской истории отведено им особое и ключевое место. Историк ясно обозначил, в чем он видит основную «пружину» исторического развития, определявшую целый ряд иных факторов. Однако, как весьма точно заметил А. Е. Пресняков, сделав ряд критических оценок взглядов В. О. Ключевского, последний предложил «только схему». А. Е. Пресняков даже полагал, что историк «...очевидно, и сам придавал своему построению значение не исторической, а логической схемы», не пытаясь согласовать свои заключения с целым рядом конкретных исторических фактов, противоречащих ей и порой весьма серьезных⁶. Тем не менее появление сформулированных взглядов В. О. Ключевского на историю города, получивших в литературе определение «торговой теории», – момент этапный в развитии русской историографии происхождения городов.

В советский период построения В. О. Ключевского подверглись суровой и жесткой критике. Его упрекали в недооценке экономического развития Древней Руси, прежде всего развития земледелия и ремесла, и придании чрезмерной и всеопределяющей роли внешней торговле, что способствовало преувеличению роли норманнов в русской истории. Критически упомянуть взгляды В. О. Ключевского стало едва ли не правилом хорошего тона в соответствующей специальной литературе по истории Древней Руси, не говоря уже о различного рода учебных пособиях. Иной оказалась судьба построений В. О. Ключевского в трудах западных исследователей Древней Руси и русских историков-эмигрантов. В их лице выводы В. О. Ключевского нашли многочисленных и последовательных сторонников. Это произошло, как писал М. Карпович в 1943 г., «...в значительной

степени благодаря экономической интерпретации, благодаря подчеркиванию важности торговли и городских центров для Киевской Руси, благодаря указанию на важность колонизации для более позднего времени...»⁷ (библиографию вопроса об изучении Древней Руси в западной историографии и критику построений В. О. Ключевского см. в работах В. П. Шушарина и А. Л. Хороскевич)⁸.

В советской историографии возобладали иные взгляды. Активное внедрение в историческую науку с конца 1920-х годов идей марксизма предполагало примат социально-экономической обусловленности всей эволюции общественных структур, а формационность и классовая борьба превратились во всеопределяющие и всеобуславливающие понятия. Утвердилась мысль о монистическом пути происхождения городов на всей территории Руси как феодальных центров, возникавших в наиболее густонаселенных сельских районах и обязанных своим рождением сельским округам, где появлялась необходимость выполнять «для этих округов» определенные центральные и распределяющие функции. Лишь со временем возростала ремесленная и торговая роль подобных центров. Вполне естественно, при таких построениях не оставалось места дальней торговле, прохождению военно-торговых путей как решающему фактору возникновения ряда городов, иноземным влияниям (варягов, в частности), или же признавалось минимальное и вторичное значение этих факторов. У истоков данной концепции становления Древнерусского государства и его городов стояли С. В. Юшков, Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров и другие крупные историки, и именно она была признана в советской науке единственно соответствующей теории марксизма, что неоднократно подчеркивалось особенно при критике работ западных исследователей. Именно подобные построения, при их некотором отличии между собой, и сейчас господствуют в отечественной историографии, как и в историографии Украины и Белоруссии⁹.

Тема влияния наследия В. О. Ключевского на развитие русской исторической и общественной мысли огромна и неисчерпаема. Ее историография насчитывает сотни серьезных исследований¹⁰. В то же время актуальность концептуальных взглядов В. О. Ключевского на историю России достаточно убедительно подтверждается уже самим фактом многократных современных переизданий его трудов и работ историков близких ему либеральных взглядов. Я, естественно, не могу в своей заметке касаться всей проблемы оценки наследия В. О. Ключевского в целом, а лишь хочу обратить внимание на один из аспектов его исторических построений, связанный с пониманием природы древнейших русских городов. Это позволяют сделать материалы современной археологии.

При разработке своей общей концепции истории Древней Руси В. О. Ключевский опирался на данные письменных источников. «Цеховая университетская наука, – как справедливо отметил М. И. Артамонов, – недоверчиво относилась к возможности расширения круга исторических источников путем привлечения вещественных остатков прошлого, так как археология, оставаясь сферой деятельности дилетантов, еще находилась на стадии первоначального накопления материала и не могла внести реального вклада в конкретную историю русского народа»¹¹.

Коренной поворот к использованию данных археологии для исторических заключений, прежде всего для оценки хозяйственной деятельности в Древней Руси, произошел лишь в 1930-е гг. и связан в первую очередь с именем Б. Д. Грекова.

Полноценные раскопки древнерусских городов во времена В. О. Ключевского вообще не проводились. Однако, начиная с 1930-х гг., особенно в послевоенное время, широкие исследования затронули многие древнейшие города Руси, поселения и погребальные памятники их округ. Трактовка накапливаемых археологических материалов шла в русле в первую очередь построений М. Н. Тихомирова в его выдержавшей два издания и переведенной на английский язык книге «Древнерусские города», где первопричиной возникновения городов называлось земледелие и формирование густонаселенных сельскохозяйственных районов¹². Это прекрасно видно при объяснении В. И. Равдоникасом, Б. Д. Грековым, М. Н. Тихомировым и другими исследователями материалов раскопок Ладоги – древнейшего городского центра на севере Руси. А. Н. Кирпичников удачно назвал подобные взгляды «теорией о крестьянской Ладогe VIII–IX вв.»¹³.

Однако постепенное накопление новых материалов, их сопоставление между собой и с материалами всего региона Балтики (территориями скандинавскими и западнославянскими) показали, что традиционная трактовка образования первых городов на Руси требует существенных корректив. Оказалось, что важнейшая роль в этом процессе в Северной Руси и некоторых более южных центрах, таких, как Гнездово у Смоленска, принадлежала внешней торговле, а особую роль сыграл проходивший через эти районы торговый путь между Балтикой и исламским Востоком, явившийся катализатором важнейших экономических и социальных трансформаций. С самого начала своего существования для Ладоги и Рюрикова городища (Новгорода) были характерны развитая ремесленная деятельность, торговля, судостроение, обслуживание водного пути. Торговые пути «с узелками» укрепленных поселений на ключевых участках и «узлами» зарождавшихся городов составили каркас Новгородской земли,

стали центрами распространения публичной власти государства. Не плотные сельскохозяйственные округа и не феодальные замки-усадьбы обусловили появление в Северной Руси первых городов, а дальняя торговля, активно втягивавшая в экономические отношения сельское население и способствовавшая формированию местных рынков, ремесло, ориентированное на обслуживание путей и военнотружинных слоев общества, а также свойственные подобным поселениям «центральные функции» управления. Возникновение Ладоги и Новгорода оказалось почти синхронным процессу появления их сельского окружения. Это позволяет поставить вопрос о значительной роли городских поселений в формировании их собственных округ, а не принимать «как аксиому» и трактовать прямолинейно ставший привычным тезис об обязательном рождении города обитателями сельских поселков, создававшими центральный пункт¹⁴.

Активную роль, начиная с середины VIII в., в самых различных сферах жизни древнерусского общества начинают играть выходцы из Скандинавии – варяги. Каждый новый сезон археологических раскопок приносит дополнительные факты, подтверждающие и конкретизирующие скудные свидетельства письменных источников о деятельности скандинавов на Руси. Древнейшие скандинавские находки концентрируются в пунктах на пути между Балтикой и исламским Востоком – в Ладоге, на Рюриковом городище у оз. Ильмень, в Волго-Окском междуречье. Накопление нумизматических материалов, в том числе кладов восточных монет, позволило наметить основные направления движения серебра по рекам Восточной Европы. Сгустки кладов, как правило, фиксируют места расположения основных центров на водных путях и главных экономических районов. Появились поселения, хозяйство населения которых было целиком ориентировано на добычу пушнины для торговли и обмена с Востоком.

На Руси путь формирования первых городов на базе торгово-ремесленных поселений не являлся всеобщим и единственным (в этом плане надо отказаться от монистической схемы становления города).

Этот путь более характерен для Северной Руси, с ее глухими лесами, прорезанными ниточками водных дорог, с ее скудными почвами, редким и разбросанным населением. Тем не менее такой путь для ряда центров Северной Руси очевиден, и в общем плане можно говорить о новой концепции возникновения первых городов на Руси¹⁵. Во многом такие построения восходят не к заключениям Б. Д. Грекова, С. В. Юшкова и М. Н. Тихомирова, а к русской исторической мысли начала столетия. В них нельзя не уловить некоторые идеи В. О. Ключевского. В. О. Ключевский в свое время дал только «схему»

становления древнейших русских городов, только самый общий набросок исторической ситуации, как он ее понимал на основе лаконичных письменных сообщений. Историк далеко не во всем оказался прав, но тонкая исследовательская интуиция подсказала ему возможный вариант решения коренных вопросов, который он и изложил в «Боярской думе» и знаменитом общем курсе русской истории. Эти подходы не вписались в каноны советской социологизированной науки. В рецензии 1958 г. М. Н. Тихомирова на выход первых трех томов собрания сочинений В. О. Ключевского, которую М. В. Нечкина назвала самой «резкой» в отечественной историографии относительно оценки творчества историка ¹⁶, этот историк утверждал, что ученики В. О. Ключевского «...в своей практической работе давно уже порвали с основными положениями, выдвинутыми в его трудах». ¹⁷

Однако современные археологические материалы находятся в русле основной концепции знаменитого историка относительно возникновения первых русских городов, характера колонизации лесной зоны Восточной Европы славянами и роли скандинавов в истории Руси. Конечно, следует говорить не о буквальном соответствии, а о преемственности основной мысли. Надо подчеркнуть, что речь ни в коей мере не идет и об искусственном притягивании построений В. О. Ключевского к объяснению археологического материала. Торгово-ремесленные центры, давшие основу городскому развитию, были открыты не только на территории Руси, но и в регионе Балтики, где археологи, писавшие о них и обсуждавшие их характер, уж никак не связывали свои наблюдения с именем русского историка начала века. В. А. Булкин и Г. С. Лебедев, впервые упомянувшие о торгово-ремесленном пути развития Гнездова – предшественника Смоленска – как одном из путей возникновения русского города, похоже, и не задумывались, куда ведут их выводы. Во всяком случае, упоминаний о В. О. Ключевском ни в данной их работе, ни в последующих исследованиях нет ¹⁸. Однако решительный критик подобных взглядов Д. А. Авдусин сразу прозорливо заметил, что эти «рассуждения» «перекликаются с давно разбитой теорией «торговых городов» В. О. Ключевского, в чем, несомненно, он и был прав ¹⁹.

Еще раз подчеркну, что в вопросах о становлении древнейших русских городов, роли восточной торговли, месте скандинавов в структуре древнерусского общества, процессе колонизации как характерной черте истории Древней Руси мы встречаем множество отголосков и соответствий взглядам великого русского историка в новейших археологических и нумизматических материалах. Мне же хотелось на небольшом примере подчеркнуть, как новые археологические данные вдруг неожиданно для многих современных исследователей

подтвердили идеи отечественной историографии начала столетия и как они не вписались «в методологически правильные» концепции советской науки. Это наглядный пример того, что историческая мысль нации не может быть искусственно прервана и она снова обратит на себя внимание, как только будут сняты заданные идеологические установки или появятся новые факты.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Покровский М. Н. Борьба классов и русская историческая литература // Покровский М. Н. Избранные произведения. Кн. 4. М., 1967. С. 343.
- ² Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974. С. 571.
- ³ Ключевский В. О. 1) Курс русской истории. Сочинения. Т. I. М., 1956. С. 127, 128, 148–150; 2) Боярская Дума Древней Руси. М., 1994. С. 20–34 (Репринт с изд. 1892, 1902 гг.).
- ⁴ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 10.
- ⁵ Ключевский В. О. Боярская Дума... С. 23.
- ⁶ Пресняков А. Е. Лекции по русской истории // Княжеское право в Древней Руси. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 307–308.
- ⁷ Karпович М. Klyuchevski and recent trends in Russian historiography // The Slavonic and East European Review. (American Series, II.) Vol. 21, part I. P. 33.
- ⁸ Шушарин В. П. Современные буржуазные историки о характере Древнерусского государства // Критика буржуазных концепций России периода феодализма. М., 1962. С. 141–160; Хорошкевич А. Л. Русский город XI–XVI вв. в современной буржуазной науке // Там же. С. 115, 116 и др.
- ⁹ Носов Е. Н. Проблема происхождения первых городов Северной Руси // Древности Северо-Запада России. СПб., 1993. С. 59–66.
- ¹⁰ Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский... С. 7–52.
- ¹¹ Артамонов М. И. Вопросы расселения восточных славян и советская археология // Проблемы всеобщей истории. Л., 1967. С. 29–30.
- ¹² Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1946; Изд. 2-е. М., 1956; Tichomirov M. N. The towns of Ancient Rus. Moscow. 1959.
- ¹³ Куртичищев А. Н. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985. С. 5.
- ¹⁴ Носов Е. Н. Проблема происхождения первых городов... С. 66–76; Nosov E. N. The emergence and development of Russian towns: Some outline ideas // Archaeologia Polona. Vol. 32. 1994. P. 185–196.
- ¹⁵ Носов Е. Н. Происхождение первых городов Северной Руси (к изучению проблемы) // Феодальная Россия. Новые исследования. СПб., 1993. С. 5–10.
- ¹⁶ Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский... С. 47.
- ¹⁷ Тихомиров М. Н. К выходу первых трех томов собрания сочинений В. О. Ключевского // Вопросы истории. 1958. № 8. С. 154.
- ¹⁸ Булкин В. А., Лебедев Г. С. Гнездово и Бирка (к проблеме становления городов) // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 11–17; Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. Л., 1978.
- ¹⁹ Аведун Д. А. Происхождение древнерусских городов (по археологическим данным) // Вопросы истории. 1980. № 12. С. 39–42.

Е. А. РЯБИНИН

◆
**ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ПАНОРАМА
СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ РУСИ
В ЭПОХУ РАННЕГО
И РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

Во второй половине первого—начале второго тысячелетия нашей эры на северо-западе Восточной Европы развернулись исторические по своей значимости этнокультурные процессы, определившие последующие судьбы как средневекового, так и в конечном итоге современного народонаселения обширного Озерного края (территория Ленинградской, Новгородской и Псковской областей)¹. Именно в эту эпоху на земли, занятые разрозненными финно-угорскими группировками, началось продвижение славянских новопоселенцев. Результатом многовековых этнокультурных контактов аборигенного «чудского» населения и носителей славянских языков явилось сложение демографической основы Северо-Западной Руси. Начальный этап данного процесса не отражен в письменных источниках. Крайне скудные сведения об этих событиях содержатся в летописных материалах эпохи зарождения и становления Древнерусского государства (IX—начало XI вв). И лишь для последующей эпохи имеется историческая информация об этнокультурной ситуации в рассматриваемом обширном регионе.

Ведущую роль в изучении этой сложной проблемы занимают материалы археологии, исследуемые в контексте с данными сопредельных научных дисциплин. Вместе с тем следует оговорить, что постоянно и активно накапливающийся фонд археологических источников подразумевает последующие корректировки ныне существующих теорий и точек зрения по этому многозначному вопросу.

В рамках данной публикации не представляется возможным остановиться на всех аспектах рассматриваемой темы. Отметим лишь, что результатом многовекового симбиоза различных по происхождению этносов явилось формирование славяно-русского «ядра» населения Северо-Западной Руси при сохранении крупных «чудских» группировок края. Последние послужили основой формирования современных больших народов (карелы, вепсы) и малочисленных

народностей Ленинградской области (водь, ижора). Некоторые из аборигенных группировок края полностью вошли в состав русского народа, и об их былом проживании на отдельных участках свидетельствуют лишь данные гидронимики (названия рек, ручьев, озер), топонимики (наименования сел, урочищ и т. д.), а также личная ономастика (имена и прозвища местных жителей, содержащиеся в переписных книгах конца XV–XVII вв). Интересный опыт реконструкции одной из исчезнувших древних народностей – загадочной «приладожской лопи», обитавшей в междуречье Мги и Назии и в низовьях Волхова, – предпринят А. Н. Кирпичниковым².

Обратимся к этнокультурной ситуации, сложившейся на территории современной Ленинградской области до начала славянского расселения.

На западе области и поныне проживает малочисленная народность водь (самоназвание *Vatjalaiset*). В середине XIX в. здесь насчитывалось свыше 5000 человек, говоривших на водском языке. В настоящее время количество жителей (в основном преклонного возраста), признающих свою принадлежность води, по разным данным, составляет от нескольких десятков до сотни человек. Вместе с тем в эпоху средневековья это было крупное этническое образование (впервые упомянуто в летописи под 1069 г.), название которого было перенесено на особое территориальное подразделение Северо-Западной Руси – Водскую землю, а позднее трансформировано в наименование обширной Водской пятины Новгородской земли. История происхождения и формирования предков этой народности во многом остается загадочной.

В этнографической зоне обитания води автором статьи впервые выявлены оригинальные каменные могильники, типологически сходные с погребальными памятниками Северо-Восточной Эстонии, Северной Латвии и Юго-Западной Финляндии. По характеру обнаруженных находок (железный топор – кельт, железные и бронзовые браслеты, обломки сетчатой керамики) эти археологические комплексы датируются I–IV вв. н. э.³ Полученные данные вполне согласуются с наблюдениями лингвистов, согласно которым создание языковых особенностей води могло сформироваться лишь на рубеже нашей эры в результате продвижения предков северо-восточных эстонцев к востоку от р. Нарвы. Сложность проблемы заключается в том, что после «эпохи каменных могильников» пока сохраняется тысячелетний период, не обеспеченный археологическими источниками. По-видимому, примерно в середине I тыс. н. э. предки води перешли к археологически трудно выявляемому обряду захоронения кремированных останков умерших в неглубоких могильных

ямах, лишенных внешних признаков. Лишь с XIII в. под воздействием христианства у местной «чуди» складываются некрополи, содержащие погребения по обряду ингумации. Хотя этот этап относится уже к древнерусскому периоду в истории рассматриваемого этноса, следует отметить следующее. По данным палеоантропологии – краниологии и одонтологии – средневековые предки води имели местное, восходящее к неолитической эпохе происхождение, на определенной стадии своего становления оказавшиеся под весьма сильным языковым и этнокультурным воздействием со стороны продвигавшихся в зону их обитания переселенцев из Северо-Восточной Эстонии.

Еще одна крупная аборигенная группировка обитала в Невско-Ижорском бассейне и вдоль южного побережья Финского залива. Это была ижора, впервые упомянутая в русских летописях под 1228 годом. В эпоху средневековья она являлась верным военным союзником Великого Новгорода. Потомками многочисленного в свое время населения является народность ижора (самоназвание *Inkeri, Inkeritot*), в середине XIX в. насчитывавшая около 20 000 человек. По последней Всесоюзной переписи 1989 г. зафиксировано 820 обитателей региона, причислявших себя к этой народности⁴. Древностей дорусского периода на ранней территории расселения ижоры, по существу, не обнаружено. Имеются лишь отдельные вещевые находки архаической эпохи, свидетельствующие о проживании в районе от междуречья Луги и Нарвы и далее на восток, до течения рек Невы и Ижоры, автохтонного финноязычного населения.

Сложным представляется вопрос об этнокультурном облике дославянских обитателей в Нижнем Поволховье. Именно здесь не позднее 753 г. был основан протогородской центр зарождавшейся Северной Руси и первая столица Древнерусского государства – Ладога. Историки и лингвисты постоянно обращали внимание на опосредованную связь этого топонима с финно-угорским наименованием впадающей в Волхов реки Ладожки – *Alode-jogi (joki)*, «Нижняя река», от которой произошло название самой Ладоги, а затем было перенесено на летописное озеро Нево – Ладожское озеро⁵. При археологическом обследовании этого исторически значимого участка выявлены остатки поселений и отдельные находки весьма архаического облика, относящиеся, судя по аналогиям, к эпохе, на несколько столетий отделенной от встречи славянских новопоселенцев с финноязычными обитателями края. В начале 1980-х гг. одним из видных исследователей древностей Нижнего Поволховья В. П. Петренко был поставлен вопрос о каких-то (возможно, «опосредованных») контактах финских аборигенов с основателями Ладожского поселения⁶. При

археологических работах конца 1990-х гг. эта хронологическая лакуна между древностями разных эпох в существенной степени оказалась преодоленной. Произведенные автором этих строк раскопки на Любшанском городище (памятник расположен в 2 км к северу от исторического центра Ладоги на противоположном, правом, берегу Волхова) выявили последовательные культурные отложения, наиболее ранние из которых относятся к III–IV вв. н. э. Не позднее VII в. здесь сооружаются первые земляные укрепления, возможно окружавшие сакральный (культурный) центр местной «чуди». И, наконец, примерно в середине VIII в. древнее финское поселение занимают славяне, воздвигшие уникальные для этого времени и всего региона оборонительные сооружения с каменными конструкциями. При этом важно отметить, что в культуре контактирующих этносов изначально прослеживается слияние разнородных по происхождению традиций, документирующее начальную стадию становления новой общности – древнерусской (северно-русской) народности. Становится вполне объяснимым и приведенный выше переход древней финской гидронимии в славянскую при ее определенной адаптации к новым языковым нормам.

Весьма скудные данные имеются о памятниках дорусской эпохи Юго-Восточного Приладожья (бассейны рек Сяси, Паши, Ояти и их притоков). Лишь по разведочным данным здесь установлено наличие селищ эпохи раннего металла и раннего железного века⁷. Материалы этих памятников свидетельствуют о принадлежности аборигенов края к прибалтийско-финской группе племен при неясной трактовке их этнического облика. Более чем вероятно, что автохтонное население Приладожья не составляло консолидированной общности, распадаясь на ряд мелких родовых группировок.

Во второй половине I тыс. н. э. на территории будущей Новгородской земли получают распространение оригинальные погребальные сооружения – сопки и длинные курганы⁸. Северо-западная граница распространения длинных курганов достигала верхнего течения р. Плюссы и верховьев р. Луги. Основным районом концентрации сопок и связанных с ними поселений являлся бассейн оз. Ильмень, а также верховья Луги и Плюссы, Нижнее Поволховье и верхнее течение р. Мологи. Памятники культуры длинных курганов и преимущественно связанных с последними полусферических насыпей с сожжениями умерших суммарно датируются VI–X вв., памятники культуры сопок – VIII–X (и частично XI) вв.⁹ Не вызывает сомнения прямая или опосредованная связь обоих пластов древностей с общими процессами славянского освоения лесной зоны Восточной Европы. Наличие субстратных элементов в новгородско-псковских длинных

курганах и сопках свидетельствует об участии в протекавших здесь этнических процессах редкого финноязычного населения и формировании ядра Новгородской земли в условиях славяно-финского симбиоза. В VIII–X вв. происходит сложение древнейших городских центров Северо-Западной Руси – Ладоги, Новгорода, Пскова. Именно в этот период начинается активное функционирование международных торговых магистралей, связывавших Балтику с Востоком (Великий Волжский путь) и Византией (летописный путь «из варяг в греки»). В ранних торгово-ремесленных пунктах фиксируется появление представителей еще одной этнической группы – выходцев из Северной Европы, скандинавов-норманнов.

Новый этап в истории рассматриваемого региона связан с активным освоением славянскими земледельцами обширных участков за пределами их первоначального расселения. Он документирован сложением сети сельских курганных могильников и поселений X–XIII вв. в бассейнах рек Луги, Плюсы и в Восточном Причудье. Массовый поток древнерусской колонизации был направлен на плодородную для своего времени Ижорскую возвышенность (западная часть современной Ленинградской области), где зафиксировано около 10 000 курганно-жальничных погребений XI–XIV вв. Земледельческое освоение сочеталось с политическим закреплением края за Великим Новгородом и оформлением здесь особого территориального подразделения Северо-Западной Руси – Водской земли. Военно-административным центром этой земли на порубежье новгородских владений являлась основанная в конце XIII в. на месте старого древнерусского погоста каменная крепость Копорье.

На протяжении ряда столетий здесь протекал сложный процесс этнокультурного взаимодействия славян с финно-угорскими обитателями Ижорского плато и Причудья, принадлежащими к одному из племенных подразделений води. Конкретная историческая ситуация, сложившаяся в зоне чересполосного славяно-водского расселения, определила активную аккультурацию «чудских» коллективов, проявляющуюся как в погребальной обрядности (переход к захоронениям под курганными насыпями, ранее не известными в финно-угорской среде), так и в материальной сфере (формирование локального варианта новгородской культуры на базе разноплеменных традиций).

Конечный результат этого процесса в целом сомнений не вызывает: в XV–XVII вв. основная часть летописной Водской земли, включая области нижнего течения Нарвы и Луги, а также прибрежной полосы Финского залива, была уже занята русским населением, поглотившим к этому времени местный водский компонент. Славянизация води протекала в условиях развернувшейся с середины XIII в.

христианизации края, создания сети погостских центров с православными центрами и бескуржанными кладбищами. Следы былого проживания здесь прибалтийских финнов запечатлены в некоторых гидронимах (Луга, Лемовжа, Суйда, Саба и т. д.)¹⁰ и в названиях населенных пунктов эпохи составления переписных книг конца XV–XVII вв.

В районах, не охваченных массовой земледельческой колонизацией, сложились условия для формирования на племенной основе водской народности. Позднесредневековые источники фиксируют наличие особых погостов Водской пятины, имевших дополнительное наименование «в Чуди». По своему территориальному расположению они полностью совпадают с зоной обитания этнографической воды (современный Кингисеппский район Ленинградской области). В процессе произведенных автором многолетних исследований здесь была впервые выявлена серия средневековых грунтовых могильников, оставленных местной «чудью» – западной группировкой предков воды. Прослежено непрерывное развитие погребальной обрядности и материальной культуры этого населения на протяжении XIII–XVIII вв. Установлена постепенная трансформация племенных традиций, имеющих западно-финский облик, в культуру этнографической воды. Интерес представляет сопоставление данных археологии и письменных источников: с одной стороны, констатируется самое активное участие местной «чуди» во всех сферах социально-экономической жизни средневековой Руси, с другой – полное сохранение ею своей этнической целостности и самобытности. Это наглядный пример многостороннего и неоднозначного по своему характеру процесса включения неславянских группировок в орбиту русской государственности и культуры.

Недостаточно изученными остаются древности средневековой ижоры. Историко-географические материалы позволяют очертить границы летописной Ижорской земли – еще одного административно-территориального подразделения на северо-западном побережье новгородских владений, упоминаемого в летописях с XIII в. По этим данным, ее ареал определяется следующим образом: на западе – по реке Стрелке (район современного города Стрельна) и верхнему течению Оредежа земля ижоры граничила с Водской землей, на севере, по р. Сестре и району Лемболовских высот, – с Карельской землей, с востока, примерно по р. Назие, – с Лопской землей, на юге и юго-востоке – с болотистыми и слабо заселенными территориями, вошедшими около 1500 г. в Новгородский уезд Водской пятины. Военно-административным центром Ижорской земли являлась основанная в 1323 г. новгородцами крепость Орехов (Орешек) в истоках Невы.

Немногочисленные археологические материалы (отдельные грунтовые погребения и случайные находки) свидетельствуют о карельском происхождении этого племени. Указанные данные вполне согласуются с наблюдениями лингвистов, усматривающими начало генезиса ижоры в рамках ее этнического обособления от древнекарельской языковой общности. Эта точка зрения в развернутом виде изложена в историко-лингвистических разработках А. Х. Лаанеста¹¹. По его наблюдениям, выделяются три основных периода в сложении ижорского этнолингвистического образования.

1. Древнекарельский, приблизительно предшествующий началу I тыс. н. э. и характеризующийся наличием еще не распавшейся древнекарельской языковой общности, от которой и произошли собственно карельские диалекты финского языка и ижорский язык.

2. Древнеижорский, начало которого связано с продвижением части древних карел в Ижорскую землю и возникновением племени ижора. Этот период, начавшийся не позднее первых веков II тыс. н. э., продолжался до расселения ижоры в зону ее современного обитания (преимущественно вдоль южного побережья Финского залива), связан с формированием ижорских диалектов и завершился в XVII в.

3. Период обособленного развития современных ижорских диалектов.

В настоящее время можно лишь весьма суммарно судить о протекавших на территории летописной Ижорской земли этнокультурных процессах. Отметим лишь следующее. Не позднее XIII–XIV вв. Невско-Ижорский бассейн начинает осваиваться древнерусскими земледельцами. Свидетельством этого многовекового процесса может служить зафиксированное в писцовых книгах 1500 г. наименование р. Словенки (ныне Славянка), впадающей в Неву рядом с р. Ижорой.

Ареал этнографического расселения современных ижорцев (южное побережье Финского залива) в основном располагается за пределами проживания летописного племени. В собственно Ижорской земле относительно рано началось обрусение коренных жителей края. Разорительные войны XVI–начала XVII вв. и последствия Столбовского договора 1617 г., на некоторое время закрепившего этот регион за Швецией, сильно сказались на изменении этнического облика его обитателей. Сопоставление материалов рубежа XVI–XVII вв. с картами XVII в. свидетельствует о запустении ранее существовавших деревень и появлении новых, связанных с переселенцами из Финляндии¹². Однако даже в конце XVII в. на южном побережье Невы, в Городенском погосте, насчитывалось около 500 дворов, принадлежащих православной ижоре¹³. Еще до того, как Ингерманландия при

Петре I была возвращена России, «об ону сторону Невы реки» проживали «земледелатели Ижоры, наша Христианския верь»¹⁴.

При изучении путей формирования западных групп ижорцев следует учитывать еще одно предположение, высказанное Х. А. и А. Х. Моора и в последнее время разрабатываемое на археологическом материале О. И. Коньковой¹⁵. Речь идет о возможном участии в этом процессе автохтонного прибалтийско-финского населения, с глубокой древности проживавшего вдоль южного побережья Финского залива и лишь на определенном этапе вступившего в тесное этническое взаимодействие с носителями карельско-ижорских диалектов.

Юго-Восточное Приладожье в эпоху средневековья являлось одним из крупных очагов сложения вепсского этноса. По данным демографических подсчетов последних десятилетий, численность вепсов, обитающих на востоке Ленинградской области, в сопредельных районах Вологодской области и Карелии, составляет около 12,5 тысячи человек¹⁶. Занимая часть обширного пространства, заключенного между тремя крупнейшими северными озерами – Ладожским, Онежским и Белым, – они в настоящее время не имеют единой и компактной этнической территории, а проживают несколькими группами чересполосно с русским населением¹⁷. По широко распространенному мнению, истоки происхождения вепсов восходят к летописной веси, упоминаемой в «Повести временных лет» при описании начальных событий русской истории IX в.¹⁸ В рассказе Начальной летописи, условно помещенным под 859–862 гг., весь выступает в качестве члена предгосударственной федерации северных славянских и финно-угорских племен, совместно изгнавших находников-варягов «за море», а затем участвовавших в призвании Рюрика. Последний раз это племенное образование упомянуто под 882 г. как один из отрядных контингентов войска Олега Вещего, предпринявшего поход на Смоленск, Любеч и Киев и соединившего север и юг Восточной Европы в рамках единой политической общности – Древнерусского государства. По крайне скудным летописным сведениям известно лишь, что основной центр расселения веси находился в Белозерье (современная Вологодская область): «На Белеозере седять весь».

Что же представляли собой по своему этнокультурному статусу обитатели Юго-Восточного Приладожья? В конце I–начале II тыс. н. э. здесь получил распространение качественно новый обряд захоронения умерших под курганными насыпями – сначала с погребением останков сожжения умерших и затем с помещением останков несожженных трупов (так называемых ингумаций) в основании курганов. Финно-угорский облик коренных жителей региона не вызывает

сомнений¹⁹. Более сложным представляется вопрос о соотношении аборигенов края с летописной весью. Высказана гипотеза, согласно которой предки финноязычных обитателей восточных районов современной Ленинградской области (или, по крайней мере, их значительная часть) не входили в состав летописной веси, составляя особые родоплеменные группировки, к которым может быть применен условный термин «приладожская чужь»²⁰. Для доказательства этой интересной и имеющей несомненное право на существование точки зрения необходимы дальнейшие полевые изыскания в Юго-Восточном Приладожье.

Этнокультурная ситуация в рассматриваемом регионе (с учетом появления ранних славяно-скандинавских колонистов еще в IX–X вв. и продвижения сюда славян в XI–XIII вв.) качественно меняется с появлением бескурганых захоронений, известных под суммарным названием «жалыники».²¹ Пока еще немногочисленные их исследования позволяют заключить следующее. Где-то не позднее второй половины XIII в. (преимущественно в последующий период – XIV–XVI вв.) в Приладожье устремляется поток древнерусских земледельцев, которые осваивают бассейн р. Тихвинки и выходят на верховья рек Сяси, Паши и Капши. Конечным итогом встречи двух контактирующих этносов явилось создание известного по позднесредневековым источникам так называемого билингвизма, определяемое общением разноэтничных групп, имевших общение на доступных друг для друга языках.

История создаваемой на протяжении многих столетий этнокультурной панорамы Северо-Западной Руси носит многозначный и сложный характер. Выражаем надежду, что написанная в качестве краткого очерка данная статья будет представлять известный интерес для изучения ныне существующих проблем нашего многонационального региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Рябишин Е. А.* Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб., 1997.

² *Киртичкиков А. П.* Приладожская лопь // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984. С. 137–144.

³ *Рябишин Е. А.* Чужь Водской пятины // Древности славян и финно-угров. СПб., 1992. С. 143–151; *Ryabinin E. A.* New Data on the Ancient Vod Culture // *Fenno-ugri et slavi* 1988: ISKOS 9. Helsinki, 1990. P. 93–97.

⁴ Финно-угроведение. № 1. Йошкар-Ола, 1984. С. 7.

⁵ См., напр.: *Попов А. И.* Следы времен минувших: Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л., 1981. С. 55–56, 90–91. обстоятельный анализ существующих точек зрения по этому вопросу проведен сотрудниками Института истории РАН Г. В. Глазыриной, Т. Н. Джаксон, Е. А. Мельниковой.

- ⁶ Петренко В. П. Финно-угорские элементы в культуре средневековой Ладogi // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984. С. 83–90.
- ⁷ Гурина Н. Н. Древняя история северо-запада европейской части СССР // МИА, № 87. Л., 1961. С. 108, 113–115, 170–171.
- ⁸ Седов В. В. Новгородские сопки // САИ Е1-8. М., 1970; *он же*. Восточные славяне в VI–XIII вв. // Археология СССР. М., 1982. С. 46–66.
- ⁹ Носов Е. Н. Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тысячелетия н. э. // СА. 1981. № 1. С. 42–56.
- ¹⁰ Попов А. И. Следы времен минувших... С. 86–88.
- ¹¹ Лаанест А. Х. Ижорские диалекты: Лингвогеографическое исследование. Таллин, 1978; *он же*. Историческая фонетика и морфология ижорского языка // Автореферат диссертации... доктора филологических наук. Тарту, 1966.
- ¹² Гиттинг А. И. Нева и Ниеншанц. Ч. II. СПб., 1909. С. 207–208.
- ¹³ Mikkola I. I. Muutamia tietoja vatjalais – ja inkerikyllistä 1600-luvun lopulta // Virittäjä / N 1. Helsinki, 1932. S. 31.
- ¹⁴ Афанасий, архиепископ Холмогорский. Описание трех путей из России в Швецию, составленное в 1701 г. // Журнал Министерства внутренних дел. Том XXXI. СПб., 1838. С. 268–269.
- ¹⁵ Моора Х. А., Моора А. Х. Из этнической истории води и ижоры // Из истории славяно-прибалтийско-финских отношений. Таллин, 1965. С. 69–70; Кошкова О. И. Вопросы ранней истории финноязычного населения нижнего течения р. Луги // Население Ленинградской области: Материалы и исследования по истории и традиционной культуре. СПб., 1992. С. 92–105.
- ¹⁶ Финно-угроведение. № 1. Йошкар-Ола, 1994. С. 7.
- ¹⁷ Пименов В. В. Вепсы: Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965.
- ¹⁸ Повесть временных лет. Часть I. М.; Л., 1950. С. 13–20.
- ¹⁹ Об этом см.: Кочуркина С. И. Юго-Восточное Приладожье в X–XIII вв. М., 1973; Кочуркина С. И., Ливневский А. М. Курганы летописной веси X–начала XIII вв. Петрозаводск, 1985; Кочуркина С. И. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. Петрозаводск, 1989.
- ²⁰ Назаренко В. А. Об этнической принадлежности приладожских курганов // Финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 152–156; *он же*. Погребальная обрядность Приладожской чуди // Автореферат диссертации ... кандидата исторических наук. Л., 1983.
- ²¹ Ретиков Н. И. Жальники Новгородской земли // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Т. IX. Вып. 5. М.; Л., 1931.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
ДРЕВНЕЙ КОРЕЛЫ

Археологические памятники летописной корелы отразили наряду с процессом сложения «национальной» материальной культуры также и те ее особенные черты, которые определялись географическим положением Карельской земли и исторической ситуацией в регионе (рис. 1). Особенным здесь, выделяющим корелу из ряда других пограничных по отношению к Новгороду финских племен, является связь материальной культуры древних карел с западно-финским культурным кругом. Таким образом, корела в эпоху средневековья не только была наиболее северным из подчиненных Новгороду племен, но в то же время и носителем культуры, характерной для территории Финляндии, начиная с конца XII–XIII вв. более для Восточной Финляндии.

Отмеченные выше обстоятельства складывались на протяжении многих столетий и зависели от многих факторов. Начало было положено еще в I тысячелетии н. э., когда после распада Римской империи роль и значение северных, прилегающих к Балтийскому морю территорий в общеевропейской истории возросли, а их развитие приобретало все более самостоятельный характер, приводя к зарождению связанных между собой экономически и культурно, а впоследствии и политически областей. Применительно к рассматриваемому району Карельского перешейка и Северо-Западного Приладожья таковыми являлись Западная Финляндия, Эстония, Верхняя Волга и, в меньшей степени, Скандинавия. Население этих сложившихся еще в железном веке культурных областей в условиях возросшего спроса на пушнину нуждалось в бесперебойных и значительных по объемам поставках шкурок ценных пород пушных зверей. Интенсификация пушной охоты на Севере, откуда, как хорошо было известно еще со времен античности, происходят самые ценные меха, привела к увеличению промысловых поездок в отдаленные районы из обозначенных выше более развитых областей. Археологически уловимым следствием этого стало появление на обширной территории зоны таежной охоты

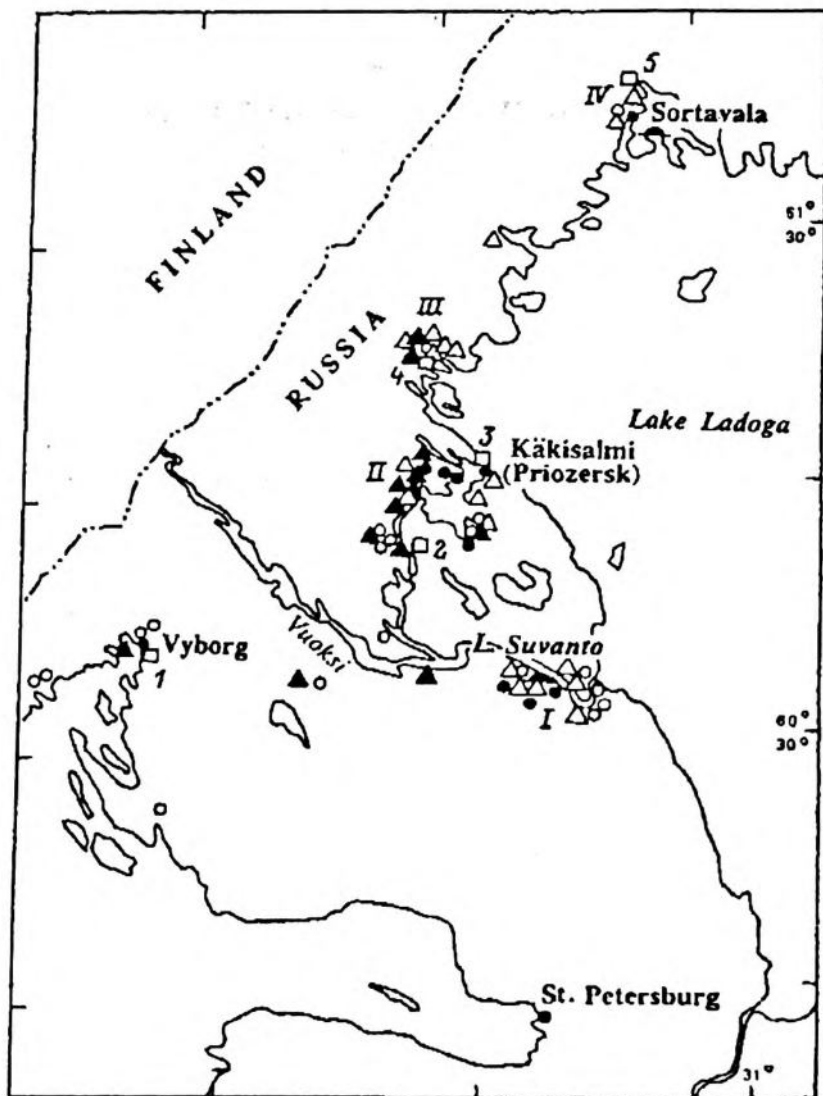

Рис. 1. Археологические памятники в Приладожской Карелии
I тыс. н. э. – первая треть II тыс. н. э.

- – места находок вещей первой половины – третьей четверти I тыс.;
- ▲ – погребения под каменной насыпью (Лапинлахти, Нукутгалахти);
- ▲ – могильники IX – первой половины X вв.;
- △ – могильники второй половины X – XI вв.;
- – могильники XII – XIV вв.;
- – городища XII – XIV вв.: 1 – Выборг; 2 – Тиверский городок; 3 – Кякисалми-Корела; 4 – Хямеенлахти; 5 – Паасонвуори – район I – Лапинлахти, II – Ряйсяля, III – Куркнеки, IV – Сортавала

предметов охотничьего снаряжения: наконечников копий, топоров, блоковидных каменных кресал, лыж и саней. На Карельском перешейке эти предметы составляют наиболее заметную и представительную группу находок первой половины – третьей четверти I тыс. н. э. Концентрируются они в зоне реки Вуоксы, что отражает роль ее как важнейшей транспортной магистрали, а самого перешейка как зоны непосредственной промысловой охоты.

В этой связи встает вопрос о наличии местного населения на этих землях и его культуре. В финской археологической литературе преобладающей стала точка зрения, согласно которой на Карельском перешейке проживало местное, археологически почти неуловимое население.¹ Российские ученые сходятся во мнении, в соответствии с которым карелы сформировались на основе местного прибалтийско-финского населения, признавая тем самым существование этого населения, но отмечая при этом скудость археологического материала I тыс. н. э.² Исследования последних лет принесли новые данные о раннем периоде железного века этой территории, позволившие в новом свете интерпретировать также и уже имеющиеся материалы³. Наиболее полно относящиеся к этому периоду памятники и отдельные находки, как и связанная с их интерпретацией дискуссия, представлены в диссертации П. Уйно.⁴ В настоящее время можно с высокой степенью определенности утверждать, что на Карельском перешейке преемственность в заселении не прерывалась в раннем железном веке; население лишь продолжало жить в условиях, близких к каменному веку, используя орудия из камня. Переход к новой эпохе улавливается лишь в керамическом материале. О необходимости передачи некоторых ранее относимых к каменному веку памятников говорят их высотные отметки над уровнем моря, по которым они никак не могли возникнуть ранее эпохи бронзы. Таким образом, в Приладожской Карелии в первой половине–середине I тыс. н. э. существовали параллельно две культуры: культура местного населения, продолжавшая традиции предшествующего времени, и культура пришлых промысловых охотников, представленная орудиями охоты из металла, каменными блоковидными кресалами и средствами передвижения по тайге. В целом же население этой части Приладожья существенно не отличалось по уровню своего развития от населения обширных таежных районов, расположенных на север, восток и юг от Ладожского озера. Ближайшие районы, население которых культивировало производящие формы хозяйства и обладало развитым ремесленным производством, находились в упоминавшихся выше Финляндии, Эстонии и верхнем течении Волги, где найденные в Приладожской Карелии вещи имеют прямые аналогии.

Проведенные в 1990-е годы совместно с финскими учеными палеоэкологические исследования на Карельском перешейке и Северо-Западном Приладожье привнесли в действительно скудную базу данных о ситуации на этой территории в предшествующее появлению постоянного населения железного века время новые материалы по земледельческому освоению территории. Выясняется, что первые опыты возделывания зерновых культур здесь приходится на римский железный век (о-в Кильпола).⁵ В образцах, взятых в районе пос. Куркиеки (Кууппала) и г. Сортавалы (о-в Риеккала), пыльца культурных растений впервые фиксируется соответственно около 400 г. и 600 г. н. э.⁶ Во всех этих случаях речь идет все же о кратковременных, эпизодических занятиях земледелием. Постоянным фактором экономики оно становится лишь начиная с конца железного века. Эти первые фиксируемые в зонах распространения находок железного века следы возделывания земледельческих культур возможно связать с деятельностью совершающих продолжительные сезонные поездки охотников, отнеся их, таким образом, ко «второй» культуре, центры которой располагались за пределами этой зоны.

На Карельском перешейке, на южном берегу оз. Суходольское, в дер. Лапинлахти (ныне Ольховка) обнаружено одно из наиболее древних погребений железного века. Датируется оно временем около 800 г.⁷ Погребение, содержавшее большое количество предметов вооружения, орудий труда и украшений, имеющих аналогии в Западной Финляндии, как и сама форма могилы (каменно-земляная насыпь), дало основание финским археологам утверждать, что в основе населения и культуры Карелии железного века лежит культура западно-финских переселенцев, волна которых достигла побережья Ладоги из центрально-финского района Хяме к концу эпохи меровингов—началу эпохи викингов. Однако детальный анализ материала дает основания утверждать, что ближайшие аналогии вещам находятся в памятниках Юго-Западной Финляндии и, следовательно, путь их поступления, вероятнее всего, был морской, через Финский залив⁸. Нам представляется, что это погребение фиксирует начало зарождения к концу эпохи меровингов поселенческих центров, обозначая совершенно новую ситуацию, при которой определяющим фактором становится внутреннее развитие в рамках территорий, на которых по каким-то причинам складывается постоянное население. Помимо Лапинлахти к таким центрам концентрации населения следует отнести Ряйсяля (Мельниково), Ховинсаари (п-ов Большой на оз. Вуокса), Кякисалми (Приозерск) и, в соответствии с новыми находками, также Суотниemi (Яркое), в которых были сделаны находки вещей эпохи меровингов.

Это развитие с наступлением эпохи викингов приобрело новые черты. Могильники и места отдельных находок вещей первой половины эпохи викингов (IX–первая половина X вв.) не связаны, как правило, с зарождающимися поселенческими центрами; они происходят из мест, где на это время не фиксируются следы постоянного населения. Могильники этого времени – это одиночные воинские погребения, совершенные по господствовавшему в это время в Финляндии (земле суми русских летописей) обряду (трупосожжение на каменной вымостке). Однако и эти захоронения отличаются от памятников аналогичного типа центральных районов Финляндии. Они характеризуются отчетливым «викинжским» обликом и «интернациональным» набором предметов вооружения и украшений. Карелия, таким образом, становится частью «Ладожского мира» эпохи викингов. Западно-финские «переселенцы», оставившие эти захоронения, могут рассматриваться в свете этого не как представители колонизационного потока на восток из Западной Финляндии через центральные районы страны, а как отряды, подобные отрядам викингов, взявшие под контроль водные пути и пушные ресурсы Карельского перешейка. В условиях, когда осевшие в Старой Ладоге славяне и скандинавы были более заинтересованы в контроле и использовании ведущих на восток путей, западные финны взяли под контроль местные карельские и финские рынки, «привязав» их к «схеме» ладожской международной торговли. Роль и деятельность западных финнов в первой половине эпохи викингов на этой территории сопоставима с деятельностью и ролью скандинавов в Восточной Европе. Карта распространения погребений и отдельных находок этого времени хорошо ложится на Вуоксу, что указывает, по всей видимости, на военно-торговое использование этой водной системы уже в начале эпохи викингов⁹.

С XI в. начинается новый этап в развитии карельского общества. Могильники этого времени содержат значительно большее количество захоронений, они принадлежат уже местным общинам, хотя и остаются по обряду и инвентарю западно-финскими по форме. В сущности, конец эпохи викингов в Приладожской Карелии знаменует наступление новой эпохи; появление с XI в. новых могильников, увеличение количества погребений на них, продолжительность использования, равно как и резкое возрастание количества отдельно найденных вещей – это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что население Карелии пошло по пути развития к той социально-экономической модели, для которой характерны высокоразвитые сельское хозяйство, ремесло и торговля, что предполагает формирование устойчивых поселенческих центров. Часть этих центров концентрации населения демонстрирует возможность существования местного развития в этом

направлении, начиная с эпохи меровингов. Это Саккола (Ольховка), Ряйсяля (Мельниково), Суотниemi (Яркое) и Кякисалми–Корела–Приозерск. К возникшим на рубеже эпохи викингов (IX–XI вв.) и эпохи крестовых походов (1050–1300 гг.) могильникам следует отнести Метсяпиртти (в окрестностях пос. Запорожское), Лапинлахти и Хеннонмяки (Ольховка), Куркиеки, Сортавала.

Начало второго тысячелетия – это не только начало формирования структуры местного земледельческого населения в Приладожской Карелии, но и время активного выпадения кладов, свидетельствующих об интенсивной торговой деятельности в XI в. Эти клады найдены в Рауту (Сосново) и окрестностях, Хейнйоки (Вещево), Куркиеки (Куупала), Кякисалми (Приозерск), а также в окрестностях Выборга. В состав кладов входят как куфические, так и западноевропейские монеты. Подавляющее количество монет из клада в Хейнйоки чеканено в области Фризия, что служит основанием для утверждения наличия прямых связей между Карелией и Фризией¹⁰. Неслучайно, что к этому времени относятся и упоминания карел в письменных (скандинавских) источниках. К XI веку Карелия уже стала существенной частью системы европейской торговли, представляя собой как бы одну из вершин треугольника Западная Европа (Готланд и северо-германские земли)–Новгород–Карелия, с находящимися за ней богатыми пушнинной районами. Характерно, что состав подавляющего числа монетных кладов указывает на то, что Карелия входила в древнерусскую систему денежного обращения¹¹. Серебро в Карелию поступало, следовательно (и в обмен на пушнину), через Новгород и Старую Ладугу.

Процесс внутренней организации древнекарельского общества продолжается в XII в., достигнув своего расцвета к XIII–XIV вв. Археологический материал этого периода свидетельствует, что Карелия (летописная Корельская земля) в это время состояла из нескольких поселенческих центров, тяготеющих к нижнему течению Вуоксы и Северо-Западному Приладожью с их плодородными суглинистыми почвами. К XIII веку складывается четкая система расселения, включавшая небольшие, преимущественно однодворные деревни и примыкавшие к ним могильники, а также общие культовые центры для «куста» деревень – ядра формирующейся системы погостов, известных из текста Ореховского мирного договора со Швецией 1323 г.

В основе расцвета к XIII в. карельской культуры, археологически уловимым проявлением которой являются так называемые «карельские могильники» с богатым набором вещей (рис. 2), а также поселения и культовые памятники, были уже изначально существовавшие в силу географического расположения Корельской земли факторы,

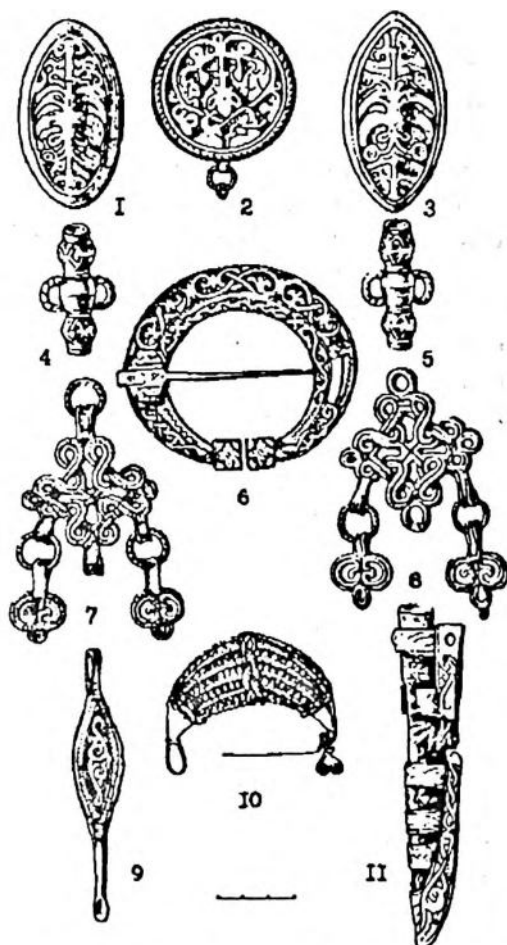

Рис. 2. Украшения, характерные для карельского средневекового женского костюма.

1, 3 – овално-выпуклые фибулы; 2 – нагрудная фибула-брошь; 4, 5 – пронизки; 6 – плоская подковообразная карельская фибула; 7, 8 – цепедержатели; 9 – копоушка; 10 – сюкерё – головное украшение; 11 – нож в ножнах

которыми древние карелы смогли с пользой для себя воспользоваться. Таковыми являются удобные водные пути и прямой выход на богатые пушниной районы Севера, торговля мехами и ценными породами рыб, а также пригодные для занятия земледелием почвы. Последний фактор в рассматриваемое время становится ведущим, консолидирующим население и влиявшим на резкое увеличение его численности. В это же время в ключевых пунктах Вуоксинской системы создаются укрепленные городки: Кякисалми, Тиверский Городок, Выборг, после чего Вуокса становится внутренней карельской артерией, объединяющей уже сложившиеся центры концентрации

населения. Вуокса, таким образом, играла на всех этапах древней истории Карелии определяющую развитие роль транспортной артерии, объединяющей карельские земли, берега которой состоят из плодородных, пригодных для интенсивного земледелия почв. Но в этой системе была и слабая сторона, учитывая ситуацию на это время в регионе, а именно: тот, кто завладел городками на Вуоксе, становится обладателем всей Карелии. Это хорошо понимали шведы, захватившие в 1293 г. карельское укрепление в Выборге, а на следующий уже год предпринявшие попытку, на короткое время удавшуюся, утвердиться в нижнем течении Вуоксы, овладев крепостью Какисалми (с конца XIII в.–начала XIV в. Новгородская Корела).¹² Новгород не мог этого допустить, поскольку захват шведами западной части Карелии нарушал стратегическое равновесие в регионе, утвердившееся в результате Невской битвы 1240 г. и последующих столкновений со шведами. Угроза была слишком ощутимой и наступление шведов в Карелии, а также на Неве (1300 г.) было остановлено. Военная активность первой четверти XIV в. в Карелии и на Ладоге не принесла ощутимых результатов ни одной из сторон, остановившихся на рубеже, изменить который было им не по силам. Выход был найден подписанием мира в незадолго до этого построенной в устье Невы новгородской крепости Орешек. Карелия была разделена на две части; три западных карельских погоста Саволак, Якис и Эврепя отошли к Швеции. Остальная часть, включавшая в себя экономически развитые земледельческие районы Карельского перешейка (нижнее течение Вуоксы и Северо-Западное Приладожье), так называемая «Передняя Карелия», а также «Задняя Карелия» – обширные малонаселенные, но богатые пушниной районы на север от Ладожского озера вплоть до современной Северной Финляндии и Кольского полуострова, осталась за Новгородом. Развитие в Карелии отныне зависело от обеих по-прежнему соперничавших сторон. Новгородская Карелия стала частью общероссийского рынка, и городская культура Корелы все более сближается с культурой северо-русских городов. Однако собственные возможности карел, особенно в области международной торговли, еще долго сохраняли достигнутые в эпоху расцвета Карелии (XII–XIV вв.) позиции. Немалую роль в этом играла заинтересованность Новгорода в экономическом расцвете своей северной «волости», активно отстаивающего интересы карел в переговорах со Швецией и Норвегией, что наиболее наглядно прослеживается в тексте Ореховского мирного договора 1323 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Kivikoski E.* Zur Herkunft der Karelier und ihrer Kultur. Acta Archaeologica. Vol. XV. København, 1944. S. 25–28; Suomen esihistoria. Suomen historia I. Porvoo, 1961. S. 260–261; *Хуурпе М.* Концепции финских археологов о происхождении племени карелов и культуры Карелии в эпоху железного века. Финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 138–142.

² *Панкрусиев Г. А.* Происхождение карел: (По археологическим данным). Новые археологические памятники Карелии и Кольского полуострова. Петрозаводск, 1980. С. 148–159; *Кочуркина С. И.* Древняя корела. Л., 1982. С. 14–17; *Косменко М. Г., Кочуркина С. И.* Вопросы истории населения древней Карелии. Археология Карелии. Петрозаводск, 1996. С. 380–381.

³ *Saksa A. I.* Karelia and the West Finnish cultural area in the Late Iron Age. Cultural heritage of the Finno-Ugrians and Slavs. Tallinn, 1992. S. 96–105; *Сакса А. И.* Древняя Карелия в IX–XIII веках. Современность и археология. Международные чтения, посвященные 25-летию Староладожской археологической экспедиции. Тезисы докладов. СПб., 1997. С. 95–96.

⁴ *Uino P.* Ancient Karelia. Archaeological studies. Helsinki, 1997; *Кочуркина С. И.* 1) Археологические памятники Корелы. V–XV вв. Л., 1981; 2) Древняя Корела. С. 14–36.

⁵ *Taavitsainen J.-P., Itkonen L., Saksa A.* On early agriculture in the archipelago of Lake Ladoga. Fennoscandia archaeologica XI. Helsinki, 1994. S. 37–38.

⁶ *Сакса А. И., Симола Х., Грёнлууд Е.* Палеоэкологические и археологические исследования на Карельском перешейке и в Ладожской Карелии. В печати.

⁷ *Кочуркина С. И.* Археологические памятники... С. 15; *Uino P.* Ancient... P. 51–52.

⁸ *Saksa A. I.* On the factors influencing the formation and development of Karelian culture between the eleventh centuries. Fenno-ugri et Slavi. Helsinki, 1994. S. 98–104; *Сакса А. И.* Древняя Карелия... С. 95–96.

⁹ *Сакса А. И.* Город Корела – центр Приладожской Карелии (по археологическим данным). Славяне и финно-угры. Археология, история; культура. Доклады Российско-Финляндского симпозиума по вопросам археологии. Санкт-Петербург, 1997. С. 179–185.

¹⁰ *Talvio T.* Entisen Suomen Karjalan esihistorialliset rahalöydöt. Suomen Museo 86. Helsinki, 1979. S. 5–20.

¹¹ *Потин В. М.* Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв. Л., 1968.

¹² *Киртвичиков А. Н.* Историко-археологические исследования древней Корелы (Корельский город XIV в.). Финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 52–74; *Сакса А. И.* Город Корела... С. 184–185.

В. С. СИМАКОВ

◆

КНИГИ,
КОТОРЫЕ МЫ ОСТАВЛЯЕМ

Ученые подсчитали: человек за свою жизнь может прочитать от 7 до 10 тысяч книг, причем если занимается этим регулярно. Но только в нашей стране ежегодно из-под печатного станка появляются десятки тысяч изданий, но говорить о затоваривании книжного рынка не приходится. Как же не утонуть в этом половодье, на чем остановить свое внимание?

Оставим в стороне чисто коммерческие издания-однодневки. В конце концов, что читать и как читать – это личное дело каждого. И все же о некоторых вещах нельзя не задуматься.

«...Каждое создание человеческого духа обладает потенциальной силой. Пока оно существует, всегда могут сложиться обстоятельства, которые призовут его к активной жизни, позволят воздействовать на людские умы, пробуждать любопытство, радость, восхищение. Как часто произведение, презренное современниками, а иногда и самим автором, признанное за порочное и неудачное, в позднейшие века удостоивается славы, знатоки с радостью приветствуют его как живой голос минувшей эпохи», – написал полвека назад известный польский писатель и исследователь писательского творчества Ян Парандовский в своей увлекательной книге «Алхимия слова». К этому можно сделать только одно существенное добавление: есть книги, которые уже при своем создании обречены на признание, они просто необходимы для того, чтобы сохранилась преемственность, не разорвалась связь времен и поколений. Речь не столько о литературно-художественных произведениях, которые имел в виду автор приведенной цитаты, сколько о литературе документально-исторического, краеведческого, информационно-справочного характера. Ибо потребность в подобных изданиях общество испытывало всегда. Насколько беднее мы были бы сейчас, не окажись в нашей сокровищнице таких изданий, как Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, Словарь живого великорусского языка Владимира Даля, без

пыляевского «Старого Петербурга» и сотен других, оставленных нам предшественниками замечательных книг?

Даже переосмысливая историю, оценивая достижения и трагические ошибки предшественников, мы с неослабевающим интересом перечитываем давно напечатанные, зачастую весьма тенденциозно написанные страницы, в которых ярко отражены эпоха, дух ушедших времен и нравов. Мало того, выпущенные по случаю какой-либо круглой даты, канувшие в спецхраны, как в Лету, эти книги возвращаются к нам сегодня и вызывают не меньший интерес, чем при своем первом появлении на свет. Вот разве что восприятие и оценки наши в корне отличаются от тех, что были у наших дедушек и бабушек.

«Литература предназначена для задержания времени в его все уничтожающем беге. Это она запечатлевает в вечном настоящем все, что когда-либо происходило», – утверждает тот же автор. И в этом, пожалуй, состоит главная роль книг, которые мы воспринимаем сегодня как «задержание времени». Кроме того, стремясь к переосмыслению прошлого, мы даем ему оценки, весьма отличающиеся от тех, что давали современники, а значит, по-своему пытаемся это прошлое представить и воссоздать. Но это воссоздание, наше сегодняшнее отношение к происходившему до нас тоже характеризует наше время, нашу эпоху, нашу страну в данный исторический момент. Может быть, не все написанное сегодня будет востребовано, но оно останется в тысячах экземпляров на полках библиотек и хранилищ, и значит, потомки и наследники наши всегда смогут этим воспользоваться, чтобы лучше понять нас и произвести свой суд.

Я не случайно сделал столь обстоятельное вступление, прежде чем перейти к рассказу о работе Ленинградского областного издательства «Вести», которое с 1992 года тесно и плодотворно сотрудничает с правительством области по выпуску военно-патриотической, историко-краеведческой и художественной литературы. Большинство изданий, подготовленных за восемь лет, можно отнести к нашему культурно-историческому наследию, причем не только Невского края, но и всей страны. Достаточно вспомнить, что первый том областной Книги Памяти, подготовленный по заказу правительства к 50-летию Победы, был признан лучшим редакционной коллегией Всероссийской Книги Памяти. Высокую оценку общественности получил и документальный фотоальбом к той же дате «Репортаж из-за линии фронта. Партизанская война в Ленинградской области». Он был выдвинут рядом ветеранских организаций на соискание Государственной премии РФ имени Г. К. Жукова. Через пять лет по решению губернатора Ленинградской области выпущено второе издание – к 55-летию Победы. Интересно, что в адрес Объединенного

совета партизанского движения несколько лет назад пришло письмо из Белоруссии, где местные ветераны благодарили за необычную книгу и сетовали, что в республике, славившейся мощным партизанским движением против фашистских захватчиков, подобного издания до сих пор нет. А вот Книга Памяти об Афганской войне 1979–1989 гг. «Не дай, Отчизна, умолчать...», рассказавшая о не вернувшихся из Афганистана воинах из Ленинградской области, была представлена на соискание Государственной премии РФ в области литературы и искусства правительством области. Ее создатели отмечены почетными грамотами и благодарностями.

И еще один пример. В 1999 г. среди первых лауреатов областной премии «Ладога» имени Александра Прокофьева был известный тосненский поэт и наш автор Николай Рачков. Этой почетной награды, полученной из рук губернатора В. П. Сердюкова, он был удостоен за свои поэтические сборники, один из которых – «Свет мой лазоревый» – вышел в ИПК «Вести». А ведь книжка-то выпущена тиражом в 500 экземпляров – и при этом получила столь замечательный резонанс!

Таким образом, в нашей издательской работе можно четко выделить три важнейшие составляющие: это выпуск при поддержке областных властей военно-патриотической, историко-краеведческой (об этом чуть ниже) и художественной литературы. В настоящее время наиболее значимой является первая, однако было бы весьма перспективным рассматривать их в дальнейшем в нерасторжимом единстве. Предложения на этот счет у нас имеются.

С самого своего создания в 1992 году работники ИПК «Вести» определили одно из главных направлений своей издательской политики, подготовив и выпустив на собственные средства листовую и карманный календари «Памятники истории Отечества в Ленинградской области», а вскоре у нас появился московский заказчик с предложением приступить к выпуску многотомника «Дворянские роды Российской Империи». Это было сложное, многоцветное издание, ставшее для нас хорошей школой профессионального мастерства. Мы подготовили тогда два тома. Но главная тема – народного подвига в Великой Отечественной войне – пришла к нам вместе с важнейшим заказом областного правительства – Книгой Памяти. Предполагалось выпустить 26 томов – мартиролог павших в годы Великой Отечественной войны. Областное правительство, которое и сегодня финансирует его выпуск, поддержало инициативу издательства по созданию первого, вводного, тома, построенного на документально-историческом и мемуарном материале о Ленинградской битве. Спустя пять лет, к 55-летию Победы, мы выпустили аналогично построенный том под

номером 29. Оба они по замыслу составителей должны были стать своеобразным обрамлением для мартиролога павших воинов из Ленинградской области. Последний, как и первый, включает воспоминания участников войны, но, в отличие от него, – только наших ветеранов. Мемуары дополняются журналистской хроникой по освобождению ленинградской земли – это материалы из газет тех незабываемых дней и, кроме того, современные исторические исследования, содержащие новые и никогда ранее не публиковавшиеся материалы.

«Многие из наших соотечественников были погребены безымянными, многие пропали без вести, – пишет в этой книге инвалид Великой Отечественной Б. В. Квартальнов. – Память о наших бойцах, отстоявших Родину, должна остаться у благодарного народа навечно. Именно этому и служит Книга Памяти. Ее составители сумели не только воскресить имена наших земляков, погибших в той величайшей битве народов, но и дали подробные исторические сведения о битве с врагом на Ленинградской земле».

На торжественном вечере, посвященном 55-летию Победы, 350 заслуженных ветеранов из Ленинградской области получили в подарок от губернатора эту новую книгу.

Но вот что характерно: за время, пока издается этот уникальный многотомник, не раз менялись областные руководители, но отношение их к этому изданию всегда оставалось внимательным и уважительным. Это дает надежду на завершение грандиозной работы. Дело в том, что до кризисного 1998-го удалось выпустить в свет 22 тома тиражом в 5 тысяч экземпляров каждого из них. Эти книги силами рабочей группы, представителей правительства направлялись в музеи, школы, библиотеки, храмы – чтобы помнили люди о павших за Родину. Тираж 23-го тома составил уже одну тысячу.

Долг чести издательства и правительства области – довести дело до конца. Должны выйти уже подготовленные к печати тома 24–28, завершающие основной список погибших воинов. Однако за время работы над этим памятником истории и культуры поисковые отряды Ленинградской области обнаружили сотни, тысячи солдатских медальонов. Вот цифры: в 1994-м были обнаружены останки 2409 воинов, в 1995-м – 2819, в 1996-м – 3545, в 1997-м – 2701, в 1998-м – 3576. Продолжалась такая работа и в прошлом, и в нынешнем году. В канун 55-летия Победы торжественная церемония захоронения останков погибших воинов прошла на «Невском пяточке». Не все имена и фамилии, обнаруженные поисковиками, смогли вовремя попасть в подготовленные тома Книги Памяти в силу хроникально-алфавитного принципа построения мемориального издания. Значит, помимо 29 основных томов потребуется выпуск нескольких дополнительных.

Мы предусматривали это в своей издательской программе и надеемся на поддержку и понимание со стороны правительства области. Не случайно редакционная коллегия Всероссийской Книги Памяти, высоко оценивая внимание, которое областные руководители уделяют подобным изданиям, выразила уверенность в том, что работа над Книгой Памяти будет продолжена.

Говоря о Книге Памяти, нельзя не отдать дань уважения коллективу рабочей группы, которую на протяжении пяти лет возглавлял безвременно ушедший от нас Виктор Степанович Белоус, для которого увековечение имен павших воинов стало делом жизни. Именно он в своих многочисленных разъездах по области смог создать большой коллектив помощников и энтузиастов. С болью и радостью вручал он родственникам погибших тома Книги Памяти, ведь люди обращались к нему с просьбой найти могилу отца, деда, брата. Например, много лет искала отца Любовь Васильевна Творогова, по мужу Платоненкова. Побывала и у нас в издательстве «Вести». Ей было важно узнать, что в 28 томе, готовящемся к печати, среди погибших в 1945 году значится фамилия ее отца, В. П. Творогова, погибшего в Восточной Пруссии. Призывался он в армию из Ленинградской области, из деревни Сясьские Рядки. Любовь Васильевна внесла некоторые уточнения в текст. Таким образом, не осталось белых пятен в краткой биографии еще одного воина, а дочь выполнила свой долг перед отцом...

Еще не закончена Книга Памяти 1941–1945 гг., но мы уже давно и всерьез задумались о создании полного сериала Памяти павших в военных конфликтах современной эпохи. Ведь независимо от того, правильные ли решения принимают политики, наши солдаты и офицеры свято выполняли свой долг перед присягой и гибли, защищая интересы своего государства во многих точках земного шара. Умолчать о них – значит исказить нашу историю, утратить часть памяти народной, которая сегодня живет в сердцах родных и близких тех, кто погиб. Сегодня мы вплотную подошли к созданию Книги Памяти советско-финляндской войны 1939–1940 гг. К сожалению, к 60-летию событий выпустить ее не удалось – и причиной тому стали не только материальные сложности, но и во многом отсутствие полных и достоверных сведений о павших на ленинградской земле в той «незнаменитой» и кровопролитной войне. А ведь их имена – главное, ради чего задумывалась и будет выходить эта книга. С другой стороны, своеобразный «добилей» тех событий привел к появлению в печати многих, ранее неизвестных, материалов, которые рабочая группа при издательстве разыскивала в течение нескольких лет, и значительно дополнил наше представление о них. Возникла очевидная необходимость переосмысления и переработки всего, что было

сделано за это время, при сохранении главной задачи – уточнения скорбного списка павших красноармейцев и их командиров.

Помимо закрытости до последнего времени этой темы есть и еще одна объективная трудность – в лесах Карельского перешейка до сего дня лежат останки воинов, павших в двух военных конфликтах – как «зимней», так и Великой Отечественной войн, и зачастую даже поисковики не в силах определить, кто из павших погиб именно в «финскую» кампанию. Мы стараемся по мере возможности привлечь в книгу воспоминания бывших участников советско-финляндской войны, однако не хотели бы превращать ее в новое, осовремененное издание двухтомника «Бои в Финляндии», полностью построенного на мемуарных материалах. Выпущенный по «горячим следам» событий, он сохранил «аромат эпохи», и тем всегда будет интересен читателям. Не хотелось бы превращать Книгу Памяти и в историю «зимней» войны, в хронологический рассказ о том, что было. У Книги Памяти совсем другая задача: в ней мы будем говорить о советских солдатах, выполнявших свой долг, им она и будет посвящена. Несомненно, к концу 2000 года контуры нового мемориального издания будут определены, и при поддержке правительства области книга в течение следующего года сможет увидеть свет. Это позволит закрыть еще одно белое пятно нашей истории, отдать дань памяти и уважения павшим, благодарно отзовется в сердцах ветеранов и их потомков.

В ходе работы над Книгами Памяти в нашем издательстве сложилась еще одна серия военно-патриотических изданий – мемуарная. В разные годы в ней вышли книги М. Пospelова «На невидимом фронте. Записки партизана и военного контрразведчика», И. Салыганова «Морской арсенал на защите Ленинграда», Г. Козырева и Г. Полякова «С боями от Ленинграда до Шверина» и, наконец, уникальные по своему содержанию мемуары Г. Полякова «На трех флотах». Жаль, что последняя книга, переданная Совету ветеранов Ораниенбаумского плацдарма в 1999 году для военной патриотической работы среди молодежи, вышла из печати всего тысячным тиражом: на многочисленных читательских конференциях с участием самого автора (на одной из них в ЦБС Ломоносовского района мне довелось присутствовать и выступать) высказывались просьбы о допечатке тиража. По мнению читателей, именно такие издания нужны сегодня для воспитания молодых людей в духе гордости и преданности своей Родине, для лучшего изучения военной истории России и событий, связанных с родным краем.

Конечно, большая проблема в распространении такой литературы состоит сегодня в том, что она носит абсолютно некоммерческий характер. Подобного рода книги, весьма дорогостоящие, могут

выпускаться только при поддержке властей или меценатов. Хорошо, что в правительстве Ленинградской области мы встречаем понимание того, что эта работа является частью информационно-идеологического обеспечения деятельности самого правительства, его структур. Суть ее состоит в возрождении исторической памяти народа ради возрождения России, подобные издания навсегда остаются нетленными страницами нашей истории, частью летописи народного подвига во имя интересов Отечества.

Сегодня при поддержке Координационного совета по делам ветеранов при губернаторе мы готовим к выпуску интересное исследование доктора исторических наук профессора В. М. Ковальчука «Магистралю мужества», посвященное работе коммуникаций блокадного Ленинграда. Если вопросы финансирования решатся благополучно, то книга сможет выйти к очередной годовщине снятия блокады. Она будет хорошим подарком ветеранам-железнодорожникам, речникам и автомобилистам, трудившимся на «Дороге жизни», а также воинам Ленинградского и Волховского фронтов, защищавшим важнейшие для города транспортные артерии.

В портфеле у нас есть еще несколько рукописей, в том числе сборник воспоминаний ветеранов 45-й гвардейской дивизии, а также документально-исторический очерк о боевом пути 67-й армии «Рожденная блокадой», подготовленный многолетними усилиями генерал-майора в отставке Г. Мирошниченко. Несмотря на очевидную необходимость существенной переработки текста последней рукописи, издательство взяло на себя эту работу, понимая значимость и важность темы для сохранения исторической памяти славных дел и подвигов наших воинов.

Еще одно важнейшее направление издательской деятельности ИПК «Вести» – историко-краеведческое. Ярче всего оно проявилось в год 70-летия нашей области, когда были выпущены сразу две книги – подарочный альбом «Ленинградская область: 70 лет» и сборник очерков о руководителях края «В зеркале времен и судеб». Идеи, заложенные в них, заслуживают продолжения. В частности, издательство располагает интересной рукописью «Портреты земляков на фоне истории России». В этой же серии можно подготовить еще несколько изданий, которые могли бы стать украшением любой библиотеки, тем более, что литературы о Ленинградской области в последнее время выходит до обидного мало. Можно было бы также сделать серию, посвященную отдельным городам и муниципальным образованиям области. Это же касается и справочно-информационной литературы. По заданию правительства мы уже выпускали ряд справочников, в частности, по административно-территориальному делению. Но вот,

например, до сих пор наша область не имеет универсальной Энциклопедии. Мы готовы взять на себя координационную и составительскую работу, но первым шагом могло бы стать соответствующее распоряжение губернатора о подготовке такого издания на базе ИПК «Вести».

Подготовка энциклопедии потребует больших средств и времени, но с учетом предстоящего в 2002 году 75-летия области эта работа была бы весьма своевременной. А уж о ее культурно-историческом и прикладном значении говорить не приходится.

Наконец, еще об одном направлении нашей деятельности, требующей, очевидно, поддержки областного правительства: о выпуске в свет книг литературно-художественных произведений областных авторов. Ситуация для выхода прозаических и поэтических творений сегодня сложилась далеко не самая благополучная, потому что издание любой книги зачастую не по карману автору, а для издательства отнюдь не всегда рентабельно. Речь, уточню, идет о добротной прозе и талантливых стихах, которым не удастся пробиться в свет в потоке коммерческих многотиражных поделок, захлестнувших рынок. Совершенно очевидна необходимость в поддержке наших областных авторов, выпуске художественных произведений, посвященных Ленинградской области или написанных на местных материалах.

Почему бы не спланировать при поддержке правительства и губернатора области целую серию подобных книг? Ведь только членов Союза писателей России помимо уже упоминавшегося Николая Рачкова в области проживает еще несколько, например, в Гатчине – Зоя Бобкова, в Кингисеппе – Владимир Петруничев!

Почему бы под эгидой губернатора и областного правительства и на базе нашего издательства не выпускать литературно-художественный альманах, для начала хотя бы раз в год? Альманах, где были бы представлены проза, поэзия, историко-краеведческие исследования, стал бы хорошей площадкой для раскрытия и развития новых талантов.

Книги, которые мы оставляем, нужны не только нам, но и будущим поколениям. Об этом свидетельствуют многочисленные встречи молодежи с авторами наших книг. Внимательно слушают эти выступления юноши и девушки. Им они понятны и близки. Это – их история, тот самый вечно неиссякаемый источник, из которого они будут черпать силы для тяжелой работы по возрождению и процветанию государства Российского. Очень важно, чтобы молодежь продолжала святое и праведное дело сохранения памяти и лучших традиций народа, потому что в них – залог будущего нашей Родины, связанный корнями с историко-художественным наследием предыдущих поколений.

◆
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Санкт-Петербург, прославившийся на весь мир своими неповторимыми архитектурными ансамблями и эпохальными историческими событиями, оставившими неизгладимый след в памяти человечества, скрывает в своих недрах и памятники иного рода, содержащие вещественные свидетельства минувших эпох. Это древние сооружения, находящиеся в руинированном состоянии, и культурный слой, в которых заключены интереснейшие сведения по предыстории и ранней истории города на Неве.

Трехвековая строительная и хозяйственная деятельность в пределах крупного, быстро растущего промышленного городского центра, каким является Петербург, приводит к постоянному разрушению культурных слоев минувших эпох, скрытых в подземном пространстве, и, следовательно, к уничтожению археологического наследия. Однако в последнее время скептическое отношение к древностям Петербурга постепенно сменяется убежденностью в необходимости их изучения и сохранения.

Археология Петербурга достаточно новое понятие. Долгое время считалось, что Петербург – город, ничего общего не имеющий с археологией. Основанием такого подхода было то, что XVIII век не такая уж древность, а от всего того, что было до этого, – мелких деревушек, представлявших собой, говоря словами Пушкина, – «... приют убогого чухонца», – навряд ли что сохранилось. Однако история освоения земель в устье Невы достаточно богата событиями и восходит еще к доисторическим временам.

Первые стоянки на территории, включенной в настоящее время в пределы Петербурга, – в районе Лахты и Сестрорецкого Разлива, появляются уже в эпоху неолита и раннего металла, когда первобытные люди стали осваивать бескрайние просторы европейского Севера. В средневековье, когда по Неве проходил важнейший торговый путь «из варяг в греки» и «... в арабы», в устье Невы останавливались

купеческие караваны заморских гостей. Об этом красноречиво свидетельствуют обнаруженные здесь клады арабского и западно-европейского серебра и торговые договора Новгорода и городов Ганзейского союза, заключенные в XIII–XIV столетиях. Здесь же размещалась морская стража земли Ижорской, контролировавшая продвижение по водному пути и защищавшая купцов от нападений разбойников. Эти земли на протяжении столетий были и полем брани, где русские войска отстаивали свободный выход в Балтику от шведских вторжений. В ряду этих сражений: Невская битва 1240 г., происшедшая в устье реки Ижоры, сражение за Ландскрону – 1300–1301 гг. – на реке Охте и ряд других менее значимых столкновений.

После основания крепости Орешек, в XIV в., устье Невы начинает интенсивно осваиваться русским и ижорским населением. В результате этой земледельческой колонизации в последующие столетия здесь формируется развитая поселенческая структура, включавшая погосты, села и деревни, которые были связаны между собой и с административными центрами, водными и сухопутными путями. Уже в XV–XVI вв. поселения в устье Невы включаются в международную торговлю, вследствие чего здесь, в устье реки Охты, начинается развиваться поселение с городскими чертами. Уже в 1521 г. в шведском документе упомянут располагавшийся здесь город Ниен, а в русских документах XVI в. это поселение носит название Невское устье. Однако окончательное его оформление в городской центр происходит только в следующем столетии, уже под властью шведской короны.

Во время русско-шведской войны, в 1611 г., по приказу шведского короля в устье Охты была сооружена крепость Ниеншанц. Первые привилегии на основание здесь города Ниена были подписаны королем Густавом II Адольфом в 1632 г. В течение последующих десяти лет королева Кристина пожаловала Ниену полные городские права.

В ходе XVII столетия крепость перестраивалась и модернизировалась. В середине этого века на мысу левого берега Охты располагался земляной замок с пятью бастиянами – в форме звезды, южнее которого, с напольной стороны, мыс защищал вал с тремя бастиянами. Город размещался на противоположном – правом – берегу Охты. В центре его, в окружении усадеб знатных горожан, располагались: ратуша, шведская и немецкая церкви, школа, порт и торговая площадь.

В четвертый год Северной войны – 25 апреля 1703 года – русские войска под командованием Петра I и фельдмаршала Шереметева начали штурм Ниеншанца. После массивной бомбардировки 1 мая комендант Яков Аполлов сдал крепость. Ниеншанц

был переименован Петром I в Шлотбург. Здесь же, на военном совете, было принято решение строить новую крепость у устья Невы. Время не пощадило Ниеншанц, однако его руины еще долго возвышались на мысу у устья Охты. Последние следы его укреплений были скрыты уже в середине нашего столетия.

Таким образом, Санкт-Петербург возник вовсе не на пустом месте и в некотором роде унаследовал многое от предшествующего времени. Так в первые годы своего существования он занимал: Заячий остров, южную половину Петроградского и северную часть Адмиралтейского островов, а также Стрелку Васильевского острова, перекрывая тем самым территории наиболее крупных населенных пунктов, непрерывно существовавших здесь с позднесредневекового времени. Далее городская территория простиралась вдоль берегов Невы, до устья реки Охты, на уже освоенных ранее, свободных от леса, сухих территориях.

Интересно, что в начальный период новый город развивался в основном в соответствии со старыми русскими градостроительными традициями, когда центром являлись крепость и находящийся под ее защитой посад с торговой площадью. На окраинах стихийно возникали и развивались слободы, подразделявшиеся по национальному, военному, ремесленному или профессиональному признакам. Как правило, они не имели регулярной планировки. Отдельные окраинные районы города того времени на Петроградском, Васильевском и Адмиралтейском островах, на Выборгской и Московской сторонах напоминают традиционную – кончанскую – систему формирования городской застройки в русских городах.

За три столетия существования Санкт-Петербурга его облик претерпел значительные изменения. Сотни храмов, дворцов, административных и промышленных зданий, представляющих собой частички истории города, да и всей России, были по разным причинам утрачены. Исчезли с лица земли многие фортификационные сооружения и некрополи Петербурга.

Осознание ценности культурного слоя исторических городов Северо-Запада происходило с начала XX в. Уже Н. К. Рерих ставил этот вопрос в отношении Новгорода. Но только после широкомасштабных археологических раскопок третьей четверти нашего столетия в них стали приниматься местные законы об охране археологического культурного слоя. В 1969 г. такой закон был принят в Новгороде, в 1974 г. – в Пскове, в 1984 г. – в отношении исторического пространства Старой Ладogi. Во всех случаях инициаторами их разработки и принятия становились специализированные археологиче-

ские учреждения. На территории Петербурга с 1960-х гг. существуют охраняемые зоны архитектурных и ландшафтных объектов, однако в них нет упоминания ни об археологии, ни о культурном слое.

Результатом археологических раскопок последних лет стало то, что понятие «археология Санкт-Петербурга» все больше входит в научный обиход и становится достоянием городской культуры. В 1990-е годы Санкт-Петербургской археологической экспедицией была инициирована программа изучения, сохранения и использования объектов археологического наследия Санкт-Петербурга.

К настоящему времени, в результате разведочных раскопок и систематического наблюдения за земляными и строительными работами, в городе собрана и систематизирована значительная по объему информация о мощности и состоянии культурных напластований в центральных и окраинных районах города. На ее основе формируется база данных по археологическим объектам и культурному слою на территории Петербурга. В числе учтенных объектов различных эпох только в центральных районах города: 67 позднесредневековых поселений, 141 дворец и усадьба, 25 производственных комплексов, 48 учреждений, 137 храмов, 33 некрополя, 15 фортификационных сооружений, 15 кладов и отдельных находок монет и предметов, представляющих историко-культурную ценность. 12 стоянок первобытного человека зафиксированы в окраинных районах Петербурга. Предлагается придать статус памятников археологии сохранившимся памятникам архитектуры, в числе которых: 36 храмов, 90 дворцов, 38 учреждений, 9 садов и парков, 4 фортификационных сооружения.

С накоплением сведений по археологическому культурному слою и объектам, по программе «Археология Петербурга», была начата работа по их паспортизации и разработке «Проекта археологических зон охраны». Решение этой проблемы в соответствии с законодательством по охране памятников истории и культуры позволит более эффективно сохранять и использовать объекты археологического наследия. В 1998 г. были утверждены паспорта на первые 10 памятников археологии на территории Петербурга. Ими стали: стоянки р-на Сестрорецкого Разлива и Лахты, Ниен, Ниеншанц, поле Невской битвы, позднесредневековые поселения и земляная фортификация в Усть-Ижоре, земляная крепость в Красном Селе, Троицкий Петровский собор.

Была выработана концепция сохранения археологического культурного слоя Большого Петербурга, проведено историко-археологическое зонирование территории города, основанное на материалах ранее проводившихся археологических изысканий, данных

инженерно-геологического бурения, исторических документах и картографических материалах. Проект предполагает выделение на территории города нескольких зон охраны с соответствующими режимами. Выбор того или иного охранного режима связан с историко-культурной значимостью, степенью сохранности и состоянием изученности тех или иных археологических объектов, участков культурного слоя.

Изучение и сохранение археологического наследия Санкт-Петербурга должно сопровождаться включением выявляемых археологических объектов в число памятников истории и культуры города. Успешно осуществленными проектами такого рода музеефикации могут служить: петровский Зимний дворец, обнаруженный под зданием Эрмитажного театра, и первоначальные сооружения Невской куртины в Петропавловской крепости. Реализация этих проектов наглядно продемонстрировала хорошую сохранность отдельных раннепетербургских памятников и привлекательность экспонирования археологических древностей Петербурга.

Одним из памятников, связанных с допетровской эпохой невыходских берегов, был дуб, окруженный оградой из стволов пушек крепости Ниеншанц. Стоял он на территории Петрозавода, построенного, как известно, на месте шведской фортеции. По преданию, он был посажен Петром Великим на могиле погибших русских воинов.

Памятник не сохранился до наших дней. В годы блокады взрыв вражеской бомбы расщепил ствол гигантского исполина. После войны на его месте было посажено новое дерево. Однако и оно было снесено в 1970-е гг. при строительстве новых корпусов Петрозавода. Потом о памятнике как-то забыли.

Когда в 1993 году в устье Охты были начаты археологические раскопы, на одной из складских площадок завода были обнаружены стволы старинных чугунных пушек, происходивших из той самой ограды дуба. Есть сведения, что они были подняты со дна Охты около 100 лет назад и включены в ограду дуба только в канун празднования 200-летнего юбилея столицы. Тем не менее было установлено, что по конструктивным признакам они относятся к XVII веку – и непосредственно связаны с Ниеншанцем.

Как бы то ни было, дуб в ограде из орудийных стволов на Охте был единственным памятником не только взятию Ниеншанца, но и тем далеким временам, когда еще не было северной столицы, а на ее месте появлялись и исчезали села и города, воздвигались и разрушались крепости, велась оживленная торговля и бурлила жизнь. К сожалению, на земной поверхности ничего не сохранилось из того далекого прошлого.

Уже один из первых историков Петербурга А. И. Богданов выступал за сохранение крепости на Охте как исторического памятника, причисляя его к антиквитетам – немногочисленным древностям устья Невы. Другой известный историк города, И. Г. Попов, в 1903 г. отмечал плачевное состояние руин Ниеншанца и сетовал по этому поводу на то, что мы не умеем оберегать исторические памятники наши.

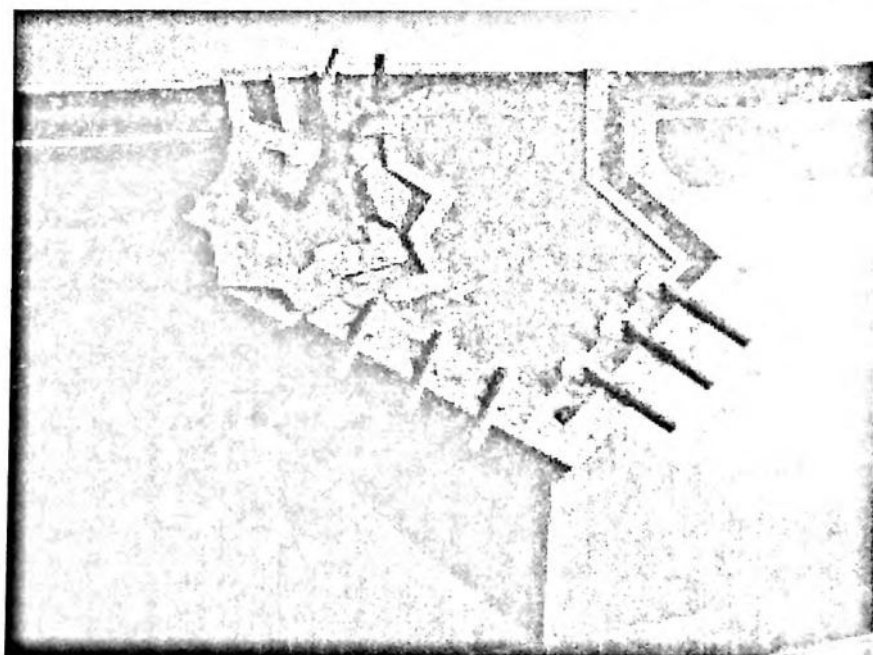
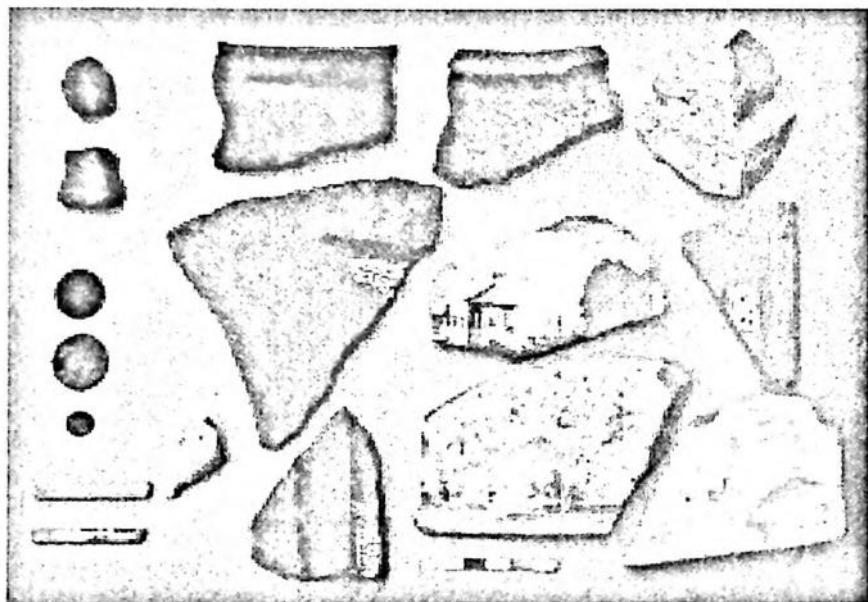
Идея воссоздания памятника на месте Ниеншанца в новом облике возникла еще в 1993 г., однако реализовать ее удалось только в 2000 г. Местом сооружения Памятного знака, посвященного Ниеншанцу, был выбран береговой склон перед зданием Петрозавода у Большеохтинского моста, где в прошлом располагался один из бастионов Ниеншанца.

Памятник представляет собой гранитный бастион, на котором установлены старинные орудия. Здесь же, на мемориальной доске, размещена информация о Ландскроне, Невском устье и Ниеншанце, ставшем предтечей Санкт-Петербурга, а также выбита историческая карта города Ниена 1698 г. с экспликацией. У бастиона сооружен гранитный макет исторической крепости в форме звезды. Внутри ее посажен новый дуб в знак преемственности эпох, как напоминание о богатом прошлом невских берегов.

Раскопки Троицкого Петровского собора, проводившиеся в 1996–1999 гг. Санкт-Петербургской археологической экспедицией, выявили руины храма. Они дали интересные материалы для его последующей мемориализации. Она может быть осуществлена путем обозначения плана исторического храма на земной поверхности специальной вымосткой, с экспонированием отдельных участков выявленных фундаментов.

Проекты музефикации и мемориализации историко-археологических объектов на территории города могут включать широчайший комплекс мероприятий, суть которых сводится к органичному включению в городскую среду памятников археологии. Эти проекты предполагают: экспонирование руинированных остатков и археологических находок, обнаруживаемых в процессе раскопок, сооружение памятных знаков и создание макетов утраченных памятников в месте их расположения, установку щитов, памятных досок и знаков с информацией, включение в топонимику города старых названий.

Разумное использование этого достояния позволит не только сохранить архив исторической информации, но и расширить историко-культурный потенциал Петербурга включением в него целого пласта новых памятников истории и культуры и созданием археоло-

Археологические находки из раскопок Троицкого Петровского собора:
ружейные кремни, монеты, курительные трубки, фрагменты
керамических сосудов, черепицы печных изразцов

Памятный знак крепости Ниеншанц.

Авторы проекта: В. А. Ретто, П. Е. Сорокин

Руины Троицкого Петровского собора. Археологические раскопки. 1999 г.

гических музейных объектов и экспозиций и связанных с ними туристических маршрутов.

Возвращение частичек утраченного прошлого города на Неве особо значимо и символично в канун его 300-летия, когда вспоминается и оценивается все созданное и утраченное, подводятся итоги и строятся планы на будущее.

ЛИТЕРАТУРА

Богданов А. И. Описание Санкт-Петербурга. СПб., 1997.

Грач А. Д. Археология Петербурга. М.; Л., 1957.

Михайлов Г. В. Зимние дворцы Петра I // Музей № 9. 1988.

Попов И. Г. Введение в историю Санкт-Петербурга. СПб., 1903.

Приамурский Г. Г. Санкт-Петербург и судьба Ниеншанца. Стокгольм, 1998.

Рерих Н. К. Сочинения. Книга 1. М., 1914.

Сорокин П. Е. Археологические исследования и проблемы сохранения культурного слоя на территории Санкт-Петербурга // Археология Петербурга. Вып. 1. СПб., 1996.

СОКРОВИЩНИЦЫ КУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ

Г. В. ДЛУЖНЕВСКАЯ

**ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И АРХИТЕКТУРА
СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО РЕГИОНА РОССИИ
В ФОТОГРАФИЯХ XIX—XX ВЕКОВ**

**Материалы фотоархива
Института истории материальной культуры
Российской Академии наук (Санкт-Петербург)**

Фотография как вид искусства и научной фиксации существует с середины XIX столетия, а специализированный фотоархив Института истории материальной культуры Российской Академии наук (ИИМК РАН) как научно вспомогательное подразделение в структуре учреждения, не раз менявшего свое название, – с декабря 1918 г. Фактической же датой его организации следует считать 8 февраля 1859 года, когда император Александр II подписал распоряжение о создании Императорской Археологической комиссии. Коллекция фотографий и негативов комиссии легла в основу обширного собрания, о котором пойдет речь. Правда, в кратком обзоре практически невозможно представить все разнообразие фотодокументов, хранящихся в архивохранилище ИИМК РАН. На данный момент это более миллиона двухсот тысяч негативов и позитивов, восемь кинофильмов.

В фотоархиве 75 фондов учреждений, организаций и фондов личного происхождения. Фотодокументы, связанные с Санкт-Петербургской губернией – Ленинградской областью и, в целом, с Северо-Западным регионом России, можно найти в большинстве из них.

Среди фотографий и негативов Императорской Археологической комиссии (далее – ИАК), существовавшей с 1859 по 1917 г., сохранились материалы дореволюционных археологических исследований, реставрационных работ и весьма хорошо организованной деятельности комиссии по охране памятников на территории Российской империи.

Фотосъемку члены комиссии начали производить с 1870-х годов, но уже с середины XIX в. в библиотеке ИАК собирались и хранились фотографии по археологии, архитектуре и другим областям истории и культуры. Негативы по технологическим причинам еще не могли долго храниться. Сразу же после съемки фотограф делал отпечатки, а через некоторое время на стеклянном негативе выступали соли, тогда первое изображение смывалось, а стекла использовались вторично.

Поэтому, например, никогда не будут найдены негативы круговой панорамы Санкт-Петербурга 1861 года, впервые увидевшей свет в 1993 г. (СПб., 1993). Панорама поступила в архив в 1919 году вместе с библиотекой Мраморного дворца и представляет собой полосу высотой 37 см и длиной 4 м 65 см, смонтированную из 13 кадров. Судя по всему, она когда-то была повешена для обозрения в одном из дворцов Константиновичей: Мраморном, Павловском или Стрельнинском. Несмотря на то, что в фотоархиве большое количество снимков интерьеров этих дворцов, ни на одном из них, к сожалению, не видно данных фотографий.

Фотограф-любитель, офицер морского флота, с громоздким оборудованием и необходимыми химикатами неоднократно поднимался на башню Адмиралтейства. Вероятнее всего он начал съемку от Конногвардейского манежа и продолжил ее вдоль зданий Сената и Синода. На панораме видны Николаевский мост, первый постоянный мост через Неву, правый берег реки от Горного института до Петропавловской крепости, Зимний дворец, простор Дворцовой площади, перспективы Невского проспекта, Гороховой улицы, Вознесенского проспекта и Исаакиевский собор. Выдержка при съемке была большой, поэтому все объекты, находившиеся в движении, либо не зафиксировались, либо имеют размытые очертания. На двух кадрах видна тень от шпиля Адмиралтейства, а снимок Дворцовой площади был сделан в середине июля примерно в 15 часов 40 минут, что удалось высчитать по тени, отбрасываемой Александровской колонной в сторону Главного штаба. Появилась и надежда узнать имя мастера, но этому будет предшествовать длительный поиск документа в Российском государственном архиве военно-морского флота. Документ может представлять разрешение на съемку или рапорт о подношении фотографий великому князю Константину Николаевичу, в 1855–1883 годах управлявшему флотом и морским ведомством.

Отмечу еще серию снимков нашего города, который готовится к своему трехсотлетию юбилею. Первый снимок датируется 1853 годом и происходит из фонда графов Шуваловых. Это работа И. Бианки – фотография Пантелеймоновского цепного моста через Фонтанку, по которому Александр Сергеевич Пушкин ходил «в Летний сад как в огород». В 1856–1859 гг. были сделаны фотографии Александринского театра, Большого Каменного театра, на месте которого позже построена Консерватория, Голландской церкви на Невском проспекте, Исаакиевской площади. Два снимка открытия памятника императора Николая I на площади перед Мариинским дворцом могут быть датированы совершенно точно – 7 июля 1859 г.

В 1870-х годах была произведена съемка императорских и великокняжеских дворцов Петербурга: Зимнего, Аничкова, Мраморного; Греческой церкви на Лиговском проспекте, на этом месте в настоящее время находится концертный зал «Октябрьский». Сохранились и 80 фотографий 1890-х гг. великолепного Стрельнинского дворца, разоренного и до сих пор не восстановленного, представляющие общие виды, виды фасадов и интерьеры дворца, принадлежавшего, как и Мраморный в Петербурге, великим князьям Константиновичам.

Вернемся к материалам из фонда Императорской Археологической комиссии. Задачи, поставленные перед комиссией, определяют разнообразие сохранившихся материалов. Здесь множество снимков памятников древнерусской архитектуры, процесса реставрации архитектурных памятников, монументальной и церковной живописи. Первые съемки древнего Пскова, имеются в виду материалы фотоархива ИИМК РАН, были произведены в 1871 году К. Кампрада. Они сделаны в технике легкой сепии (слегка коричневатые) и показывают Псков, каким он был в последней четверти XIX в. В 1880–1890-х гг. фиксацией памятников древних Пскова и Новгорода наиболее активно занимались академики архитектуры Г. И. Котов, В. В. Суслов и сотрудничавший с Императорскими Академией художеств и Археологической комиссией член-корреспондент Московского археологического общества фотограф Иван Федорович Барщевский. По заданию ИАК в 1900-х гг. работали архитектор-реставратор П. П. Покрышкин и Б. К. Рерих, брат Н. К. Рериха. Съемка графической документации и музейных коллекций осуществлялась Иваном Федоровичем Чистяковым, бессменным фотографом Археологической комиссии и Академии истории материальной культуры с 1896 до 1935 г., собственно основателем специализированного фотоархива. Фотографом-любителем Н. Г. Матвеевым произведена съемка практически всех памятников Пскова, и его снимки отличаются особо высокой художественной выразительностью. Канцелярский работник Академии художеств, фотограф-любитель Николай Григорьевич Матвеев (1867–1918), мастер высочайшего класса, снимал в Петербурге и его окрестностях с 1892 по 1914 год. Он работал с В. Я. Курбатовым над изданием ряда монографий последнего. Сохранился его единственный «автопортрет», получившийся во время съемки интерьеров Таврического дворца при фотографировании каминного зеркала. Самым подробным образом зафиксирован процесс реставрации новгородской церкви Спаса Нередицы 1198 г., возвышающейся на берегу речки Спасской, в 1 км к востоку от Рюрикова городища, проведенной в 1903–1904 гг. академиком П. П. Покрышкиным (не менее 500 фотодокументов).

С именами академика В. В. Сулова (лето 1883 г.), художника И. Я. Билибина (1903–1905 гг.), реставраторов Д. В. Милеева (1905–1913 гг.) и Ф. А. Измарагдова-Каликина (1912, 1920 г.), архитектора К. К. Романова (1912–1917 гг.), И. Ф. Чистякова связаны и работы в Карелии.

Ценнейшие документы – фотокопии знаменитых «калек» академика архитектуры Владимира Васильевича Сулова (1857–1922) с фресок Георгиевской церкви в Старой Ладоге находятся в фонде Русского археологического общества в Петербурге–Петрограде, существовавшего с 1846 по 1925 г., и в его личном фонде. Кроме того, среди его материалов большое количество снимков памятников деревянного зодчества и крепостных сооружений в Старой Ладоге и Копорье.

Иван Яковлевич Билибин совершил по заданию ИАК большую поездку по Северо-Западу России, и его, исходя из снимков, более всего интересовало деревянное зодчество этого края. Увиденное во время поездки использовано им в последующих художественных работах, декорациях к театральным постановкам. Сейчас в архиве образован специальный фонд биолога Мстислава Николаевича Потоцкого (1920–1998), сына И. Я. Билибина, и преподавателя Ирины Алексеевны Потаповой (род. в 1914 г.), в котором сконцентрированы фотографии и негативы, сделанные художником как во время поездок по Северо-Западу, так и путешествий 1920-х гг. по Востоку. Кроме того, альбомы, посвященные строительству железной дороги Псков–Нарва в 1914 г. и Волховской ГЭС в 1920-х годах.

Архитектор, художник Константин Константинович Романов (1882–1942) в 1910-х годах неоднократно бывал по заданию ИАК в Северных и Северо-Западных районах России с архитектурными и этнологическими обследованиями. В 1913 г. он присутствовал на раскопках Н. И. Репникова в Старой Ладоге и сделал ряд снимков. Археолог Николай Иванович Репников (1882–1940) проводил в Старой Ладоге разведочные работы в 1909–1910 гг. и раскопки в 1911–1913 гг. на Земляном городище, где им было вскрыто 780 кв. м культурного слоя, достигавшего мощности 3 м. Исследования были проведены широкой площадью с планомерной фото- и графической фиксацией. Большая часть материалов Н. И. Репникова отложилась в фондах ИАК и ГАИМК–ИИМК АН СССР, так же как и удивительные по исполнению фотоснимки 1911–1912 гг. обследования памятников церковной архитектуры, в основном часовен и крестов в Новолодожском уезде. Документы по Старой Ладоге имеются и в фонде археолога Александра Андреевича Спицына (1858–1931). В его огромной коллекции находятся также фотодокументы фик-

сации проводившихся им в 1910 г. раскопок в Лужском уезде (могильник у д. Малый Удрай). Ни один исследователь не обошел вниманием древнюю Ладогу. Присутствуют они и в фондах археолога академика Александра Александровича Миллера (1875–1935) – фотографии по разведке, проводившейся им в Старой Ладоге в 1922 г., и историка искусства Леонида Антоновича Мацулевича (1886 – 1959) – фотофиксация фресок Георгиевской церкви Старой Ладоги, выполненная в 1910–1920-х годах. Кроме того, среди материалов Л. А. Мацулевича снимки с памятников древнерусской монументальной живописи и архитектуры, предметов художественного ремесла: Новгород (росписи Спас Нередицы, Волотовской церкви, Ковалевской церкви Федора Стратилата; наружные виды ряда храмов; детальная фиксация Корсунских врат и утвари Софийского собора), Псков, Изборск, Псково-Печерский монастырь, Старая Ладога (роспись Георгиевской церкви), Владимир (Успенский и Дмитриевский соборы), Суздаль, Переяслав, Юрьев Польской и др.

Отметим пересъемку находок из кладов и раскопок конца XIX–XX вв. на территории России. По его инициативе была сделана съемка предметов церковного серебра, экспонировавшихся в Эрмитаже в 1922 г. и позже исчезнувших, следовательно, сохранившихся только на фотоснимках.

Археолог Павел Александрович Раппопорт (1913–1988) – один из основоположников археологического изучения церковной архитектуры – снимал в Старой Ладоге в 1948 г. В материалах к его работам – реконструкции крепостных сооружений Северо-Запада.

Продолжателями дела членов ИАК – археологических исследований и не только на Северо-Западе, но и по всей территории России, – стали Государственная Академия истории материальной культуры (1919–1937) – Ленинградское отделение Института истории материальной культуры АН СССР (1937–1959) – Ленинградское отделение Института археологии АН СССР (1959–1992) и Институт истории материальной культуры РАН (с 1992). Одно только перечисление фотодокументов займет не один десяток страниц: фотографии и негативы археологических, антропологических и этнографических исследований на Северо-Западе (фиксация процесса полевых исследований, фотокопии графической документации, снимки находок и музейных экспонатов; материалы к работам; фотографии обитателей Ленинградской области; бытовых и производственных моментов), а также документы реставрационных работ; регистрационные материалы по постановке на учет историко-культурных памятников; результаты новостроечных работ и обследования большого Ленинграда, проводившегося в 1920-х гг. плеядой молодых ученых:

В. И. Равдоникасом, М. И. Артамоновым, П. Н. Третьяковым и другими. Археологические исследования достигли своего апогея в середине столетия, менее активно в силу экономического положения страны проводятся в настоящее время и непременно будут продолжаться следующими поколениями археологов.

Работы по фиксации памятников архитектуры были особенно популярны в 1920-е гг. Можно отметить регистрационные снимки 1919–1928 гг. памятников архитектуры Петрограда–Ленинграда и области, сохранившиеся в Ленинградском Государственном музейном фонде, а также регистрационные снимки архитектурных памятников Ленинградской области, сделанные сотрудником Эрмитажа, реставратором Ф. А. Каликиным в 1920–1928 гг. Они выполнялись по заказу Ленинградской Реставрационной мастерской Главнауки, существовавшей в 1918–1930 гг. и занимавшейся в те годы реставрацией Адмиралтейского шпиля, Ростральных колонн, Исаакиевского собора, скульптур у Горного института, в кухонном корпусе Елагина дворца и др.; в Новгороде производилась реставрация церкви Рождества на кладбище и звонницы Софийского собора; в Старой Ладогге – церкви Георгия, а также фиксация ряда древних зданий Пскова. В фонде Комитета популяризации художественных изданий, поступившем в 1932 г., материалы 1890–1920 гг. (1706 негативов, 379 отпечатков, 375 открыток). В собрание вошли материалы собственно Комитета и унаследованные им в 1920 г. от Издательства Общины Св. Евгении и Общества поощрения художеств в Петербурге видовые снимки 1896–1917 гг. городов и местностей европейской части России (Петербург–Петроград, его пригороды и др.) и Сибири; снимки картин собраний Эрмитажа, Русского музея и др. и «Выставки исторических портретов 1905 г. в Таврическом дворце»; снимки с предметов внутреннего убранства особняков старого Петербурга и Павловского дворца (мебель, бронза, скульптура, фарфор, ковры). В архиве фотоархива имеется рукописная опись (на 172 страницах) собрания открыток Издательства Общины Св. Евгении, завершенная в 1917 году.

Тогда, едва ли не впервые, снимали и золотили корабль со шпиля Адмиралтейства, летящий над Петербургом. Около 500 снимков реставрационных работ могли бы, вероятно, оказаться полезными при реставрации 1990-х гг., но остались невостребованными современными специалистами. Скорее всего, это не вина реставраторов, а наша общая беда – отсутствие доступной информации об архивных материалах. Абсолютно необходимо издание каталогов, обзоров, перечней, и чем более подробными они будут, тем достовернее будет реставрация памятников культуры. Напомню, что в свое время

Рис. 1. Псков. Троицкий и Благовещенский соборы.
Фото Н. Г. Матвеева, 1912 г.

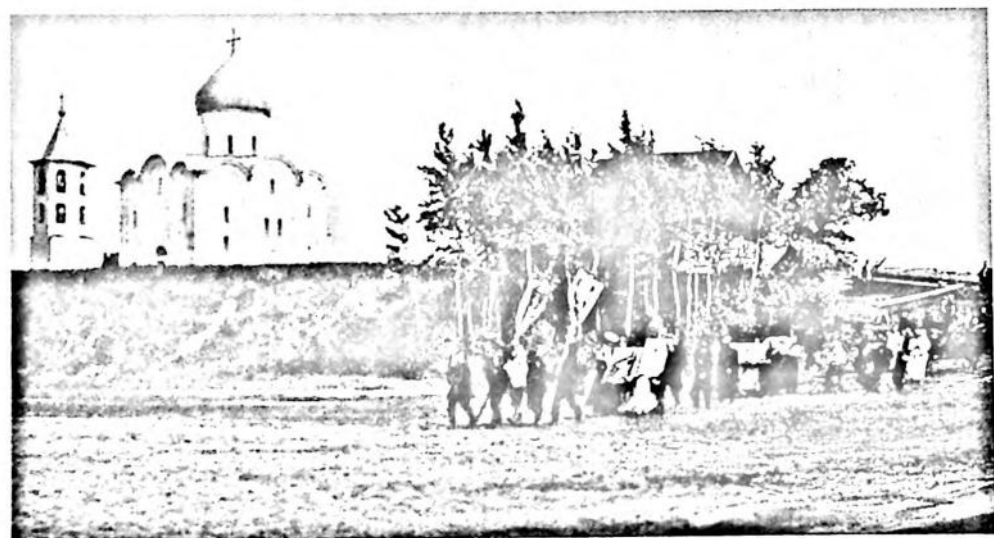
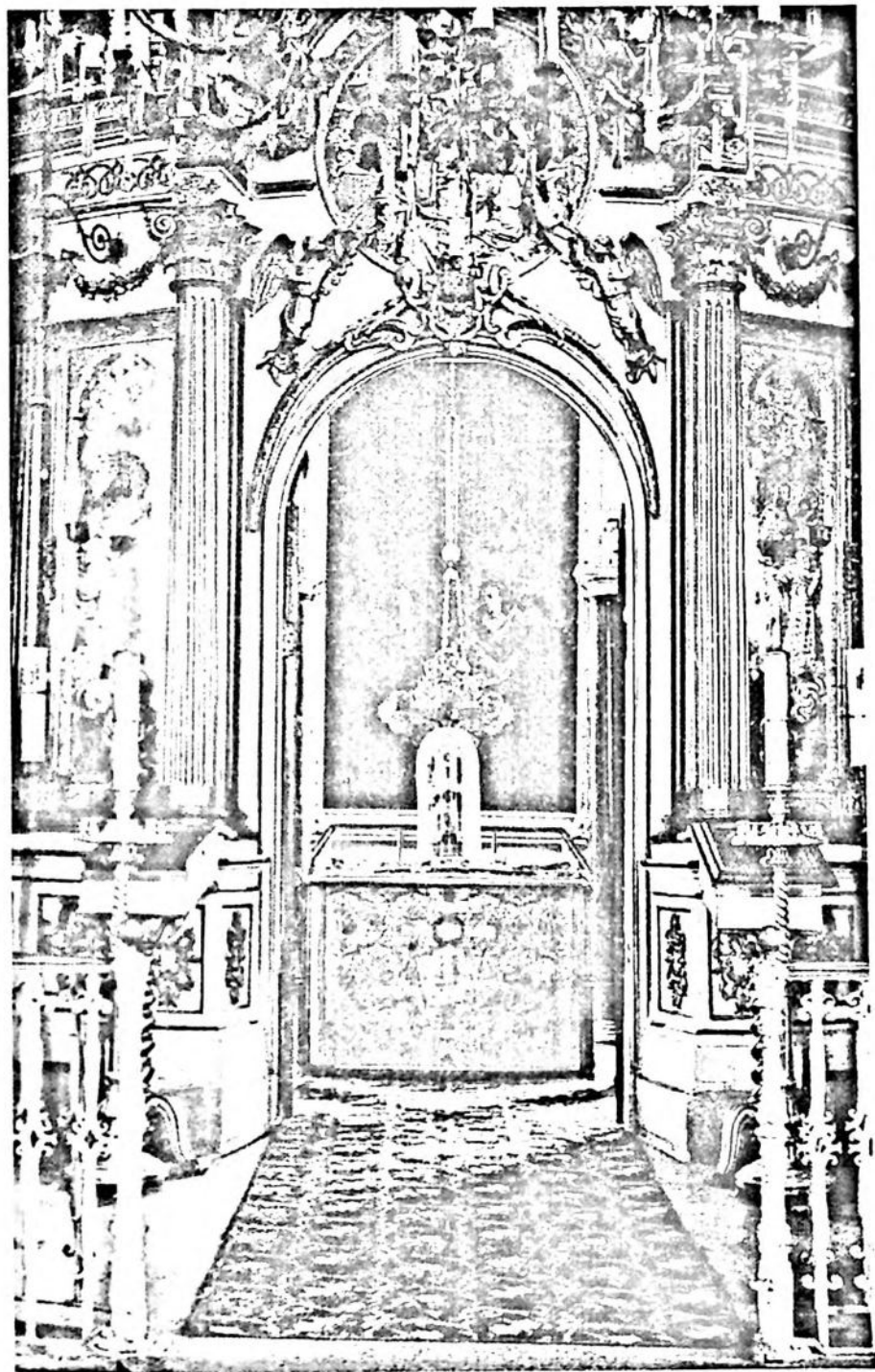

Рис. 2. Новгород. Крестный ход у церкви Спаса Нередицы.
Фото Л. А. Мацулевича, 1909 г.

Рис. 3. Ямбург. Екатерининский собор (1762–1782 гг.).
Фото И. Ф. Чистякова, 1909 г.

Рис. 4. Ямбург. Екатерининский собор. Вид алтаря через открытые царские врата. →
Фото И. Ф. Чистякова, 1909 г.

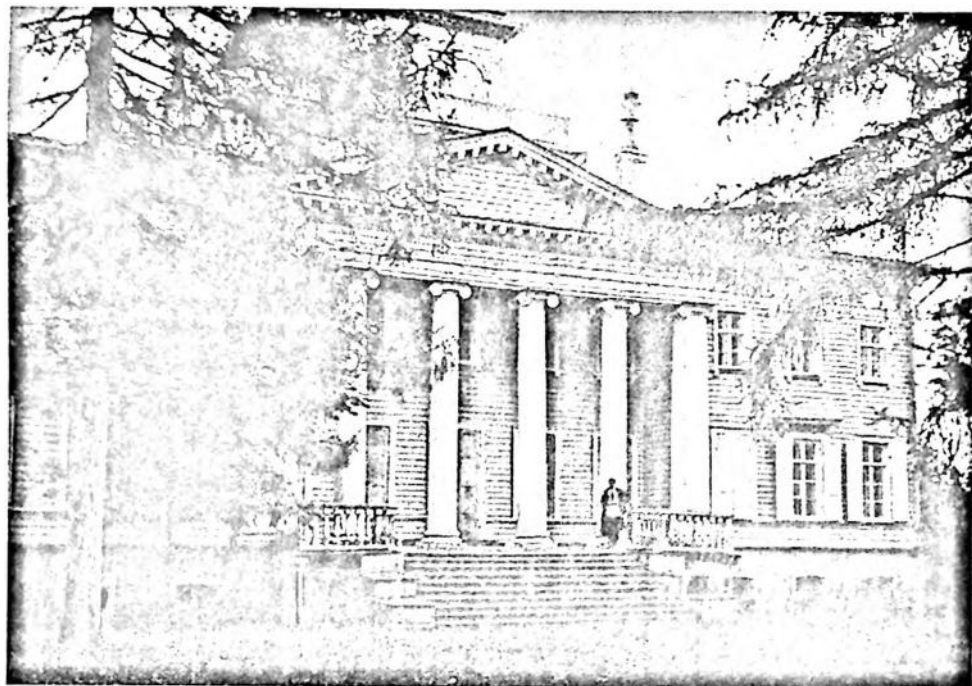

Рис. 5. Усадьба Набоковых «Рождествено». Вид барского дома.
Фото начала XX в.

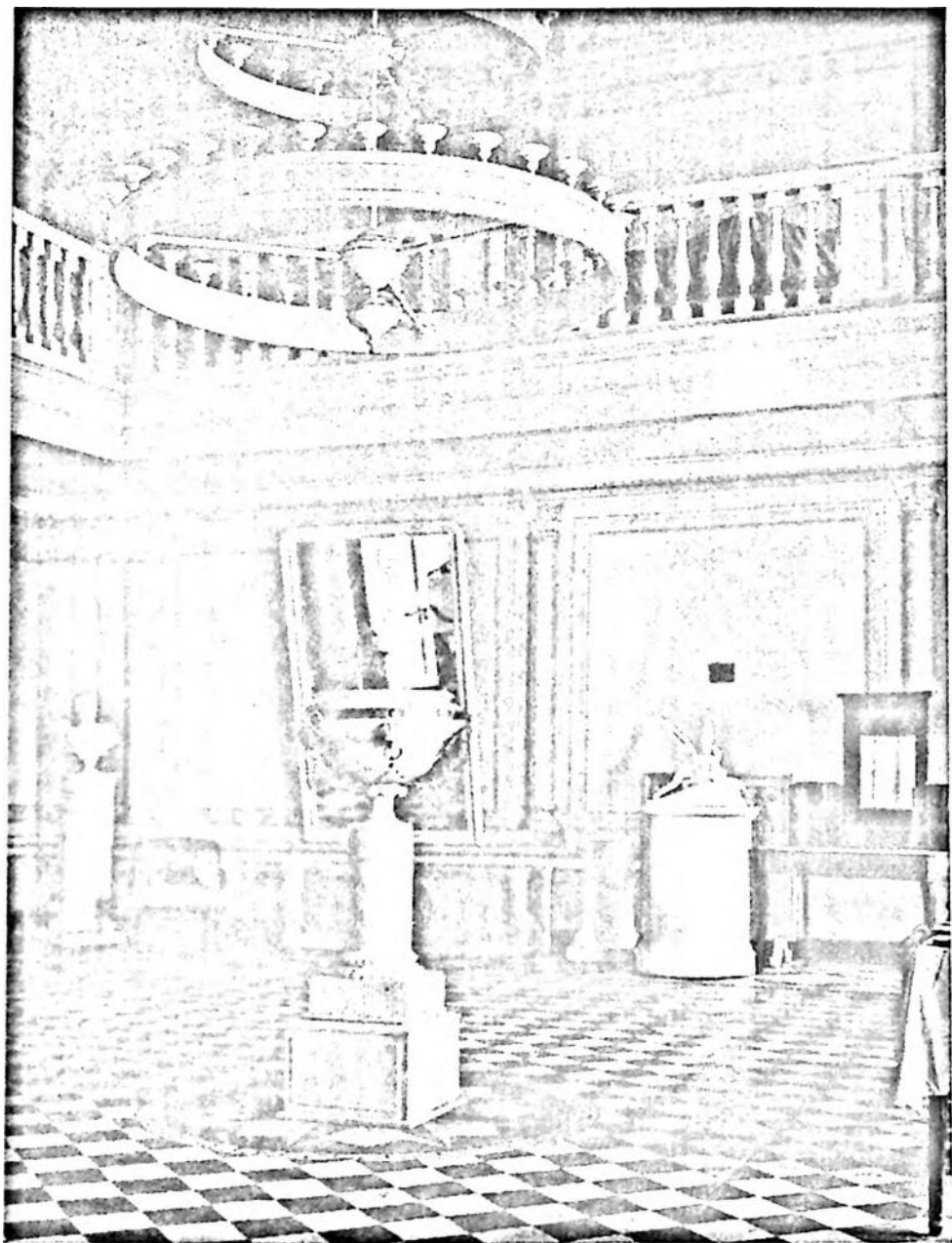

Рис. 6. Усадьба «Рождествено». Вид одной из комнат.
Фото начала XX в.

Рис. 7. Деревня Космозеро.
Церкви Успенская и Св. Александра
Свирского.
Фото Ф. А. Морозова, 1926 г.

Рис. 8. Деревня Космозеро.
Участники игры-комедии
«Пахомушка».
Фото Ф. А. Морозова, 1926 г.

Рис. 9. Старая Ладога.
Церковь Св. Георгия.
Фото И. Ф. Чистякова, 1896 г.

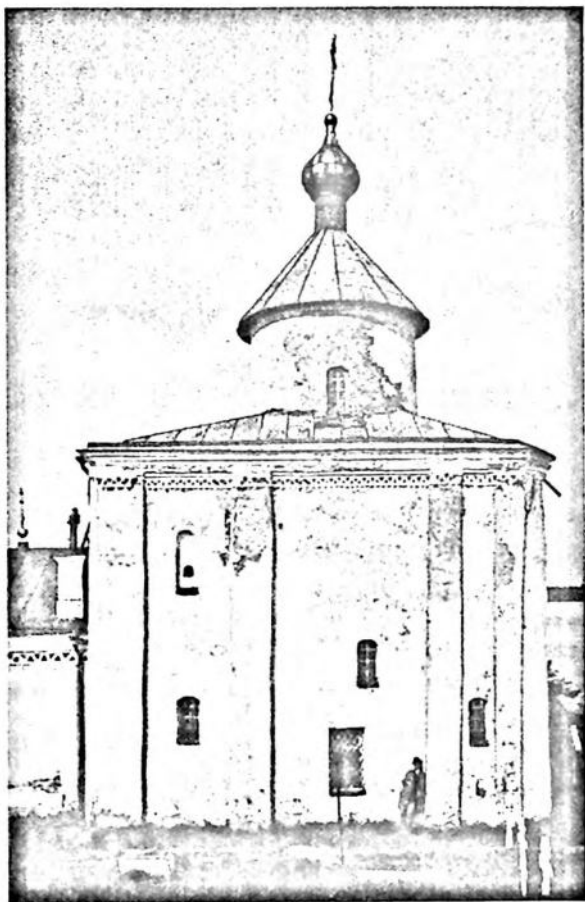

Рис. 10. Старая Ладога.
Раскопки Земляного
городища Н. И. Решниковым
в 1913 г.
Фото В. М. Маицкина, 1913 г.

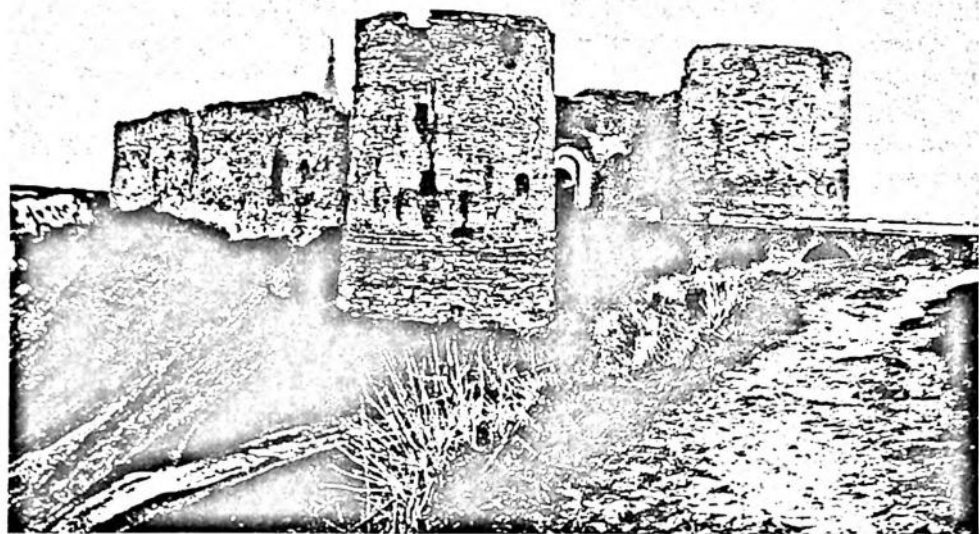

Рис. 11. Крепость Копорье.
Фото художника Г. П. Кондратенко, 1900-е гг.

Рис. 12. Петербург. Невский проспект у Гостиного двора.
Фото Шашкова, 1908 г.

воссоздание Янтарной комнаты Екатерининского дворца в Царском Селе (Пушкине) началось с 18 снимков фотографа ИИМК АН СССР Георгия Владимировича Занковича (1906–1942), погибшего во время Отечественной войны. В самый последний предвоенный год он сделал их по заданию Комитета по охране памятников.

Исключительный интерес представляют снимки некрополей Москвы, Петербурга, Кронштадта, Гатчины и в Мартышкино, произведенные фотографом А. Т. Лебедевым в 1906–1908 гг. специально для издания книги великого князя Николая Михайловича по русским некрополям. Каждый снимок сопровождается ценнейшими пояснительными текстами – своеобразными паспортами, включающими не только имена, отчества, фамилии и даты жизни усопших, надписи на памятниках, но иногда даже сведения генеалогического характера.

Историк искусства Герольд Иванович Вздорнов (род. в 1936 г.) почти четверть века посвятил фотофиксации памятников архитектуры России, Украины, в том числе имеются снимки по Северо-Западу России.

Произошедшее в 1992 году изменение статуса и названия института (вместо Ленинградского отделения Института археологии он называется Институт истории материальной культуры РАН) позволило значительно расширить возможности комплектования фотоархива: образованы личные фонды экономиста М. М. Казаса (фотографии 1870-х гг. по Западной Европе и 1890-х гг. – по Тверской губернии, открытки 1910–1920-х гг.); военного историка Т. И. Воробьева (фотооткрытки 1940–1960-х гг. с видами городов и произведений искусства, учетные паспорта памятников, посвященных героям Гражданской и Великой Отечественной войны и др.); архитектора И. Б. Медведева (архитектура северной и центральной России); историка В. А. Калининна и инженера В. В. Калининной (современные светские и церковные обряды); фотографа С. А. Арсентьева (Ленинград–Петербург, Кронштадт, форты – снимки последней четверти XX века). После довольно длительного перерыва, в течение которого в фотоархив поступали только материалы, связанные с археологическими исследованиями сотрудников института, появилась возможность принимать на хранение архивы второй половины нашего столетия, ибо то, что кажется нам сейчас малоинтересным, через четверть века будет смотреться и восприниматься совсем иначе. Отмечу еще одну большую коллекцию материалов 1930–1950-х годов по Ленинграду и Ленинградской области. Художник, фотограф, участник ряда фотовыставок и фотоальбомов Михаил Антонович Мицкевич (1896–1958) был корреспондентом ленинградских газет и оставался в блокадном городе. Среди его высокопрофессиональных снимков – фотографии

бытовых и производственных моментов в колхозах и совхозах области, в том числе в 1941–1945 гг., а также восстановления после войны городов Тихвин, Кингисепп и других. Еще не имеется описей, после составления которых можно будет дать более подробную характеристику материалов фонда, но уже сейчас составители посчитали необходимым включить эти материалы в иллюстрированный каталог по Ленинградской области «Санкт-Петербургская губерния – Ленинградская область в старых фотографиях». Каталог был подготовлен в 1997 г. при финансовой поддержке Санкт-Петербургского научного центра РАН, но издание его не состоялось по независящим от архива обстоятельствам. Он включает *Введение*, в котором кратко изложена история фотоархива и представлены фонды, содержащие материалы по Санкт-Петербургской губернии – Ленинградской области. В данном каталоге: *Раздел I* посвящен археологии Ленинградской области. В конце его приведены списки экспедиций, отрядов и их руководителей. *Раздел II*. Материалы к работам исследователей. *Раздел III*. Персоналия (портреты и групповые снимки археологов, проводивших исследования в Ленинградской области). *Раздел IV*. Архитектура Ленинградской области: архивные данные о крепостной, гражданской и культовой архитектуре, а также об этнологических и антропологических исследованиях. В каталог включено *200 фотографий* и приведены образцы паспарту дореволюционных фотомастеров, работавших в Петербурге и губернии. Общий объем каталога 15 печатных листов. К величайшему сожалению, он не дошел до исследователей в опубликованном виде и сохраняется в архиве в виде CD-Rom'a.

Следует отметить еще два больших тематических обзора «Псков в материалах фотоархива ИИМК РАН»¹ и «Господин Великий Новгород».

В фотоархиве ИИМК РАН хранится 1868 негативов, 1859 отпечатков и 91 открытка по Пскову (всего 3818 ед. хр.), датируемых 1871–1983 гг. В 1920-х гг. особенно большие работы были произведены архитектором К. К. Романовым. Археологические исследования 1960–1980-х гг. связаны с именами А. Н. Кирпичникова, О. В. Овсянникова, В. И. Кильдюшевского. Наследие Ю. П. Спегальского, архитектора, реставратора, специалиста в области архитектурной археологии, выражается в чертежах, планах и реконструкциях псковских строений. Изданные в начале XX в. открытки собраны в фондах ИАК

¹ Длужневская Г. В. Псков в материалах фотоархива ИИМК РАН // Приложение 2 в книге «В. Д. Белецкий. Псковский кремль в планах и изображениях XVII–XIX вв.». СПб., 1997. С. 48–61.

и ГАИМК. Обзор включил данные о кремле, монастырях, соборах, церквях, различных сооружениях, музеях, по археологии.

Идея представить обзор фотодокументов по Новгороду непосредственно связана с 20-летним юбилеем работ Новгородской экспедиции Уральского университета (начальник экспедиции профессор Б. Б. Овчинникова). В фотоархиве хранится 2613 негативов, 2858 отпечатков и 199 открыток по памятникам древнего Новгорода (всего 5670 ед. хр.), систематизированных в *разделах*: планы и общие виды, монастыри, соборы, церкви, различные сооружения, музеи и древности, археология.

Археологические работы в Новгороде, и снова имеются в виду материалы рассматриваемого фотоархива, проводились в 1930-х гг. А. В. Арциховским и М. К. Каргером; М. К. Каргер продолжал исследовать памятники Новгорода вплоть до 1970-х гг., П. А. Раппопорт начал работать в Новгороде в 1948 г., многие памятники исследованы А. Н. Кирпичниковым. В два последние десятилетия активно работает экспедиция на Рюриковом городище под руководством Е. Н. Носова. Изданные в начале XX в. открытки собраны в фондах ИАК и ГАИМК¹.

Подготовлен обзор материалов по Карелии (более 1500 фотодокументов – негативы, отпечатки и открытки). В 1920–1930-е годы ГАИМК были организованы: Заонежская экспедиция в 1926 г. (нач. К. К. Романов, фотограф Ф. А. Морозов), Карельская экспедиция в 1929 г. (нач. В. И. Равдоникас), Беломоро-Балтийская в 1934 г. (нач. Г. П. Гроздилов). В 1962 г. в Карелии работала искусствовед Э. С. Смирнова (Архангельская экспедиция ГРМ). В 1971–1973 гг. в Приозерске (Кексгольме) исследовал крепостные сооружения А. Н. Кирпичников.

О фотодокументах по Северо-Западу России, хранящихся в фотоархиве ИИМК РАН, можно узнать из нескольких статей и тезисов:

Девель Т. М. Обзорение коллекций собрания фотоархива Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР // СА. Т. XII. 1950. С. 289–336.

Доманская Э. С., Пескарева К. М. Ленинградское отделение Института археологии АН СССР (ЛО ИА) // Краткий справочник по научно-отраслевым и мемориальным архивам АН СССР. М., 1979. С. 28–44.

¹ *Длужневская Г. В.* Господин Великий Новгород. Материалы фотоархива Института истории материальной культуры Российской Академии наук // Проблемы истории России. Вып. третий. Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Сборник научных трудов. Екатеринбург, 2000. С. 135–184.

Калинин В. А., Лазаревская Н. А. Материалы Н. Е. Бранденбурга в собрании фотоархива Института истории материальной культуры Российской Академии наук // Сборник материалов, вып. 8. Семнадцатое заседание древнерусского семинара «Храм и культура». Чтения памяти Н. Е. Бранденбурга (1839–1903). ТД. СПб., 1995. С. 37–42.

Ленинградская область в старых фотографиях. Каталог фотоархива Института истории материальной культуры РАН // СПб., 1997 (CD-ROM).

Длузневская Г. В. Фотография – память народов. Материалы фотоархива ИИМК РАН // Культурное наследие Российского государства. СПб., 1998. С. 99–118.

Моисеева Н. Д. История Троице-Петровского собора на Петербургской стороне // Quaderni La Ricerca. Numero 6. Montagnola, 1999. 66 р., илл.

Лазаревская Н. А. Художественные коллекции дворца Шуваловых на Фонтанке, 21. К постановке проблемы изучения (по материалам фотоархива ИИМК РАН) // Петербургские чтения–98, 99. СПб., 1999. С. 209–214.

Санкт-Петербург в фотографиях и документах. Аннотированный каталог фотоархива ИИМК РАН по градостроительству, архитектуре, декоративно-прикладному искусству Петербурга XVIII–XX вв. // СПб., 1999 (CD-ROM).

Фотодокументы по Северо-Западу России использованы в изданиях: Ленинградская область (СПб., ИПК «Вести», 1997), Ленинградская область (СПб., изд. «Лики России», 1997), *А. Н. Куртчишников, В. Д. Сарабьянов.* Старая Ладога – древняя столица Руси (СПб., 1996) и других.

Специализированный фотоархив сам по себе как структура, сохраняющая только негативы и позитивы, – явление весьма уникальное. В России их всего три – в Москве, Санкт-Петербурге и архив, о котором идет речь (во всем мире такого рода собраний – около 500, включая и такие, которые содержат до 100 единиц). Фотоархив, в котором хранятся более 1 200 000 единиц негативов и позитивов по многим областям человеческих знаний: архитектура, живопись, скульптура, декоративно-прикладное искусство, антропология, этнология, археология, история, история искусств, музееведение, сфрагистика, нумизматика и так далее, и так далее – тем более уникальное явление. В собрании нет дагерротипов, появившихся в 1839 г., но имеются тальботипы (1840-е гг., Оксфорд, Великобритания); оригинальные фотоснимки, сделанные в то время, когда негативы не могли сохраниться по техническим причинам (мокроколлоидный способ); негативы и отпечатки разных размеров, негативы на стекле и на пленке, и т. д.,

и т. п., что позволяет считать данный фотоархив музейным собранием, показывающим развитие фотографии на протяжении полутора веков ее существования.

Таким образом, в фондах фотоархива ИИМК РАН отложились, сохраняются, научно и технически обрабатываются ценнейшие фотодокументы по истории и культуре России, в частности, Северо-Западного региона страны. Фотоархив не является просто «складом» или «хранилищем» документов. Материалы участвуют в выставках, организуемых Центральным Выставочным залом, Ленинградским областным музеем, Научной библиотекой Академии художеств, музеем-усадьбой Н. К. Рериха в Изваре и другими музеями и библиотеками. Сотрудники фотоархива выступают с докладами на чтениях, конференциях, симпозиумах, представляя фонды фотоархива. Архив, несмотря на различные трудности, живет и комплектуется, пытается сохранить для потомков бесценные сокровища, собранные предшественниками и нашими современниками.

Материалы фотоархива использованы во многих очерках, статьях, монографиях, как выходявших ранее, так и издающихся ныне. Можно сказать, что постепенно начинает пробуждаться интерес к старой фотографии, а это позволит не только «раскрыть» фонды архива, но и ознакомить с ними как узкий круг специалистов, так и широкие слои интересующейся публики. Хочется надеяться, что со временем будет подготовлен ряд лазерных дисков по разной тематике, а это уже не только ознакомление любителей старины с материалами фотоархива, но и создание страхового фонда. Фотоархив ИИМК РАН без преувеличения выдающееся собрание документальных ценностей. Это собрание не только запечатлело национальную память, но содержит обширные, точные в своей наглядности материалы для воссоздания исторического прошлого нашего Отечества.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАИМК	– Государственная академия истории материальной культуры
ГРМ	– Государственный Русский музей
ИАК	– Императорская Археологическая комиссия
ИИМК АН СССР	– Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
ЛО ИА	– Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
РАН	– Российская Академия наук
СА	– Советская археология
ТД	– Тезисы докладов

И. В. ДУБОВ

◆
**МУЗЕЙ ЭТНОГРАФИИ —
СОБРАНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА**

В конце прошлого века возникла острая необходимость в создании в России национального этнографического центра, где были бы сосредоточены собрания по культуре и быту многочисленных народов, населявших обширную Российскую Империю. В 1902 г. был организован Этнографический отдел, находившийся в составе Русского музея императора Александра III в Санкт-Петербурге, в 1934 г. преобразованный в самостоятельный музей. Однако еще в 1923 году впервые на суд посетителей были представлены экспозиции по культуре русских, украинцев, белорусов, народов Кавказа, Средней Азии, Казахстана, Поволжья, Сибири и Дальнего Востока, некоторые зарубежные коллекции славянских стран. В 1970-х–1980-х годах Российский Этнографический музей (современное название) сформировался как главное хранилище и один из ведущих в современной России этнографических музейных, научно-исследовательских, методических и просветительских центров, которому нет аналогов в стране и за рубежом.

С самого начала донаторами музея стали как представители правящей элиты – ведущие деятели имперской России, – так и их непримиримые оппоненты в лице политических ссыльных. Провинциальная интеллигенция, духовенство, купечество, чиновники, собиратели-коллекционеры, а также русские ученые-этнографы, археологи, востоковеды, филологи внесли свой вклад в создание музея и формирование его коллекций.

Следует назвать людей, стоявших у истоков Этнографического отдела – Российского Этнографического музея.

Дмитрий Александрович Клеменц (1848–1914) – археолог, этнограф, востоковед, публицист. Один из организаторов сибирского чуда – Минусинского музея – и создатель, и первый заведующий Этнографического отдела Русского музея Императора Александра III. Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский (1827–1914) – академик, видный географ, статистик, общественный деятель. Федор Кондратьевич

Волков (1847–1918) – этнограф, антрополог, археолог, много сделавший для формирования украинских коллекций музея. Александр Александрович Миллер (1872–1933) – археолог и этнограф-кавказовед, директор Русского музея. Александр Николаевич Веселовский (1838–1906) – академик, литературовед, фольклорист. Владимир Васильевич Стасов (1824–1906) – академик, филолог, археолог, этнограф, литературовед, фольклорист. Александр Николаевич Харузин (1864–1932) – известный этнограф и антрополог. Александр Иванович Соболевский (1856–1929) – академик, востоковед, фольклорист, этнограф. Василий Васильевич Радлов (1837–1918) – академик, востоковед, этнограф, директор Петербургской Кунсткамеры. В советское время в разные годы в музее трудились видные ученые и музейные деятели: Д. А. Золотарев, С. И. Руденко, С. А. Теплоухов, М. П. Грязнов, Л. П. Потапов, Е. И. Студенецкая, Т. А. Крюкова и многие другие. Именно благодаря этим и другим ученым и музеоведам, их неустанным трудам, и обязан своим возникновением и развитием первый в России национальный Этнографический музей.

Фонды Этнографического отдела складывались путем пожертвований, покупок и, главным образом, собирательской деятельности на местах. Систематические экспедиционные сборы коллекций по разработанной крупнейшими этнографами страны программе начались в 1901 году.

Особое место среди первых коллекций занимают предметы, подаренные членам императорской семьи представителями народов, проживавших на территории Российской Империи. Это были главным образом подносные блюда, ковры, полотенца, парадное оружие, украшения, одежда, предметы культа. Отметим также вещи, приобретенные для музея членами семьи Романовых, в основном самим Николаем II. Для этого выделялись специальные, как мы сейчас бы сказали «целевые», ассигнования, ибо казенное финансирование музея, в том числе и на закупку коллекций, было крайне скудным. Это были частные собрания, которые намеревались продавать, в том числе и за границу.

Среди них выделяются коллекции князя Э. Э. Ухтомского (1902 г.), А. А. Боголюбова (1903 г.), Н. Л. Шабельской (1905 г.), А. В. Верещагина (1906 г.), В. Н. Васильева (1911 г.), П. К. Козлова (1911 г.), Ф. М. Плюшкина (1913 г.). В их числе, как мы видим, и представители знати (кн. Э. Э. Ухтомский), и богатые меценаты (Н. Л. Шабельская), и крупные ученые (востоковед, академик П. К. Козлов), и представители торгового сословия (псковский купец Ф. М. Плюшкин). Положителен уже сам по себе тот факт, что лично император и его семья вкладывали деньги в формирование коллекций

национального музея. Впрочем, это было в то время характерно для большинства императорских и королевских династий Европы.

«Первым, неопределимым в научном отношении по богатству и разнообразию, является дар Его Императорского Величества Государя Императора – богатейшая коллекция предметов буддийского культа, собранная князем Э. Э. Ухтомским. Вторым ценным вкладом в собрание музея является приобретенная на средства Его Величества и принесенная в дар Государем Императором коллекция русских старинных вышивок и тканей, собранная Н. Л. Шабельской и представляющая редкое по полноте и высокому достоинству отдельных предметов собрание, известное не только в России, но и в Западной Европе». (Очерк о деятельности Этнографического отдела с 1902 по 1909 год.) Эти коллекции, безусловно, стали жемчужиной Российского Этнографического музея, но отнюдь не только они являются нашим подлинным богатством.

В 1920-е годы собрание музея существенно пополнилось за счет экспедиционных сборов на русском Севере, Украине, в Средней Азии, а также вследствие передачи предметов народного быта из бывших дворцов: Зимнего, Аничкова, Гатчинского, Екатерининского из Царского Села и других. В их числе были объекты коллекционирования самих царей и великих князей. Это предметы русской старины, ковры из собрания Николая II, парадное и наградное оружие, в основном холодное, тонкими знатоками и страстными любителями которого были все Романовы и их ближайшее окружение. Тогда же в музей поступили подношения Императорской фамилии от эмиров Бухарских, дары казаков и народов Кавказа Императору Александру III во время его путешествия в 1888 году.

Ныне фонды музея содержат около полумиллиона экспонатов, которые включают также уникальные архивные источники и фотоматериалы. Они представляют культуру и быт более чем ста пятидесяти народов, входивших в состав Российской Империи, Советского Союза, наконец, Российской Федерации.

Коллекции, которыми располагает музей, являются ценнейшим историческим источником и позволяют всесторонне изучать хозяйство, различные ремесла, орудия труда, средства передвижения и предметы дорожного быта, одежду и украшения, типы жилищ и их убранство, утварь, праздники и развлечения, воспитание детей, народный спорт. Тематика собраний чрезвычайно обширна. Имеющиеся в коллекциях орудия сельскохозяйственного труда: земледелия и скотоводства, охоты, рыболовства, пчеловодства – позволяют убедиться в их технической целесообразности, приспособленности к условиям природы и местности. Отметим далее тысячи инструментов

домашних промыслов и ремесел, связанных с обработкой растительных волокон, шерсти, шелка, кожи, дерева, камня, кости, металлов. Наряду с готовыми изделиями народных мастеров, многие предметы представлены в различных стадиях изготовления, что важно для изучения их технологии.

Разные типы жилища, хозяйственные постройки, усадьбы, селения регионов страны запечатлены главным образом на фотоснимках, чертежах и рисунках, хранящихся в фототеке и архиве музея. Некоторые типы сборных жилищ кочевников – чумы, яранги, балаганы, юрты – имеются в музее, и это позволяет экспонировать их в натуре. Кроме того, хранятся и экспонируются различные элементы украшения домов, особенно много русской деревянной резьбы и украинских настенных росписей.

Большую часть коллекций музея составляют костюмы. Народная одежда, как один из устойчивых элементов материальной и духовной культуры, демонстрирует не только этнические особенности, но и уровень экономического развития, имущественное положение, религиозные воззрения человека. На формирование народного костюма повлияли особенности исторического развития народов, географическая среда, производственная деятельность. Среди экспонатов – одежда разного назначения: повседневная и праздничная, сезонная, промысловая, обрядовая. В ней отражены возрастные особенности и семейное положение.

В собрании музея представлен в комплексах и отдельными предметами русский народный костюм почти всех областей России. Имеется одежда, изготовленная из узорных тканей и украшенная вышивкой, бисером и жемчугом. Уникальна коллекция верхней одежды из северных губерний. Таковы, например, женские шубы конца XIX века, сохранившие старинный покрой. Не менее ценны старинные костюмы и головные уборы крестьянок южных губерний: поневы с нашитыми оберегами от нечистой силы, рогатые кички. Коллекцией костюмов народов самого многонационального в стране региона располагает отдел Кавказа. Некоторые костюмы народностей Дагестана являются в настоящее время большой редкостью и отсутствуют в музейных собраниях.

В коллекциях отдела Сибири заслуживает упоминания орнаментированная одежда народов Приамурья из рыбьих кож; чукотские камлейки (верхняя непромокаемая промысловая одежда), сшитые из кишок морского зверя и искусно украшенные птичьими клювами и перышками; рубахи хантов (население Приобья) из крапивного волокна с полихромной вышивкой шерстяными нитками; шаманские костюмы эвенков, алтайцев, нанайцев.

Среди великолепных, отличающихся исключительной полнотой подбора одежды народов Поволжья и Приуралья выделяются мордовские поясные украшения, богато орнаментированные бисером, раковинами каури, металлическими блестками, пуговицами, длинной бахромой из шерстяных нитей, и единственный сохранившийся экземпляр старинного головного убора башкирок, украшенный серебряными монетами и металлическими бляхами, кораллами, бисером и сердоликом.

Из Средней Азии происходят старинные головные уборы казахской и каракалпакской невест; облачение нищенствующего дервиша; современная, богатая, вышитая одежда горных таджиков.

Исключительную научную ценность имеют коллекции памятников духовной культуры, связанные с забытыми народными верованиями XIX–начала XX веков, отражающие религиозные верования народностей Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера. Это нанайские идолы и амулеты, оберегающие от разных напастей и болезней; принадлежности медвежьего культа у нивхов и связанного с ним праздника; комплект эвенкийского шаманского мольбища, состоящий более чем из ста предметов. Хранятся и экспонируются всевозможные обереги от злых духов; изображения собственно духов – покровителей семьи; предметы родовых молений.

Отметим необычные праздничные и обрядовые маски русских, литовцев, молдаван, народов Кавказа; разнообразные атрибуты новогодних, масленичных, пасхальных и других обрядов, связанных с игрищами ряженых у разных народов. Назовем русский весенне-летний обряд «вождение русалки в образе ряженого коня», молдавское новогоднее представление ряженых «маланка», кубачинское (Дагестан) осеннее игрище неженатой молодежи.

Сохраняются, изучаются и экспонируются предметы, имеющие этнографическую ценность и связанные с праздниками скотоводов (бурятский сурбахан, якутский иссыях) и земледельцев (татарский сабантуй, праздники урожая у других народов).

К числу особо редких можно отнести изделия, связанные с народными знаниями. Это различные деревянные календари, счетные бирки, «множительная таблица» русских крестьян, самодельные безмены, весы, мерки, приборы для предсказания погоды. В музее хранятся редчайшие образцы пиктографического (рисуночного) письма на дереве и бересте народов Сибири и Дальнего Востока, относящиеся к дописьменному периоду их развития.

К редкостным относятся коллекции кукольных театров и музыкальных инструментов. Сохранился уникальный экземпляр белорусского народного кукольного театра XIX века «батлейка» или «вертеп»;

русский кукольный театр «раек» XIX века с куклами драмы «Царь Град»; узбекские кукольные театры начала XX века с наборами кукол перчаточных и марионеток, а также народные музыкальные инструменты сопровождения представлений. Коллекция музыкальных инструментов насчитывает более полутора тысяч предметов и дает достаточно полное представление о музыкальной народной жизни в XIX– начале XX веках. Здесь хранятся редкие образцы кантеле и цитр Прибалтики, берестяные трубы народов Поволжья, струнные и ударные инструменты, происходящие с Кавказа и из Средней Азии, музыкальные инструменты народов Сибири, около ста шаманских бубнов.

Русские мастерицы из городов Торжок, Каргополь, Сольвычегодск славились в XIX веке золотым шитьем. Оно в основном украшало одежду придворных, духовенства, купечества, праздничные крестьянские наряды. Это свадебные сарафаны, головные платки и шали. Татарки вышивали золотыми нитками головные колпаки и тюбетейки. Вышивка серебряными и золотыми нитками была распространена у народов Кавказа, особенно в одежде знатных женщин. В Средней Азии золотым шитьем украшали халаты, головные уборы, обувь, конское снаряжение.

Реки русского Севера были богаты жемчугом, который широко применялся в ювелирном искусстве и для украшений женских головных уборов Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний. Сохранились кокошники, венцы, повязки, украшенные речным жемчугом, форма и детали отделки которых зависели от возраста и социального положения женщины. Весьма разнообразна гамма русских кружев промыслов михайловских, елецких, галичских, балахнинских, киринских и, конечно, знаменитых вологодских.

Ценнейшей частью фондов музея является коллекция ковров, насчитывающая до тысячи экземпляров. Представлены ковры из Средней Азии, Кавказа, Украины, Молдавии, Юго-Восточной Прибалтики. Примечательно собрание среднеазиатских ковров. Это ковры напольные, настенные, ковровые полосы для опоясывания юрт, настенные сумки, мешки для хранения утвари, одежды, соли; попоны, переметные сумы, наседельники, ковровые сундуки. Киргизские, казахские, башкирские, дагестанские войлоки являются существенным дополнением ковровой коллекции музея.

Отметим далее изделия известных русских центров резьбы, росписи, инкрустации по дереву, включая деревянную игрушку. Образцы лаковой живописи позволяют достаточно полно представить народные промыслы – Федоскино, Холуй, Палех, Мстера.

Чрезвычайно велика и представительна коллекция керамики, наиболее ценные образцы которой датируются началом XVIII века.

Сохранившиеся образцы демонстрируют свою выделку от простейшей лепки, выполненной без употребления гончарного круга, до сложнейших приемов, представленных скопинскими декоративными сосудами (покрытыми глазурью зеленого или коричневого цвета) или знаменитой гжельской майоликой.

Искусство художественной обработки металлов издревле известно у многих народов. В фондах русского отдела хранятся уникальные изделия кузнечной работы XVII–XVIII веков – кованые светцы, ларцы, ювелирные украшения и металлическая утварь. В коллекциях музея представлены такие известные центры, как Великий Устюг (черненное серебро), Жостово (расписные подносы), Красное-на-Волге (филигрань), Ростов Ярославский (финифть). Серебряные ювелирные украшения занимают достойное место в собраниях Прибалтики, Поволжья, Сибири, Кавказа, Средней Азии и других регионов Евразии.

Значительны и многообразны в фондах музея изделия косторезного искусства. Здесь доминируют русский Север и Сибирь. Русские холмогорские мастера-косторезы (Архангельская губерния) изготавливали из кости гребни, ларцы, комодики-туалеты и многое другое. Особый интерес вызывают изделия из моржовых клыков чукотских и эскимосских мастеров. Якутская резьба из бивня мамонта представлена в музее шкатулками, чоронами (кубками) ажурной работы и различными скульптурами.

У многих народов, занимавшихся охотой и скотоводством, были, естественно, широко распространены вещи из кожи. Кожаные налущья и колчаны для стрел у казахов, киргизов, башкир украшались растительным орнаментом, выполненным в технике тиснения. Кожаные пояса, сумки, обувь гуцулов (Карпаты) отделялись аппликацией, металлическими украшениями. Своеобразной отраслью народного искусства является татарская мозаика из мягких сафьяновых известных кож, применявшаяся еще в XIX–начале XX веков для изготовления узорной обуви. У народов обского Севера – ненцев, селькупов, хантов, манси – была распространена меховая мозаика, которой украшали одежду и обувь, преимущественно женскую.

В последнее время в музее существенно оживилась издательская деятельность. Это прежде всего научная и популярная литература.

Отметим основные издания. Это прежде всего сборник статей «Пигмалион музейного дела в России», посвященный 150-летию со дня рождения нашего первого директора Дмитрия Александровича Клеменца. Его авторами являются ведущие ученые – этнографы, историки, археологи, востоковеды – сотрудники музея, институтов РАН, университета и других ведущих научных центров Санкт-Петербурга.

Благодаря содействию Российского гуманитарного научного фонда опубликован справочник «Атрибуция музейного памятника», в котором рассмотрены вопросы методики атрибуции этнографических предметов и создания на них паспортов. Вторая часть справочника – это понятийный толковый словарь и классификатор терминов. Справочник создан опытными сотрудниками музея, пользуется большой популярностью среди музейщиков России и является первым такого типа изданием.

Кроме того, опубликованы материалы научной конференции, проведенной на базе музея, «Время и календарь в традиционной культуре». В этом сборнике представлены работы ученых целого ряда городов России – Санкт-Петербурга, Москвы, Новосибирска, Петрозаводска, Улан-Удэ и ряда других. Публикация такого сборника имеет особое значение, ибо он увидел свет на рубеже тысячелетий.

Начата работа над серией брошюр для первого в России Детского этнографического центра, созданного в нашем музее. Первые две уже опубликованы. Это «Как я стал археологом» и «Добро пожаловать в музей». В ближайшее время будет издан сборник статей, посвященный памяти ведущего исследователя народов Поволжья, сотрудника нашего музея Татьяны Александровны Крюковой. Готовится к печати сборник материалов по итогам финно-угорской конференции, проведенной в музее.

Специально для посетителей сотрудники работают над изданиями «Мраморный зал Российского Этнографического музея», «Особая кладовая», далее в планах подготовка проспектов по ковровой, оружейной, музыкальной и мебельной кладовым. Уже подготовлен и вскоре увидит свет богато иллюстрированный путеводитель по музею. Разработана программа по возобновлению серии научных публикаций «Материалы по этнографии», которые издавались на рубеже веков. Первый выпуск – «Русские» – практически готов. В связи с подготовкой к юбилею музея в 2002 году (100 лет со дня основания) также проводится большая работа. Это прежде всего серия альбомов. Один из них – «Православные кресты» – первым увидит свет.

Здесь упомянуты лишь некоторые издания, в самом деле наши планы гораздо обширнее, как, впрочем, и в целом деятельность Российского Этнографического музея.

С 1991 года музей в соответствии с Указом Президента Российской Федерации получил статус Особо ценного объекта национального достояния России и стал называться по государственной принадлежности «Российский Этнографический музей». Этот факт говорит о том, какое значение придается главному в стране национальному Этнографическому музею.

Наши собрания, постоянные экспозиции и временные выставки достаточно ярко отражают сложнейшие процессы и изменения, происходившие и имеющие место и сегодня в межнациональных отношениях в нашей стране. Экспонаты являются вещественным выражением как своеобразия национальных культур народов России и сопредельных независимых государств, так и взаимообогащения, что говорит в пользу того, что межнациональным конфликтам не должно быть места в современном мире.

Основой основ нашего музея является теснейшее сотрудничество с различными академическими исследовательскими центрами, среди которых, безусловно, на одном из первых мест находится Институт истории материальной культуры. Нас объединяет прежде всего принцип единства в изучении как материальных, так и духовных ценностей прошлых веков – живых свидетелей процессов формирования российской государственности на различных исторических этапах. Формы такого сотрудничества весьма и весьма разнообразны – совместные исследовательские проекты, экспедиции, издания, выставки, подготовка молодых специалистов.

Можно с уверенностью сказать, что археология и этнография как самостоятельные науки неразделимы и являются неотъемлемыми частями единого целого – исторического знания. И это нашло свое яркое отражение во вполне органичном и естественном симбиозе, каковым является содружество Института истории материальной культуры Российской Академии наук и Российского Этнографического музея Министерства культуры Российской Федерации.

Р. В. ВАСИЛЬЕВА

**ГЛАВНОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ЦАРСКОЙ РОССИИ:
ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ.
1859—1917 гг.**

Заметки архивиста

Всегда чти следы (прошлого).

Всегда благоговей перед этими следами.

Стаций. «Фиванда»

В 1856 г., за три года до учреждения Императорской археологической комиссии, министр императорского двора получает уведомление с резолюцией «Александр» о возложении на генерал-адъютанта графа С. Г. Строганова заведования археологическими розысканиями в России. Случайным ли было это назначение или нет? В известной мере здесь сыграли роль личные качества графа и его заслуги перед Двором. Но назначение это оказалось для будущего учреждения судьбоносным. В проектах Строганова относительно устройства Комиссии были разработаны не только административные основы ее, но и, что чрезвычайно важно, определены его нравственные и этические нормы. Основную цель Комиссии граф видел не столько в открытии памятника, сколько в том, чтобы сохранить его, донести его историю и духовную красоту до народа. Изощренность графа в административных тонкостях составления документов позволяет ему подготовить такой проект археологического учреждения, статус которого перерастает рамки узковедомственной принадлежности. И Комиссия получает этот статус. К ее наименованию прибавляется слово «Императорская». 2 февраля 1859 г. «Положение» и «Штат» ее получили высочайшее одобрение. Первым ее председателем был высочайше утвержден граф С. Г. Строганов.

1860–70-е гг. отмечены относительно спокойной деятельностью. Это были годы накопления опыта археологической и административной работы. Основные раскопки велись на юге России, что заметно пополнило коллекцию Эрмитажа и Исторического музея. Именно в эти годы собираются уникальные изобразительные материалы о раскопках на юге (Керчь, Тамань) и закладывается основной и непреложный во все последующие времена принцип – по окончании любых археологических раскопок в архив ИАК должны быть представлены отчет, описи находок, дневник с описанием работ, рисунки с фиксацией памятника и находок и финансовая документация.

Таким образом, в архиве ИАК стала собираться уникальная по своей полноте и компактности коллекция документов (вплоть до 1917 г.) по проведению археологических изысканий в России. В эти же годы ИАК заявляет о себе и как об учреждении научном, способном дать оценку памятнику. Она устанавливает связи с Московским и Русским археологическими обществами. Стремясь придать учреждению характер все более научного, граф принимает в состав ее членов Н. П. Кондакова, приват-доцента СПб. университета, известного специалиста по византийской и русской культуре. Казалось, что деятельность учреждения развивается вполне успешно, если бы не один любопытный факт, отмеченный в отчете Строганова за 1881 г. и касающийся деятельности ИАК. В отчете председатель комиссии отмечает, что «... в последние годы (какие – в документе не уточняется) произошло сокращение личного состава комиссии и уменьшение объема раскопок», чем и объясняется сокращение финансирования ИАК к 1881 г. с 27 тыс. до 22 500 руб. 31 декабря 1881 г. С. Г. Строганов подает на имя И. И. Воронцова-Дашкова – министра Императорского Двора – записку об отставке. В архиве Института истории материальной культуры РАН (дальнейшие ссылки именно на документы этого архива) сохранилось два варианта записки, оба – автографы графа. Одинаковые по содержанию, они отличаются лишь в части, где речь идет о личном составе ИАК. Приведем же этот документ полностью. «Милостивый государь, граф Илларион Иванович. Болезненное состояние и лета, не позволяя мне более заниматься делами, как требует польза службы, я покорнейше прошу Ваше Сиятельство исходатайствовать у Его Императорского Величества мое увольнение от председательства Археологической комиссией и разрешения передать дела и библиотеку этого заведения директору Эрмитажа действительному статскому советнику А. А. Васильчикову в качестве председателя Комиссии». Далее следует часть, на которую мы обращаем внимание читателей. Вот ее первый вариант «...Если Ваше Сиятельство найдете удобным на первое время сохранить нынешний личный состав Комиссии, то не будут потеряны многолетние ученые предания и опытность главных деятелей Комиссии, старшего члена, статского советника барона Тизенгаузена и производителя дел, коллежского советника Сулова» (ф. 1, оп. 1, 1882 г., д. 13, л. 1).¹ Во втором варианте этого текста мы видим уже не просительный тон, а рекомендательно-утвердительный. «...При этом считаю долгом присовокупить, что с сохранением нынешнего личного состава Комиссии не будут потеряны многолетние ученые предания и опытность главных деятелей Комиссии старшего члена, старшего советника барона Тизенгаузена и производителя дел, коллежского

ассессора Сулова» (ф. 1, оп. 1, 1882 г., д. 13, л. 2). Итак, граф считал, что для продолжения жизнедеятельности Комиссии в ней должны остаться специалист-археолог (Тизенгаузен В. Г.) и производитель дел, иначе говоря, собиратель и хранитель архива ИАК (Сулов Ил.).

Своим преемником Строганов называет А. А. Васильчикова. Послужной список Александра Алексеевича Васильчикова (ф. 1, оп. 1, 1882 г., д. 13, лл. 42–48) мало что говорит о причастности его к археологическим древностям или занятиям искусством. Окончив Московский университет и поступив на службу по МИД, он до 1879 г. служил в заграничных дипломатических миссиях, в том числе – в Риме. В 1879 г. назначен директором императорского Эрмитажа. Быть может, личные качества этого человека делали его в глазах Строганова достойной заменой в ИАК. Возможно. Но как бы то ни было, в 1882 г. он назначается председателем ИАК.

Новый председатель получил в наследство учреждение с уже сложившейся репутацией и в общем-то налаженной административной структурой. В одном из последних отчетов, уже накануне отставки, Строганов (ф. 1, оп. 1, 1882 г., д. 13, лл. 3–4) представляет такую картину масштабов деятельности и достижений ИАК за весь период существования: I. «...изыскание древностей, относящихся к периоду процветания греческих колоний на нашем Черноморском побережье и ко времени обитания Новороссийского края различными скифскими племенами ... Наиболее выдающиеся, роскошные по содержанию, находки, сделанные: 1) в Крыму, в окрестностях Керчи; 2) в Екатеринославской губернии, в Чертомлыцком кургане и 3) в Кубанской области, в Большой Близнице, в группе курганов, известных под названием "Семь братьев", и в Артюховском кургане близ станицы Сенной»; II. вышло в свет 19 томов Отчетов ИАК и два выпуска Древностей Геродотовой Скифии; III. контрольная деятельность ИАК выразилась в «наблюдении за случайными археологическими находками, их приобретении и передаче в Эрмитаж и другие музеи». Архив ИАК к 1882 г. составлял уже ок. 500 единиц хранения. Это письменная документация (отчеты, описи находок, дневники, переписка с министерством и музеями о приобретении случайно найденных вещей и кладов, об изданиях ИАК и др.) и изобразительный материал о раскопках на юге страны в виде альбомов с рисунками и чертежами. Штат комиссии состоял из старшего члена Тизенгаузена В. Г. (с 1861 г.), младшего члена профессора Н. П. Кондакова (с 1876 г.), производителя дел Ил. Сулова (с 1865 г.), художника И. Н. Медведева (с 1859 г.) и сторожа Михайлова (с 1867 г.).

Годы правления А. А. Васильчикова (1882–1886 гг.) для Комиссии стали продолжением того, что было начато при Строганове. В 1886 г.

он вышел в отставку, и на его место был назначен граф Алексей Александрович Бобринский. С его назначением в ИАК происходят разнообразные преобразования.

Несколько слов о А. А. Бобринском. В архиве хранится дело. На обложке значится «О назначении камергера Двора Императорского Величества графа А. А. Бобринского председателем Археологической комиссии». Даты документов, собранных в нем, 1886–1918 гг. (ф. 1, оп. 1, 1886 г., д. 6). Среди них – формулярные списки графа, составленные в разные годы его служебной карьеры. Бобринский А. А. родился в 1852 г. В момент назначения председателем ИАК ему было 34 года, был женат на дочери статс-секретаря Его Величества Надежде Половцовой, имел трех дочерей. Дворянин. Владелец имений в Тульской и Киевской губерниях. Обучался в Петербургском университете, который не окончил, уволившись со второго курса. Однако это не помешало ему в короткий срок сделать необыкновенную карьеру: 1873 г. – канцелярия кабинета министров, 1874 г. – определен коллежским регистратором, 1875 г. – Петербургский уездный предводитель дворянства, 1876 г. – Петербургский губернский предводитель дворянства, 1878 г. – почетный мировой судья в Черкасском округе Киевской губернии и одновременно мировой судья по С.-Петербургскому уезду, член Попечительного совета заведений Общественного Призрения, в 1882 г. «за усердную и полезную службу» пожалован чин статского советника. В 1883 г. пожалован в звание камергера Двора Его Императорского Величества. В звании камергера Двора в 1886 г. он получает пост председателя Императорской Археологической комиссии. И любое назначение отмечается наградой за «усердие». Так в 1877 г. ему объявляется высочайшая благодарность за «...успешную деятельность по призыву запасных нижних чинов и по поставке от населения лошадей для войск». Он имеет ордена и медали разных достоинств.

Человек неумного темперамента, огромной трудоспособности, бескомпромиссный борец за свои идеи – таким предстает перед нами граф А. А. Бобринский, новый председатель ИАК. Что же произошло с его приходом туда? Обратимся к документам архива. В нашем экскурсе мы не будем придерживаться хронологической последовательности в изложении фактов.

В 1894 г. А. А. Бобринский составляет записку, которая называется «Очерк деятельности Императорской Археологической комиссии в царствование в бозе почивающего Императора Александра III».

Очерк открывается несколькими благодарственными пассажами относительно прошлого Комиссии, когда ее стараниями были созданы основы археологической службы в России. «Строгановская»

Археологическая комиссия смогла заложить основы археологической службы в России и «Благодаря Комиссии, – пишет Бобринский, – удалось спасти для науки множество любопытных древних вещественных памятников» (ф. 1, оп. 1, 1900 г., д. 174, л. 5). Бобринский отстаивал идею, освященную благородной целью. «...мы не должны забывать, – напишет он несколько позже, – что конечная цель археологии... цель христианская: принести пользу людям, научить их истине, направить их на путь возможного счастья в жизни» (ф. 25, д. 39).

Первое, что предпринимает Бобринский, – это улучшение пошатнувшегося финансового положения Комиссии и ее штатного потенциала. Уже в 1888 г. он добивается увеличения финансирования раскопочной деятельности Комиссии и увеличения средств на издания ее трудов. В смету ИАК вносится дополнительная статья – «сверхсметные кредиты». Эти средства расширяли возможности Комиссии по приобретению древностей у частных лиц. Далее. По высочайше утвержденным штатам 24 апреля 1888 г. Бобринский получает право «...избирать из числа лиц, известных ему научными трудами по археологии, в звание сверхштатных членов Комиссии и членов-корреспондентов, что дало возможность привлечь к достижению научных целей Комиссии многих известных ученых, членов Археологических и других обществ и частных лиц, занимающихся серьезно научными трудами по археологии» (ф. 1, оп. 1, 1900 г., д. 174, лл. 4 об. – 5). Графа мало заботили место работы кандидата, чины или сословная принадлежность. Вокруг ИАК собираются люди, чаще всего из губернских городов империи. Среди них: профессор Д. Я. Самоквасов из Варшавского университета, К. Е. Думберг – преподаватель Ревельской гимназии, В. Б. Антонович (1891 г.) и Ю. А. Кулаковский (1894 г.) – профессора университета Св. Владимира в Киеве, А. А. Спицын – преподаватель Вятской гимназии, В. В. Латышев – помощник попечителя Казанского учебного округа, Н. Н. Пантусов – чиновник особых поручений при военном губернаторе Семиреченской области и многие другие. Среди сверхштатных сотрудников ИАК и членов-корреспондентов в разные годы были историки И. Е. Забелин и Л. Э. Стефани, В. В. Стасов и академик В. В. Радлов, уже известные археологическими исследованиями ученые Ю. Б. Иверсен – хранитель Эрмитажа и упоминавшийся выше профессор Варшавского университета Д. Я. Самоквасов, профессор СПб. университета Н. И. Веселовский (с 1896 г. старший член комиссии), генерал-майор А. Л. Бертье-Делагард, горный инженер И. А. Лопатин и многие другие.

Далее автор переходит к характеристике основных направлений деятельности ИАК. Одним из первых, и очевидно основных, является

деятельность ИАК «по упорядочению археологических раскопок». Граф пишет «Ввиду важного научного значения, которое представляют повсюду находящиеся в империи курганы, древние могильники и старинные сельбища, и неопределенность постановлений об охране этих памятников древности, а также отсутствие единства в относящихся к ним распоряжений побудили Археологическую комиссию возбудить вопрос о необходимости упорядочить производство археологических раскопок» (ф. 1, оп. 1, 1900 г., д. 174, л. 5 об.).

11 марта 1889 г. по Высочайшему повелению ИАК получает исключительное право на проведение археологических раскопок на казенных и общественных землях, выдачу разрешения на раскопки и реставрацию монументальных памятников древнерусского зодчества. Полученное право обязывало. И потом еще многие годы ИАК с неслабым упорством будет охранять бесценные сокровища древней истории от расхищений, вывоза за границу, от разрушения временем и рукотворного уничтожения. Комиссия собирала древности по всей России: у частных лиц, приобретая на рынках, покупая частные коллекции целиком или отдельные вещи из них. Число спасенных таким образом предметов научной и художественной ценности огромно. Многие из них переданы были в Эрмитаж и Исторический музей, менее ценные находки передавались в местные археологические музеи. Издательская деятельность ИАК, начатая еще при С. Г. Строганове, Бобринским была расширена до изданий монографических исследований. Наряду с ежегодными отчетами она начинает издавать серию «Материалы по археологии России» В этой серии были выпущены: «Сибирские древности», «Древности Северо-Западного края», «Древности Южной России. Керченская христианская катакомба» и др. ИАК готовила к изданию и монографические исследования. Среди них «Русские клады» Н. П. Кондакова, «Древности Геродотовой скифии», материалы П. П. Покрышкина об исследованиях Нередицкой церкви в Новгороде и многие другие.

Влиятельность ИАК в научных кругах становится все прочнее. И уже к концу века она становится авторитетнейшим учреждением и в вопросах научной реставрации памятников. Учрежденный при ней в 1890-х гг. Реставрационный отдел стал настоящим научным центром по сбору сведений и проведению практической реставрации всех памятников церковного зодчества. Вокруг него группируются лучшие архитекторы и художники, искусствоведы и реставраторы. В начале нового столетия это уже учреждение, без мнения которого не принимается ни одно решение по охране памятников на самом высоком уровне. В 1896 г. А. А. Бобринский скажет: «По каким бы отраслям мы ни служили археологии, извлекаем ли из недр земли

останки старины, группируем ли их в витринах музеев или занимаемся их научной обработкой, – все мы работаем во имя одной, освящающей наш труд идеи: просветить людей, научить их уважать былое, как источник их собственного благополучия, и трудиться на дальнейшее развитие человечества и его искусства» (ф. 25, д. 39). Во имя достижения этой идеи П. П. Покрышкин ставил на своих обмерных чертежах Нередицкой церкви: «Одобрено мною и Господом Богом». Уже незадолго до революционных бурь 1917 г. Н. И. Веселовский отмечает, что ИАК – это учреждение, «...принадлежать к которому было не только честью, но и счастьем» (ф. 18, д. 145, л. 5 об.).

В результате Октябрьского переворота 1917 г. ИАК, к счастью, не была уничтожена, а в преобразованном виде уступила свое место созданной в 1919 г. Российской Академии истории материальной культуры (РАИМК). Был сохранен и архив, который продолжал пополняться документальными материалами, связанными с археологией и охраной памятников. В 1930-е гг. в архив академии (с 1926 г. Государственная академия истории материальной культуры – ГАИМК) стали поступать документы учреждений, ликвидированных в первые годы советской власти. Таким образом, архив является обладателем ценнейшей научной документации, сохранившейся в фондах Московского и Русского археологических обществ и ряда административных ведомств дореволюционной России, занимавшихся археологическими «розысканиями» – Канцелярии министерства уделов (ф. 9), Первого отделения Департамента общих дел МВД (ф. 6) и др. В документах этих фондов – первые проекты о раскопках древних памятников в России, открытие и исследование знаменитых керченских и таманских древностей, открытие первых славянских поселений на территории новгородской земли, сибирские памятники, палеолитические стоянки в Центральной России и др. В архиве оказались и уникальные статистические и разного рода «описательные» документы по всем «наземным и подземным» памятникам российской старины. В числе последних – уникальная коллекция церковных метрик по всем епархиям Российской Империи. Огромен документальный комплекс по охране памятников старины. Среди этих материалов несомненный интерес представляют документы фонда Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины (ф. 68). Здесь сохранились документы по осмотру памятников и проекты их сохранения, фотографии и рисунки, письма известных деятелей искусства, автографы великого князя Николая Михайловича – председателя Общества и активного защитника российских памятников старины. Особенную историческую и научно-практическую ценность представляет обширная коллекция изобразительного и

графического материала этого архива. Несомненную ценность в этом собрании представляют альбомы (рисунков и фотографий) – Керчь, Тамань, Старая Ладога и Псков, монументальные памятники Владимирской земли и Средней Азии и др., графическая документация – обмерные чертежи церковей (Новгород, Псков, Москва, Владимир, Киев и многие другие).

Особенную притягательность для исследователей представляют документы личных фондов ученых. В архиве около 70 таких фондов. Самый ранний из них – фонд А. Н. Оленина (с конца XVIII в.). В эту коллекцию вошли личные фонды сотрудников ИАК: А. А. Бобринского и С. Г. Строганова, архитекторов-реставраторов П. П. Покрышкина и К. К. Романова, Н. В. Султанова, химика-реставратора, автора разработок техники реставрации живописи В. А. Щавинского, археологов Н. И. Веселовского, А. А. Миллера, Н. И. Репникова, А. А. Спицына, Б. В. и М. В. Фармаковских, А. В. Шмидта, нумизмата Е. М. Придика, крупнейшего исследователя христианской культуры Я. И. Смирнова, художника и археолога Н. К. Рериха и других.

В нашем кратком обзоре мы смогли отметить лишь немного о деятельности ИАК и накопленных ею материалах. Документы архива ИИМК – это скромная частица духовного и научного наследия нашего народа, бесценный документальный материал для многих поколений исследователей. Значительная часть документов уже известна ученым и широко используется в благородном деле восстановления памятников церковного зодчества. Но многое еще мало известно. Некоторые из таких документов мы и хотим предложить читателям в настоящей публикации. Это документы из фонда «Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины».

Копия¹

Записка А. Н. Бенуа

В Совет Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины.

Помня примечание к § 1 устава нашего Общества, я считаю своим долгом обратить внимание г.г. членов Совета на ряд прискорбных случаев, происходящих за последнее время с картинами ИМПЕРАТОРСКОГО Эрмитажа. Несколько лучших памятников живописи

¹ А. Н. Бенуа. Записка в Совет Общества о «преступной реставрации картин в Эрмитаже» от 20 ноября 1915 г. (архив ИИМК, ф. 68, д. 55, лл. 1– об.).

совершенно испорчены неудачной отмывкой старого лака и записей прежней реставрации; другие же картины лишились облагораживающей патины времени – причем никакой настоящей необходимости во всех этих случаях «восстановления» не усматривалось. Перечислю главные примеры этого своеобразного вида «вандализм».

1) На портрете кардинала Паллавичини работы Себастиана дель Пиомбо смыта прежняя искусная реставрация, придававшая картине известную гармоничность, а оказавшиеся под ней пробоины заделаны весьма неумелым способом, вследствие чего весь портрет в целом приходится считать безвозвратно погибшим.

2) На картине того же мастера «Снятие с креста» испорчена мытьем живопись ног Спасителя.

3) На картине Клода Лоррена «Ночь» сняты лиссировки, вследствие чего проступившая наружу подмалевка производит грубое и грязное впечатление. Грязный вид придают картине и оставшиеся несмытыми пятна старого лака. Надо при этом прибавить, что картина до реставрации отличалась полной гармонической прелестью – ныне совершенно утраченной.

4) Подвержена мытью картина редчайшего венецианца Виченцо Катэна «Богородица со святыми», причем, судя по отзыву лиц, видевших картину уже после реставрации, выступили, правда, яркие подмалевки на одеждах Богородицы и Иоанна Крестителя, но зато уничтожена общая гармония картины и почти совершенно смыта фигура Младенца Христа. В общем картина до последней реставрации отличалась, несмотря на следы некоторого мытья, – сравнительно очень удовлетворительной свежестью.

5) На фигуре Клеопатры в картине «Пир Клеопатры» как следствие реставрации выступили безобразные красные пятна.

6) Примерами бесцельной отмывки патины являются картины Доменикино Проккачини, Гюбера-Робера, Андриана-ван-дер Вельде и других.

Признавая, что все случившееся произошло с лучшими намерениями и не отрицая даже чисто технической компетенции лица, которому поручено дело Эрмитажной реставрации, я тем не менее зываю к нашему Обществу, дабы оно предприняло шаги к удержанию г.г. хранителей нашей главной сокровищницы от дальнейших подобных экспериментов, не вызванных настоящей необходимостью спасения картин от гибели (я подразумеваю случаи, когда нужно дублировать старый холст, перенести живопись с дерева на холст и т. п.). Ведь вообще картины чаще гибнут от слишком усердной реставрации, нежели от огня и от других стихийного характера причин. К тому же люди художественной науки слишком подвержены искусству

добиваться восстановления первоначального вида любого памятника, тогда как обыкновенно позднейшие наслоения служат прикрытием мест, бесследно исчезнувших с незапамятных времен. Всякая старинная картина представляет собой руину, которую следует оберегать всеми силами, но которую в огромном большинстве случаев нельзя вернуть к тому состоянию, в котором она покинула мастерскую автора.

Товарищ Председателя Общества защиты памятников

(подписал) Александр Бенуа.

Записка вел. кн. Николая Михайловича ¹

Ваше Высокопреосвященство.

При недавнемъ объѣздѣ сѣвера Россіи и осмотра мѣстныхъ памятниковъ искусства и старины я, посѣтивъ въ Тихвинѣ мѣстный монастырь, былъ крайне обрадованъ видѣть ризницу монастыря и всѣ описи въ блестящемъ порядкѣ, о чемъ считаю пріятнымъ долгомъ довести до Вашего свѣдѣнія.

Поручаю себя молитвамъ Вашимъ

/подп./ НИКОЛАЙ МИХАИЛОВИЧЪ.

№ 44.

іюля 1916 г.

Арсенію, Архіепископу Новгородскому и Старорусскому.

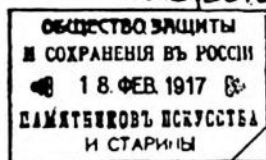
¹ Записка вел. кн. Николая Михайловича – председателя Общества – архиепископу Новгородскому и Старорусскому о состоянии старинных храмов Тихвина и ризницы Большого Успенского собора г. Тихвина (не ранее 1916 г.) (архив ИИМК РАН, ф. 68, д. 1, лл. 61–62).

Письмо Н. К. Рериха¹

76
Глубоко уважаемый
Евгений Николаевич

Очень жалею, что не могу
быть в Ленинграде на заседании
Общества 15-го А. А. Мухоморова
— вероятно будет около дома
нашней бы много, могу все
высказать подробно и
основательно изложить

Искренне Ваш преданный

15 февраля 1917 г.

¹ Письмо Н. К. Рериха вице-председателю Общества Е. Н. Волкову «о грабительских раскопках археологических памятников возле Хосты» от 15 февраля 1917 г. Автограф (архив ИИМК РАН, ф. 68, д. 1, л. 76).

CONTENTS

V. P. Serdukov. Pledge of future is in traditions of centuries	5
D. S. Lichachev. Declarations of culture rights	11
A. N. Kirpichnikov. Reflections about national character and national idea of Russia	15

HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE

S. V. Beletskii, E. V. Skrynnikova. Pskov Kremlin as monument of Russian medieval history culture and open-air museum	23
G. V. Dvas. Ascetism of the abbot of Aleksandr-Svirskii monastery archimandrite Agafangel	33
E. G. Drapeko. Modern law aspects of the preservation of cultural heritage	47
A. N. Kirpichnikov. Past between us. About national historical and cultural monuments	50
V. A. Lapshin, A.V. Subbotin. Rescue investigations of archaeologists of St. Petersburg on the territory of Leningrad region	64
T. B. Senichenkova. Some problems of the preservation of historical and cultural heritage on the territory of Leningrad region	72
A. N. Tsamutali. To keep safe the memorials of the military history	77

SCIENTIFIC AND CULTURAL HERITAGE

V. M. Masson. Scientific space of UIS and Eurasian blocks of cultural heritage	83
A. E. Musin. Christian antiquities, as part of modern Russian culture	88
E. N. Nosov. The origin of ancient Russian towns in the national historical thought	104
E. A. Ryabinin. Ethno-cultural panorama of the North-Western Russia in early and developed medieval periods	111
A. I. Saksa. The archaeological heritage of the ancient Karela	121
V. S. Simakov. Books, which are left after us	130
P. E. Sorokin. Cultural heritage of St.-Petersburg	138

TREASURY OF CULTURAL HERITAGE

G. V. Dlužnevskaya. History, archaeology, architecture of the North-Western region of Russia in photographs of 19–20-th centuries (Materials from photoarchive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences)	149
I. V. Dubov. The Museum of Ethnography – collection of the cultural heritage of the Russian state... ..	168
R. V. Vasil'eva. The main archaeological institution of Tsar's Russia: The Royal Archaeological Commission 1859–1917. Notes of an archivist	177

СОДЕРЖАНИЕ

Сердюков В. П. Залог будущего – в вековых традициях	5
Лихачев Д. С. Декларация прав культуры	11
Кирпичников А. Н. Размышления о национальном характере и национальной идее России	15

ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И АРХИТЕКТУРЫ

Белецкий С. В., Скрышников Е. В. Псковский кремль – памятник истории и культуры русского средневековья и музей под открытым небом	23
Двас Г. В. Подвижничество настоятеля Александро-Свирского монастыря архимандрита Агафангела	33
Драпеко Е. Г. Современные законодательные аспекты охраны объектов культурного наследия	47
Кирпичников А. Н. Прошлое среди нас. О памятниках отечественной истории и культуры	50
Лапшин В. А., Субботин А. В. Спасательные работы петербургских археологов на территории Ленинградской области	64
Сениченкова Т. Б. Некоторые проблемы сохранения историко-культурного наследия Ленинградской области	72
Цамугали А. Н. Охранять памятники военной истории	77

НАУЧНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Массон В. М. Научное пространство СНГ и евразийские блоки культурного наследия	83
Мусин А. Е. Церковная археология как часть современной российской культуры	88
Носов Е. Н. Древнерусский город в отечественной исторической мысли	104
Рябинин Е. А. Этнокультурная панорама Северо-Западной Руси в эпоху раннего и развитого средневековья	111
Сакса А. И. Археологическое наследие древней Корелы	121
Симаков В. С. Книги, которые мы оставляем	130
Сорокин П. Е. Археологическое наследие Санкт-Петербурга	138

СОКРОВИЩНИЦЫ КУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ

Длужневская Г. В. История, археология и архитектура Северо-Западного региона России в фотографиях XIX—XX веков (Материалы фотоархива Института истории материальной культуры Российской Академии наук)	149
Дубов И. В. Музей этнографии – собрание культурного наследия Российского государства	168
Васильева Р. В. Главное археологическое учреждение царской России: Императорская археологическая комиссия. 1859—1917 гг. Заметки архивиста	177

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

В авторской редакции

Технический редактор Г. В. Преснова

Компьютерная верстка О. Б. Омелина, А. Г. Плюскова

Корректоры: Н. Б. Старостина, Н. И. Шишкова

Лицензия Госкомпечати РФ ЛР № 040511 от 29.07.97.

Сдано в набор 31.05.2000. Подписано к печати 23.08.2000. Гарнитура Times. Формат 60×84¹/₁₆.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,2. Тираж 1000 экз. Заказ № 449.

Издательско-полиграфический комплекс «Вести»

193311, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 3